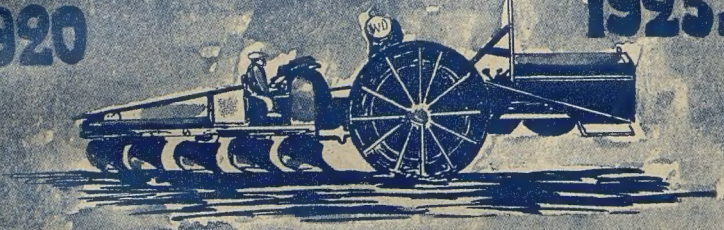
У
П 99
Пять лет
работ
и 1925

У
№ 99

ПЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ

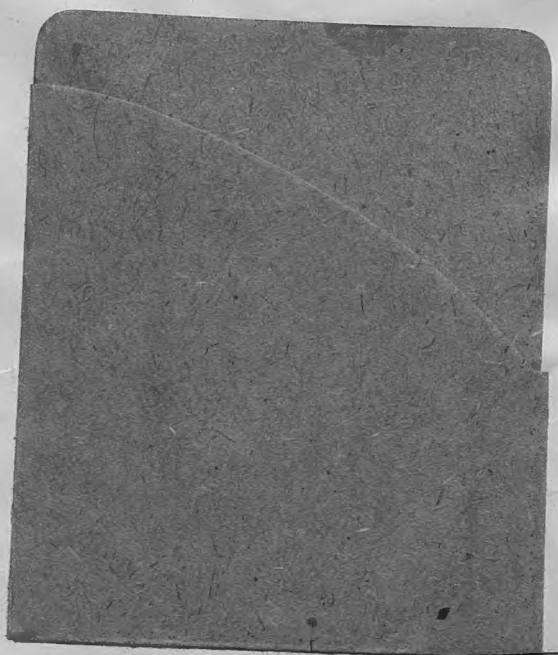
1920 — 1925 гг.



ИТОГИ ПЯТИЛЕТНЕЙ РАБОТЫ РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА ПРИ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИМЕНИ К.А.ТИМИРЯЗЕВА.

ИЗДАНИЕ РАБФАКА Т.С.Х.А. МОСКВА–1925 г.

48847/4



У
П99

373 (47) (09)

ПЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ

1920—1925 г.г.

ИТОГИ
ПЯТИЛЕТНЕЙ РАБОТЫ
РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА
ПРИ
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ
имени **К. А. ТИМИРЯЗЕВА.**

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 48847/4

13396

ИЗДАНИЕ РАБФАКА Т.С.Х.А. МОСКВА—1925 г.

„МОСПОЛИГРАФ".
Типо-Литограф. школы
ФЗУ им. Борщевского.
Большая Садовая, 23.
Главлит № 30228.
Тираж 1000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Пять лет учебы, работы и борьбы за высшую школу для пролетариата и крестьянства имеют много поучительного. Много практически удалось, много и не принято жизнью,—подвести всему этому пяти-годовой итог—вот задача сборника.

О чем же говорит опыт?

Опыт говорит о том, что учебные планы и программы за этот период только строились, и в предстоящие годы они будут эволюционировать, совершенствуясь и все больше и больше отвечая запросам жизни. Методическая работа шла скачками, теперь опыт подсказывает целесообразность Дальтон-плана, но полное его осуществление требует особенной чуткости со стороны педагогического персонала, и самое главное, коллективной работы их в своем круге и с широким привлечением студенчества. Последнее особенно важно, т. к. прошлая работа в этом направлении студорганизаций предупредила целый ряд ошибок, которые были сделаны без учета студенческих предложений, а вместе с этим давало толчки вперед к реформе и совершенствованию.

Нужно отметить один очень серьезный момент, который имеет важное организационное значение—это задачи Рабфаков при специальных ВУЗ'ах. В прошлом студенчество комплектовалось в н/Рабфак без учета желания, в какой области народно-хозяйственной жизни работать по окончании ВУЗ'а. Получалось так, что желающие учиться в М.В.Т.У. и работать в электропромышленности, посылался в Рабфак Т. С. Х. А. Это было ненормально, и на нашем Рабфаке дошло до того, что более 60% шло не в Академию, к которой Рабфак подготавливает, главным образом, а в другие ВУЗ'ы.

Славная работа Студкома с самого основания Рабфака и партколлектива золотыми буквами вписана в историю нашего Рабфака.

Общественные организации, работавшие под руководством Бюро ячейки, Студкома, а затем Факультkома, проделали громадную работу в области организационной и в области учебной и много потрудились

в области хозяйственной. Студенты были в полном смысле строители. Все это с передвижкой кончающих в Академию неслось в последнюю и поворачивало ее на новый лад. Методы учебы, оценки, формы организации учебной жизни, имевшие место на Рабфаке, теперь прививаются в Академии. Спайка среди основников растет, чего раньше не было.

Научно-педогогический коллектив Академии в лице профессоров и преподавателей, стремясь планомерно исправлять замечаемые ошибки и недостатки в учебном деле, сможет оказать колоссальную пользу пролетарскому студенчеству в подготовке его к высшей школе.

Дело студентов, засучив рукава, взяться за учебу с тем, чтобы в Академии они лучше «грызли гранит науки», но через своих представителей они должны продолжать также работу по укреплению и улучшению учебы, связывая ее с жизнью, с производством.

Задача заинтересованных организаций уделить не меньшее внимание Рабфаку при Т. С. Х. Академии.

Водков А. П.

Кувшинов И. С.

Уманский А. Г.

Завотделом Рабфаков т. Вихирев.

Из доклада т. Вихирева на 4-м Всероссийском с'езде завед. и студенчества Рабфаков.

Вопрос будущности рабфаков есть в значительной степени вопрос о дальнейшей судьбе подготовки кадров рабоче-крестьянской интеллигенции, без которой мы социализма не построим.

В нашей системе народного образования в настоящее время нет ни единой нормальной школы, кроме рабфаков, которая могла бы претендовать на подготовку хотя бы минимальных кадров подлинного рабоче-крестьянского студенчества, основного условия сохранения классовой политики в деле комплектования ВУЗ'ов.

СТАТЬИ и ОТЧЕТЫ.

Заврабфаком Кувшинов И. С.

И. С. Кувшинов.

Краткая история организации Рабфака ТСХА и достижения за 5 лет.
(1920—1925 г.).

Коммунистическая партия после Октябрьской революции для завоевания высшей школы, чуждой пролетарскому классу по своему составу, повела политическую борьбу, расчитанную на долгий период. Об'ектом непосредственной работы в этом направлении явилось, главным образом, создание Рабфаков с их пролетарским студенчеством. Компартия выдвинула в области народного просвещения задачу дать высшее образование рабочему и крестьянину, до этого загнанному самодержавием, подготовить из них пролетарских руководителей в хозяйстве и работников для высшей и др. школ.

Прошло 5 лет, как рабфаковское студенчество вошло в стены Сельско-Хозяйственной Академии (быв. Петровской),—ныне носящей имя К. А. Тимирязева. Много трудностей пришлось рабфаковцам перенести в свое время: неприветливое отношение и в массе открытая враждебность к пролетариату со стороны белогвардейского студенчества Академии, почти полная пассивность со стороны преподавателей и профессоров, за исключением немногих.

Все это время рабфаковская масса, пришедшая от станка, перенесла на своих плечах, находясь в непрестанной борьбе с остатками прошлого при тяжелом экономическом положении. В истории возникновения Рабфаков с этим пришлось почти повсюду в ВУЗ'ах сталкиваться, и это явление освещалось неоднакратно в свое время на страницах газет и журналов.

Рабфак при Сельско-Хозяйственной Академии начал свою работу с 18 декабря 1920 года. Зарождаясь в крайне неблагоприятной обстановке, Рабфак первоначально вынужден был проводить свои занятия без определенного плана и даже места работы, его учебная физиономия долгое время оставалась неясной: она базировалась на предположении выпускать при двухлетнем курсе,—окончивших Рабфак, прямо на основные факультеты Академии (даже на второй курс), что несомненно заставляло дублировать программы основных факультетов и являлось, по существу, невыполнимой утопией. Конечно, здесь проявлялась большая неясность, в свое время существовавшая во взглядах руководителей на задачи Рабочих Факультетов при ВУЗ'ах, что приводило к неверным результатам в области подготовленности рабфаковцев: наблюдались протесты со стороны профессуры ВУЗ'ов, указывавшей на основе поспешных выводов, что Рабфаки не оправдают своего назначения и посылают в ВУЗ'ы людей безграмотных. Эти заявления, конечно, имели и политическую подкладку, но часто были и об'ективно правильными, ибо при двухгодичном сроке обучения людей, умеющих лишь писать и читать, получить достаточно положительные результаты при изучении ими около 30 программных предметов, связанных зачастую с высшей математикой, было, конечно, утопией. Поэтому дальнейшая работа Рабфака пошла по пути уточнения и приспособления учебных программ к задачам подготовки рабфаковцев к высшей школе. Многие перемены в организационной части, а главное—постоянное изменение руководящего аппарата, не дали возможности ввести в первые же годы деятельность Рабфака в нормальные рамки и условия: он оставался в стадии организации около двух лет.

Инициатива организации Рабочего Факультета при Тимирязевской Сельско-Хозяйственной Академии (быв. Петровской) принадлежит местной студенческой ячейке РКП (б) и была вызвана, в условиях жизни Сельско-Хозяйственной Академии того времени, настоятельной необходимостью пролетаризировать студенческий состав Академии. Датой начала подготовительных работ по организации Рабфака следует считать 20 июня 1920 года, когда на общем собрании коммунистов была образована особая комиссия. Месяц спустя был утвержден Главпрофобром «Организационный Комитет», образованный на широких междуведомственных началах.

Фактическая работа Рабфака, как учебного заведения, началась с 18 декабря 1920 года.

Ближайшие учебные задания, которые стояли перед Рабфаком, а также основные принципы приема слушателей были разработаны самим «Организационным комитетом», причем как в той, так и в другой области существовали большие неясности и разногласия, вытекавшие из недостаточно ясного представления о сущности Рабфаков.

Эти обстоятельства проявились в разработке первого учебного плана, в который были введены предметы, проходившиеся на основных факультетах Сельско-Хозяйственной Академии, как, например, с.-хоз.

машиностроение, метеорология, климатология, философия общей ботаники и пр.

Программы по предметам носили случайный характер, меняясь вместе с преподавателями, строгого разделения учебного плана по курсам также не существовало.

Правила приема на Рабфак были построены таким образом, что рабочим и крестьянам предоставлялась только «первоочередность» приема, причем, вообще говоря, предпочтение при приеме, оказывалось лицам, уже имеющим низшее сел.-хоз. образование Не удивительно, поэтому, что такое неясное представление о пролетарской сущности Рабфаков привело к тому, что новый прием дал следующую картину:

Социальный состав.

Хлебопашцев	33 3/4 0/0
С.-х. служащих и индустр. рабочих	26 0/0
Канцел. служащ.	13 0/0
Школ. раб.	6 1/2 0/0
Учащихся	8 0/0
Лиц с неопред. проф.	13 0/0

Если анализировать приведенные данные с точки зрения социального состава, то...

Окончивших сельск. школу	30 ч.
Высш. начальн.	73 „
Не законч. средн. образован.	66 „
Окончивш. школу II ступ.	43 „
Получивших с.-х. образов	53 „
Ремесл. школа	2 „
Самоучек	6 „

Следует признать, что истинный % рабочих и крестьян в первом приеме был чрезвычайно низок, т. к. сел.-хоз. служащих, которые указаны одной суммой с индустриальными рабочими, ни в коем случае нельзя, конечно, отнести к последним; кроме того, число истинных земледельцев из числа 92 чел., в действительности также гораздо меньше, т. к. «хлебопашцами» называли зачастую себя лица, числящиеся таковыми лишь по паспорту.

Данные выводы подтверждаются и анализом статистических данных об образовательном уровне вновь принятых слушателей.

Эти данные достаточно выявляют почти полное отсутствие строгой классовой линии в деле подбора слушателей Рабфака, что давало возможность поступать на Рабфак совершенно случайному элементу.

Весьма значительная часть (если не большинство) студентов этого приема смогла окончить Рабфак в течение каких-нибудь 6—8 м-цев, а иногда и того меньше, поступая на Рабфак только для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно поступить в ВУЗ.

С другой стороны, и материально-хозяйственные условия были не в лучшем состоянии: Рабфак имел лишь одну постоянную аудиторию,

без малейших следов оборудования; занятия велись, главным образом, по вечерам, когда студенты были вынуждены заниматься в атмосфере, уже отравленной дневными занятиями, или в коридорах академических помещений.

Аудитории не убирались иногда по целым месяцам и совершенно не отапливались.

Президиум Рабфака и парторганизаторы.

Материальное положение самого студенчества и преподавателей было катастрофическим. При существовавшей в то время системе натурального обеспечения студентов Рабфак не имел собственного склада-распределителя продовольственных пайков; вследствие этого перебои в выдаче студентам пайка, и без того весьма недостаточного, вызывали настоящие голодовки студенчества. Общежитий было крайне недостаточно, а имевшиеся—в большинстве случаев дачного типа—по своему состоянию были почти совершенно непригодны для жилья, и студенты были вынуждены неделями и месяцами ютиться где и как попало—вплоть до вокзалов и местного парка в теплое время года.

Крайне остро стоял вопрос с подбором достаточно квалифицированного и удовлетворяющего запросам рабочей аудитории преподавательского персонала.

Вопрос осложнялся еще тем обстоятельством, что за отсутствием транспорта Тимирязевская (тогда Петровская) Сельско-Хозяйственная Академия была отрезана от города, а это заставляло Рабфак приглашать в качестве преподавателей совершенно случайных лиц. С другой стороны, условия материального обеспечения преподавателей на Рабфаке были настолько неблагоприятны, что на преподавательскую работу в Рабфаке не могли привлекать достаточно квалифицированных работников, предпочитавших устраиваться на лучше оплачиваемую работу в Москве. Те же из преподавателей, которые вели работу на Рабфаке,

стремились отдавать ей возможно меньше времени, с тем, чтобы иметь возможность работать по совместительству в других органах.

В административно-организационной области учебной жизни царил полный хаос. Так, твердого учебного плана, не существовало; программы разрабатывались без учета реальных возможностей, перспектив и не увязывались с основными задачами Рабфака. В методическом отношении господствовала полная неразбериха, учета посещаемости и успеваемости студентов не было, а посещаемость занятий преподавателями была очень низкой.

Аппарат учебной части, призванный ликвидировать эти недочеты и внести планомерность в учебную жизнь, состоял из одного лишь заведующего, не имевшего даже технических сотрудников. Предметные комиссии по математике, химии, русской литературе и зоологии почти не работали. Слушатели не были разделены на группы, а разделение на курсы было едва намечено.

Таким, в общих чертах, положение Рабфака оставалось до января 1922 г. В этой первой стадии своего существования Рабфак по существу представлял общеобразовательные курсы неопределенного типа. Март 1922 г. следует считать датой перелома в жизни Рабфака, т. к. с данного момента намечается постепенный, но неуклонный сдвиг в сторону постоянного улучшения во всех областях жизни Рабфака.

Первой задачей перед президиумом стала работа в области организации учебного дела, и естественно, на первый план выдвинулась разработка учебного плана, который четко и ясно отразил бы в себе те задачи, которые поставлены перед Рабфаком, как основной позицией для завоевания высшей школы вообще, и подготовки пролетариев в нее и перед Рабфаком при Сельско-Хозяйственном ВУЗ'е, в частности.

Схема учебного плана и вновь разработанные программы, увязанные между собой и согласованные с программами Главпрофобра, были построены применительно к 3 летнему курсу, при чем Рабфак в то время имел один биологический уклон, а также была достигнута необходимая степень логической увязки программ Рабфака с программами основных факультетов Академии. Потребность в техническом уклоне также назревала, но последний мог быть организован только в 1923/24 учебном году, будучи приспособлен, главным образом, к инженерному факультету Т. С. Х. А.

Придавая особенно важное значение именно биологическому уклону, Президиум Рабфака поставил своей целью дать слушателям Рабфака возможно большую подготовку—как теоретическую, так и практическую, для перехода на основные факультеты. Одной из мер в этом направлении явилось приобретение на условиях аренды совхоза, план эксплоатации которого был поставлен в связь с учебным планом Рабфака, и совхоз использовывался в качестве учебно-показательного хозяйства с предоставлением сел.-хоз. практики студентами рабфака. Это дело начато, но требует еще много усилий, чтобы его как следует наладить.

Далее Президиум ввел впервые твердое расписание занятий и произвел разделение слушателей на определенные, строго однородные по степени подготовки, группы с доведением численности до 30 чел. в среднем.

Наконец, путем долгих усилий и бесконечной траты энергии, Президиуму удалось отвоевать достаточное количество аудиторий, правда, еще разбросанных по нескольким корпусам, и перенести все занятия на дневные часы, ликвидировав занятия вечерние.

После этих организационных перестроек жизнь Рабфака вошла в нормальную колею организованного учебного заведения, и всестороннее улучшение Рабфака пошло вперед быстрыми и верными шагами, что достаточно выразительно иллюстрируется следующими данными о состоянии учебного оборудования.

	Колич. групп.	Общ. число студ.	Аудитор., кабин. и лаборат.
1921/22 г. имелось	7	350	ауд. 1
1922/23 г. „	16	530	„ 10
1923/24 г. „	15	505	ауд 10, каб. 4, лаб. 2
1924/25 г. „	13	395	„ 13, „ 4, „ 2

Дальнейшие мероприятия Президиума, направленные на улучшение материального положения студенчества,—как, например, разрешение жилищного кризиса, планомерная организация снабжения,—дали возможность студенчеству работать в более благоприятных условиях, что, естественно, отразилось на повышении их успеваемости.

Этому способствовало также беспрерывное улучшение качественного состава преподавательского персонала, т. к. Президиум Рабфака все время неуклонно проводил твердую политику устранения элемента мало квалифицированного или непригодного для преподавания в рабочей аудитории.

Работа предметных комиссий и интенсивность работы отдельных преподавателей приняли более нормальные размеры в результате произведенной президиумом Рабфака в 1924 г. концентрации преподавания в руках меньшего числа преподавателей, за счет увеличения их нагрузки, что повысило их заинтересованность в работе на нашем Рабфаке. В конце года имелось 39 преподавателей; нагрузка их: наибольшая—35 час., наименьшая—2 часа, средняя—13 час. в неделю. Пропущено занятий преподавателями в среднем за год 5%, причем непосещаемость занятий преподавателями с большей нагрузкой колеблется между 0,6 и 4%, а с малой—6 и 24%.

Вместе с общим повышением активности предметных комиссий последние стали уделять большее внимание разработке вопросов о методах преподавания.

К 1923/24 учебному году Рабфак имел уже основы учебных кабинетов и лабораторий, что дало возможность в известной мере осу-

ществить лабораторно-исследовательский метод преподавания. Штат преподавателей после проведенной концентрации состоял из 39 чел., из которых 26% было членов РКП (б).

Учебный пллан и программы в этом году уже были точно проработаны и согласованы с нормальными программами ГУС'а.

Технический уклон, на основе практического опыта, стал проводиться со II курса, однако, в следующем учебном году, вследствие постановления ГУС'а, пришлось уже ликвидировать этот уклон и организовать уклон общественно-экономический.

Деление студентов на группы было приведено в нормальные формы, и средний состав группы в этом году не превышал 35 чел. Вместе с тем, окончательно определились и отшлифовались формы учета успеваемости студентов—коллективные оценки.

Политико-просветительная работа на Рабфаке, проводившаяся политпросветом, приняла также более широкий размер и основывалась главным образом на самодеятельности студенчества, которое проявило во многих случаях большую активность: так, помимо кружковой и др. видов работы, было проведено 102 экскурсии (за год) группами в среднем в 30 чел. (Ленинград—Крым и пр.).

В конце 1923/24 учебного года была проведена проверка социального состава студенчества специальной комиссией, которая исключила ряд лиц, не удовлетворявших правилам приема на Рабфак или академически не успевающих.

В 1924/25 уч. году Президиуму Рабфака удалось все аудитории и организации Рабфака (за небольшими исключениями) сконцентрировать в одном здании.

Оборудование лабораторий и кабинетов достигло сравнительно значительной высоты и в настоящее время выражается в следующих цифрах:

	Руб. К.
Физич.	3006.80
Химич.	486.22
Обществ.	1688.67
Матем.	321.30
Биологич	784.52

Расходы на учебную часть составляли:

в 1923/24 учебном году	1489 р.
в 1924/25 » »	2362 р.

Движение состава студентов за эти годы выражается в следующих цифрах:

Принято в 1920/21 г.	273 чел.
Из них земледельцев	23%

Остальные группировки указаны в начале статьи.

Что касается сведений об оканчивающих Рабфак, то они представляются в следующем виде:

Г О Д Ы	Количество оканчивающих		
	Всего	Поступ. в Акад.	% %
1921 г.	79	79	100
1922 г.	109	98	89,9
1923 г.	149	1 0	67,8
1924 г.	136	80	58,9
1925 г.	161	67	41,6

В отношении подготовки студентов следует отметить, что она прогрессивно повышалась с каждым годом вместе с улучшением общего состояние Рабфака, и выпускаемые студенты вполне удовлетворяли требованиям, которые пред'являются к поступающим в ВУЗ'ы.

Степень успеваемости студентов по годам выражается в следующих цифрах:

Учебные годы.	I курс.						II курс.					III курс.							По всему Рабфаку.
	1	2	3	4	5		1	2	3	4		1	2	3	4				
1920/21 г. Усп.	—	—	—	—	—		—	—	—	—		—	—	—	—				75—80%
1920/21 г. Неусп	—	—	—	—	—		—	—	—	—		—	—	—	—				25—20%
1921/22 г. Усп.	—	—	—	—	—		—	—	—	—		—	—	—	—				80%
1921/22 г. Неусп.	—	—	—	—	—		—	—	—	—		—	—	—	—				20%
1922/23 г. Усп.	95	89	96	96	84	91	100	95	79	95	93	89	94	89	91	91			91,5%
1922/23 г. Неусп.	5	11	4	4	16	9	—	—	—	—	7	—	—	—	—	9			8.5%
1923/24 г. Усп.	—	—	—	—	—	93,5	—	—	—	—	91,5	—	—	—	—	92 8			92,6%
1923/24 г. Неусп.	—	—	—	—	—	6,5	—	—	—	—	8,5	—	—	—	—	7,2			7,4%
	1	2	3			Ср. %	1	2	3	4	Ср. %	1	2	3	4	5	6	Ср. %	Всего.
1924/25 г. Усп.	87%	92%	83			87%	90	76	76	94	84%	94	97	75	100	80	100	92	89%

Примечание: К 1920/21 г. напр. по отдельным предметам неуспешность: математика—33%, обществен. науки—10%, русский язык—11%, география—19%.

Примечание: К 1923/24 по отдельным группам неуспешность колеблется от 3% до 17%.

Абсолютная успеваемость выражается за период 1921/22—1922/23 учебного года в 47,7%.

Эта цифра выражает абсолютную успеваемость одной группы, являющейся наиболее слабой, имеющей в своем составе студентов—в большинстве рабочих наиболее высоких возрастов (свыше 25—30 лет).

Повышение % успеваемости можно видеть из следующих данных:

В 1923/24 г. на Рабфаке.

	Общее количество.	Неуспеваем.	%%%
Рабочих	178	14	8
Крестьян	262	5	1,9
Служащих	8	1	—

В 1924/25 учебном году неуспевающих:

	Общее количество.	Неуспеваем.	%%%
Рабочих	166	7	4,2
Крестьян.	222	4	1,8
Служащих.	7	2	—

Таким образом в 1923/24 г. % неуспеваемости=9.9, а в 1924/25 г. он понижается до 6.

Если мы до настоящего момента считали рабфаковцев, кончающих и поступающих в высшую школу, в общем подготовленными, то с другой стороны, мы не закрываем глаза и на то, что в некоторых частях, а в частности, в практических навыках в работе, мы их готовили недостаточно. Лабораторно-исследовательский метод работы, заложенный для будущего года на всем Рабфаке, устранит и этот недостаток, к чему мы стремимся со всей энергией и настойчивостью.

Рабочий Факультет, выпускает студентов, стоящих по успешности не ниже остальных категорий, а получая отзывы и конкретные указания со стороны профессоров Сельско-Хозяйственной Академии об удовлетворительной подготовке студентов нашего Рабфака, и их пробелах стремится указания осуществлять чтобы давать для ВУЗ'ов слушателей еще лучше подготовленных.

В заключение привожу таблицу успеваемости студентов рабфаковцев, поступивших в Академию в 1923 г. и проработавших в Академии 1923-24 учебный год.

Сельско-хозяйственный факультет	Экономический факультет	Инженерный факультет
Всего поступило в 1923 г. с Рабфака Академ. 49 студ.	Всего поступило в 1923 г. с Рабфака Академ. 20 студ.	Всего поступило в 1923 г. с Рабфака Академ. 4 студ.
Проверено всего.. 29 чел.	Проверено всего.. 20 чел.	Проверено всего.. 4 чел
Из них выполнили минимум на 100% 26 чел.	Из них выполнили минимум на 100% 17 чел.	Из них выполнили минимум на 100% 2 чел.
Оставлено на 2-й год по болезни . 2 чел.	50% 2 чел.	50% 2 чел.
Неуспевающих . . 1 чел	Был отозв. на год работы в деревню . 1 чел.	(ввиду обществен. работы)
Итого успевающих из проверен 29 чел.—26 чел.	Итого успевающих из проверен. 20 чел.—17 чел.	Итого успевающих из проверен. 4 чел.—2 чел

Всего по Академии проверено 53 студ., из них успевающих—45 чел., неуспевающих—4 чел и 2 были отозваны на год в деревню и 2 по болезни оставлены на 2-й год.

Мы имеем 90% успевающих из поступивших в Академию в 1923 г.

Таким образом, оценивая достижения Рабфака за истекшее время, изучая его положение в обще-академической жизни и влияние рабфаковцев на социальный состав студентов Академии, следует признать, что основная задача Рабфака—задача пролетаризации Академии—может считаться разрешенной достаточно удовлетворительно. Политическая позиция Рабфаком завоевана. Основными целями и задачами, стоящими перед Рабфаком на период настоящего и ближайшего будущего является окончательное и непоколебимо-прочное закрепление и углубление этих завоеваний. А это требует от студенчества самого глубокого изучения учебных дисциплин, т. к. улучшающееся экономич. положение устраняет причины, тормозившие работу в прошлом.

Итак, 5 лет работ Рабфака дали возможность рабоче-кр. массе получить прочный фундамент для получения знаний и выпустили отряд, рабочих и крестьян, из которых одни будут работать в хозяйстве СССР, а другие готовиться для научных работ, необходимых для прогресса первой рабоче-крестьянской республики.

И. К.

В. Р. Вильямс.
Профессор Ректор С.-Х. Академии
имени Тимирязева.

Профессор В. Р. Вильямс.

Через Рабфак в Академию и в с.-х. производство.

Всю жизнь приходится агроному работать в самой сложной обстановке.

С самых первых шагов в высшей школе перед будущим агрономом, пока еще рабфаковцем, стоят и требуют немедленного разрешения два трудных вопроса: на какое отделение записаться и как работать в ВУЗ'е. Часто, слишком часто, по неопытности эти два основные вопроса заменяются двумя другими: какое отделение легче—на каком меньше экзаменов и по каким «предметам» нужно готовиться серьезно и какие только для формы, чтобы получить «зачет». Даже все «предметы» оценены «очками». Нужно ли доказывать, что замена первых двух вопросов вторыми совершенно нетерпима в Советской Республике, да еще в молодой Республике, которая еще не может все подрастающее поколение пропустить через ВУЗ и в состоянии предоставить это счастье лишь очень

ограниченному количеству избранных, которые, поступая в ВУЗ, дают этим самым своей молодой Республике обещание быть «из первых первыми».

Помочь рабфаковцу правильно разобраться в этих вопросах—цель этой статьи.

Сельскохозяйственное производство занимает особое место среди всех родов промышленности. Оно не принадлежит ни к добывающей, ни к обрабатывающей промышленности, а составляет особый род созидающей промышленности. Ее задача создать органическое вещество, которого раньше не было. Ее задача уловить солнечный луч и перевести его действенную—кинетическую энергию света и тепла, в форму скрытой потенциальной энергии органического вещества и сохранить его как пищу человека—единственный источник всех видов энергии, развиваемой человеком во всех видах его деятельности. Источник незаменимый и обреченный на беспрерывное уничтожение, ибо только этим путем может осуществиться его прямое назначение—служить источником энергии, источником жизни.

Луч солнца—первичный материал нашей промышленности. Потенциальная энергия органического вещества—ее конечный продукт. Орудием производства служит зеленое растение. Местом производства—фабрикой сельского хозяйства—является почва, через которую растение получает те вещественные материальные элементы, из которых оно сочетает сложное строение органического вещества, необходимого для придачи кинетической энергии солнечного луча свойств потенциальной энергии.

Но при производстве органического вещества при посредстве- зеленого растения оно получается в форме, обычно непригодной для непосредственного использования человеком в качестве источника энергии и материи. Первоначальному органическому веществу—частям растения—нужно придать форму т. наз. рыночного продукта, в виде которого оно могло бы служить первичным материалом для обширной пищевой промышленности, и поэтому неразрывным органическим составным элементом сельскохозяйственного производства, его интегрирующей частью является длинный ряд подсобных механических с.-х. производств, из которых некоторые уже достигли значительного развития, как, напр., сахарное и крахмальное, другие же пребывают в полупервобытном состоянии, напр., выделение из растительной массы зерна, его очистка и сортировка.

Кроме органического вещества, служащего непосредственно источником энергии для человека, сельское хозяйство должно заботиться и о создании двух групп его, представляющих такие же предметы первой необходимости и служащих для сохранения от непроизводительной траты той энергии, которую человек вырабатывает из своей пищи. Эти две группы—материал для приготовления одежды и материал для приготовления жилищ, топлива и бумаги. Как и в первом случае, здесь также теснейшим образом примыкают подсобные производства, при-

дающие продуктам с.-х. промышленности вид товара-сырья, могущего быть производительно использованным текстильной промышленностью и другими видами промышленности, для которых сельское хозяйство единственный поставщик сырья.

Но кроме органического вещества, непосредственно могущего быть использованным человеком и служащими сырьем для основных видов обрабатывающей промышленности, сельское хозяйство попутно создает несметное количество—миллиарды тонн органического вещества, которое прямо не может быть использовано человеком, но создание которого неизбежно—это изношенные машины сельского хозяйства, срок службы которых один сезон—три—четыре месяца и которые на следующий сезон должны быть созданы заново, это сами культурные растения, которые служили для создания зерна, волокна, сахара, крахмала и теперь носят название соломы, мякины, ботвы, жома, сена и т. п., но все они об'единяются одним общим понятием нерыночных продуктов.

На создание нерыночных продуктов затрачено колоссальное количество человеческого труда. В них заключается огромное количество потенциальной энергии. В них заключается и огромное количество материальных элементов органического вещества, из которых часть—фосфор, калий, сера, отчасти азот происходят из почвы и в нее должны быть возвращены. Они представляют пищу растений и понадобятся вновь для создания нового годового запаса органического вещества.

Чтобы производительно использовать весь заключающийся в нерыночных продуктах колоссальный запас потенциальной энергии, воплотившей в себе и огромное количество солнечной энергии и энергии человеческого труда, нужно преобразовать их в форму рыночных продуктов. Это преобразование достижимо только при посредстве незеленых организмов, и в этом случае сельское хозяйство использует животное. Животноводство сливается в одну систему с основным производством сельского хозяйства, повышая его товарность и переделывая нерыночные продукты в мясо, сало, шерсть, кожи, молоко, рог, волос и другое товарное сырье и попутно оставляя в хозяйстве работу и навоз.

Но кроме обоих типов высших организмов—зеленых растений и животных, сельскохозяйственное производство принуждено привлекать, как органическую свою часть, и деятельность низших организмов—микроорганизмов-бактерий и грибов. Не говоря уже о том, что микроорганизмы принимают часто решающее участие в подсобных производствах сельского хозяйства—в молочном деле, в приготовлении силосов, в приготовлении волокна прядильных растений и т. д., они составляют и существенных участников основного сельскохозяйственного производства.

Зеленое растение при создании органического вещества, очевидно, должно иметь в своем распоряжении и те материальные элементы, которые входят в состав органического вещества или необходимы при его синтезе. Из этих веществ часть воспринимается только из почвы, и мы их называем зольною пищей растений, так как они после сжига-

ния растений остаются в золе его. Через почву воспринимается растениями и азот.

Зеленые растения пред'являют строго определенные требования в отношении тех элементов своего питания, которые они воспринимают через почву. Эти элементы должны находиться в форме минеральных и притом окисленных соединений. Вместе с тем такие формы соединения этих элементов легко растворимы в воде содержащей в растворе угольную кислоту. Почвенная же вода всегда содержит в растворе угольную кислоту. Если бы элементы зольного питания растений и азот находились в почве в форме минеральных соединений, они были бы вымыты дождем, и почвы стали бы бесплодными. Мы этого не наблюдаем, потому, что эти вещества находятся в почве в форме органических веществ. Мы возвращаем в почву минеральные вещества, исполнившие свою роль в хозяйстве в форме органического вещества навоза. При внесении искусственных удобрений мы стараемся создать такие условия, чтобы минеральные соединения удобрений возможно быстро перешли в форму органического вещества.

Кроме того, необходимо, чтобы почва была в состоянии произвести прочный запас воды, которой во все время роста растений мы должны беспрерывно снабжать растение, и которая проникает в растение только через почву. Для этой цели почва должна обладать прочной комковатой структурой. Прочность структуры почвы также зависит от содержания в ней органического вещества, а оно должно беспрерывно возобновляться, т. к. оно беспрерывно разрушается, служа своими элементами для питания растений.

Вся эта сложная комбинация переходов материи из одного состояния в другое совершается в сельскохозяйственной промышленности при посредстве третьего типа организмов—низших незеленых проимов—бактерий и низших грибов. Этот третий тип организмов пронизывает неисчислимыми количествами всю толщу почвы, и создание условий, необходимых для их работы и составляет главную цель обработки почвы — задачи, требующей наибольшей затраты труда и энергии.

Таков, в самых общих чертах, смысл непременного участия всех трех типов организмов в производстве, конечная задача которого определяется простой формулой—создание органического вещества.

Понятие об организме есть синоним понятия о развитии, о беспрерывном изменении состояния, о беспрерывном изменении потребности и о беспрерывном изменении условий среды, в которой развивается организм, под влиянием его же развития. В сельскохозяйственном производстве эти беспрерывные изменения касаются одновременно трех категорий организмов и протекают при беспрерывно меняющихся условиях самого производства. Беспрерывно меняется приток света и тепла. Беспрерывно меняется приток влаги. Беспрерывно меняется количество зольной пищи растений и азота под влиянием беспрерывных изменений

в условиях работы почвенных микроорганизмов. Все производство находится в состоянии беспрерывной динамики.

Агроном во всякое время должен уметь оценить всю сложную обстановку, во всякое время дать себе отчет в состоянии работы всех трех типов организмов, во всякое время уметь координировать деятельность всех трех отделений своего производства. Агроном должен уметь динамически мыслить.

Но всего вышесказанного еще мало. При капиталистическом государственном строе агроном, организующий и ведающий сельскохозяйственное предприяти,е задавался узкою целью увеличения капитала владельца предприятия, и главным моментом организации производства являлось умение в возможно широких размерах эксплоатировать труд окрестного населения.

При Советской Республике уже нет частных интересов, не может быть организована хозяйственная ячейка с интересами, противоположными интересам окрестного населения. Хозяйство должно быть организовано в полном соответствии с общереспубликанскими интересами и в полной гармонии с организацией всех других видов промышленности, ибо все виды промышленности нуждаются в продукте сельского хозяйства—потенциальной энергии органического вещества. Кроме того развитие сельского хозяйства прямо и косвенно определяет собою потребительную мощь Республики и, следовательно, является регулятором степени развития всех других видов промышленности.

Организация производства резко отличается в сельском хозяйстве от всех других отраслей промышленности. Первичный сырой материал его не может быть сконцентрирован на ограниченном пространстве, кинетическая энергия солнечного луча притекает равномерно ко всей площади земли. Поэтому и машины сельского хозяйства должны быть равномерно раскинуты по всей территории, и труд участников производства протекает в совсем иных условиях, чем в других производствах. Ясно, что и приемы обобществления, механизации и все приемы поднятия производительности труда в сельском хозяйстве будут иные.

Равномерно выпадающая на обширных территориях атмосферная вода под влиянием рельефа местности стремится немедленно перераспределиться и создать одинаково неблагоприятные условия работы сельскохозяйственных организмов на всех элементах рельефа, и это неизбежное последствие рельефа может быть парализовано только организованным планомерным распределением представителей все трех растительных формаций—лесной, степной и луговой—по соответствующим элементам рельефа.

То же влияние рельефа при посредстве своего влияния на распределение воды по территории приводит в окончательном выводе к неравномерному распределению по территории зольных элементов пищи растений и азота и возвращение угодьями равномерности их свойств, также достижимо лишь при помощи организационного распределения растений всех трех растительных формаций по территории.

Все эти явления подобно предыдущим являются результатом динамических процессов и только с этой стороны могут быть учтены организационно.

Лишь после того, как приняты в соображение и учтены все технические возможности, неполный перечень которых дан выше, может агроном взяться за экономическую организацию хозяйства.

Из всего вышесказанного ясно вытекают два положения: 1) агроном должен быть прежде всего исследователем, беспрерывно во все время своей работы ему придется изучать динамику природных и экономических условий, слагающих жизнь его участка и его задача—создать такую гибкую организационную форму, которая беспрерывно могла бы приспособиться к беспрерывно меняющимся условиям хозяйства. Нельзя уложить жизнь в жесткие неподвижные рамки, а сельское хозяйство—жизнь во всех ее проявлениях. 2) Хозяйственная организационная единица не может быть мала; на малом участке мы не можем господствовать над природными условиями жизни, и экономическая организация участка не будет иметь технического фундамента, т.-е. с самого начала будет заключать в себе элементы противоречия и след. разложения. Малый участок может быть лишь организационной деталью большого организационного массива, граница которого определяется природными условиями его залегания. В пределах этой хозяйственной единицы должны быть организованы неизбежно все три природные растительные формации—лес, поля и луг. И только в зависимости от этих природных—технических возможностей может быть правильно организован труд человека, эксплоатирующего обитаемую им территорию.

Сельское хозяйство по существу своему есть занятие коллективное и должно быть организовано на началах коллективизации—обобществления. Всякая другая организация—логический абсурд.

Только по организации таких первичных природных с.-хозяйственных единиц может быть произведена планомерная экономическая и народно-хозяйственная увязка их в районном, областном, республиканском, союзном и мировом масштабе. Работа агронома по своему существу также работа коллективная. Агроном не может не быть общественным деятелем, поскольку сельское хозяйство является самой жизнью—реальным воплощением союзной политики.

Выводы из всего предыдущего ясны. Выбор отделения для рабфаковца, переходящего на основной курс Академии, зависит исключительно от его личных вкусов и склонностей.

Но какое бы отделение ни выбрал рабфаковец, он должен помнить, что он прежде всего должен стать агрономом. Можно в деталях изучать любую отрасль. Все отрасли сельского хозяйства изучают жизнь и все многообразие ее природной обстановки и проявления; и на любом об'екте обширной области его можно научиться динамически-диалектически мыслить. Но нельзя агроному зарываться в исключительное изучение одной специальной отрасли, такое изучение может касаться исключительно технических подробностей. Техника производства важна, она

существенный элемент производства, но изучать ее в ВУЗ нельзя, ее можно изучать лишь в самом производстве. В ВУЗ мы можем изучать лишь научные основания техники, которые дадут нам базу для критического подхода к оценке технических приемов.

Но ведь техника и ее приемы представляют лишь часть организации производства. А ведь организации производства и потребует от агронома жизнь.

Можно ли организовать отдельную отрасль хозяйства без того, чтобы не коснуться организации и всех сопредельных отраслей, которые связаны с ней неразрывными логическими и природными узами, которые нельзя разорвать, не разрушив всей системы.

Вот это-то и должен помнить студент Академии. Он должен помнить, что ему придется исследовать природное динамическое явление, ему придется без перерыва исследовать беспрерывные изменения в целом ряде перекрещивающихся процессов и беспрерывно увязывать их в организационную систему, конечная цель которой рационализация человеческого труда.

Агроном должен отучиться конкретно мыслить и научиться на основе конкретных существенных свойств явлений мыслить абстрактно—динамически-диалектически.

Профессор А. А. Стольяне.

Развитие учебного дела на Рабочем Факультете Тимирязевской С.-Х. Академии.

Пишущий эти строки, к сожалению, в настоящий момент более уже не состоит в числе сотрудников Рабочего Факультета Тимирязевской Академии. С от'ездом моим в Омск, естественно, прекратилась моя работа на Раб. Факультете и порвалась формальная связь с ним.

Вот поэтому, отойдя от Рабочего Факультета и уступив место новым его работникам, невольно хочется подытожить все то, чему был я ближайшим свидетелем и соучастником в его развитии. Получив предложение написать статью в юбилейном сборнике Рабфака, выполняю это с чувством огромного удовлетворения.

Академическая жизнь Тимирязевской (тогда Петровской) Академии в 1920 году протекала в небычайно непокойной нервной обстановке. Война и революция разрушили привычный ход академической жизни. Новые формы еще не были ясны, не определились и не налаживались. Петровка была полна самых разнообразных слухов, тревог и опасений. Многие ждали неотвратимой гибели Академии.

К таким острым вопросам несомненно нужно было отнести и неожиданно вставший перед Академией вопрос об организации в Академии нового невиданного и неслыханного в стенах ее рабочего факультета.

Организация Рабфака при Тимирязевке, выдвинутая небольшой группой партийного студенчества, служила поводом к сильной академической тревоге. Этот вопрос для многих академических работников казался чреватым необычайно печальными последствиями для Академии. Многие искренне думали, что в стены Академии внедрится кто-то совершенно ей чуждый, дикий и необузданный и ради озорства переделает академические лаборатории и кабинеты на простые классы элементарной грамоты.

В представлении многих Рабочий Факультет являлся первым конкретным шагом «ущемления» Академии, превращения ее в среднюю школу и в конце концов—самой ее гибели.

О грядущем Рабфаке говорилось много остроумного, всего не упомнишь.

Но однажды организаторами Рабфака я был позван работать в комиссию по разработке программ и учебных планов. У меня не было никаких причин отказываться, и я вошел в состав этой комиссии. Комиссия была многочисленна. От профессуры в нее входили, поскольку помню, проф. В. Р. Вильямс, проф. Зернов, С. А., проф. Михельсон, проф. Тамьянов, проф. Е. А. Богданов и проф. Талиев. От преподавателей входили Б. А. Криль и я. Входило в комиссию и несколько других сотрудников, которых я уже не всех помню.

Сразу же встал вопрос об организации Рабфака во всей своей сложности и трудности.

Лично для меня стало ясно лишь самое существенное в общем вопросе, а именно—в совершенной необходимости дать возможность поступать в Академию тем взрослым рабочим и крестьянам, которые всю жизнь стемились в высшую школу, но не смогли во-время получить предварительной подготовки из-за тяжелой работы, нищенского существования и общего государственного режима.

Вот это положение я и принял за основу всей моей дальнейшей работы на Рабфаке. Все же остальное для меня не было ясно, многое же хотя и чрезвычайно заманчиво, но и несомненно казалось фантастичным. Так, например, по предлагаемому плану, взрослый рабочий должен был поступать на Рабфак всего на один год с тем, чтобы по окончании его сразу поступить чуть не на второй курс Академии.

Задача предлагалась в сущности непосильная для человеческих сил; постепенно, однако, жизнь изменила многое в первоначальном проекте учебного плана Рабфака Тимирязевки. Все же несомненно, что такое стремление внедрить Рабфак не только в Академию, но и учебный план ее первого курса дало скорее отрицательный эффект, несмотря на всю краткосрочность своего существования, т. к. многие профессора

Академии стали относиться к подготовке рабфаковцев с явным недоверием.

Как бы то ни было, организационная работа шла своим чередом, Составились предметные комиссии. В предметной комиссии по химии, в которую я входил в качестве преподавателя химии и заместителя председателя, началась конкретная проработка программы курса и практические занятия под руководством председателя комиссии проф. Н. Я. Демьянова, но так как по учебному плану прохождение курса было отнесено на второе полугодие, то с новой рабочей аудиторией я столкнулся вплотную лишь в весеннем триместре.

Сразу же обнаружилась полная неосновательность многих тех опасений о качестве слушателей Рабфака, которые довольно упорно циркулировали в Академии.

Рабочая аудитория оказалась прежде всего аудиторией необычайно дисциплинированной. Каждое занятие с рабочими подтверждало необычайную жажду знания, стремление к познанию и непоколебимую настойчивость к обучению. Работа с такой аудиторией была необычайно интересна и трудна. Аудитория эта не допускала к себе трафаретного, шаблонного отношения учителя к ученику.

Однако, Рабфак еще не обнаружил себя, не показал товар лицом, что можно было бы сделать прежде всего на выпускных экзаменах. Поэтому он все еще в глазах большинства был незваным гостем. ненужною и вредной частью Академии. Очень часто в разговорах приходилось убеждать собеседника, что краски о Рабфаке и рабфаках чрезвычайно сгущен, что дело несомненно разовьется, и из Рабфака в ВУЗ будут переходить вполне достаточно подготовленные студенты.

Мне в качестве представителя от Академии пришлось осенью присутствовать на испытаниях по математике и физике. Хотя определенной, привычной законченности в подготовке не наблюдалось, но поступающие в Академию студенты ускоренного выпуска Рабфака (около 80 человек) оказались вполне развитыми, обладающими достаточным запасом знаний. Для ВУЗ'а материал был вполне подходящий и хороший. Сравнивая затем качество и подготовку поступающих молодых студентов через Главпрофобр из школ второй ступени, положительные достоинства принятых ускоренников только усилились и подчеркнулись.

Первый прием студентов из неорганизованного еще в сущности Рабфака, первый опыт подготовки взрослых рабочих прямо непосредственно в Академию, оказался делом возможным и вполне реальным.

Второй учебный год на Рабфаке начался еще с большим опозданием. В середине семестра произошло изменение в составе его президиума, так как декан Рабфака проф. Зернов, С. А., и его заместитель Тимофей Васильевич Рындин вышли из президиума.

Обстоятельства сложились так, что новым, вторым деканом оказался избранным я. С этого момента я вплотную подошел к жизни Рабочего Факультета и получил возможность быть не только свиде-

телем, но и непосредственным участником его организационной жизни.

В это время Рабфак переживал тяжелый кризис, его развитие тормозилось целым рядом неблагоприятных обстоятельств. Прежде всего необычайно остро стоял вопрос с учебными помещениями.

Сама Академия в то время оказалась необычайно переполнена вернувшимся с фронтов студенчеством. Новый корпус инженерного факультета стоял недостроенный. Число самих кафедр и специализаций необычайно возросло. В конце концов Рабфак располагал всего лишь одной «своей» темноватой маленькой аудиторией в здании инженерного корпуса и большой в корпусе рыбоведения. Небольшая аудитория в химическом корпусе была также представлена в полное пользование Рабфака проф. Н. Я. Демьяновым.

Пользовался Рабфак еще одною большою аудиторией совместно с инженерным факультетом.

Вот и все помещения, которыми Рабфак располагал для теоретических занятий. Практические занятия нормально могли быть организованы только по химии, так как один из запасных зал был также передан в полное распоряжение Рабфака тем же проф. Н. Я. Демьяновым. Хорошо дело шло по зоологии, в кабинете проф. Зернова, который хотя и не мог выделить какого-либо помещения специально для Рабфака, но в силу малой загруженности студентами отделения рыбоведения, разрешил пользование кабинетом гидробиологии, где и происходили занятия рабфаковцев по зоологии.

Были организованы занятия и по ботанике, т. к. проф. Талиев и преп. Сахаров пошли навстречу Рабфаку. Однако, ботанический кабинет был совершенно переполнен группами «основников». Заниятия с рабфаковцами возможно было вести урывками, в свободное от студентов время. Нормально отрегулировать занятия было невозможно.

Очень трудно дело обстояло с физикой. Несмотря на самое благожелательное отношение к Рабфаку проф. Р. А. Михельсона, поставить дело сколько-нибудь нормально было невозможно. Физическая аудитория, по размерам не подходящая для самой Академии, была совершенно «забита» разными курсами физики, физический же кабинет Академии располагал совершенно неподходящей для курса Рабфака аппаратурой. Поэтому на Рабфаке царила злостная и тягостная «меловая» физика, и скоро наладить дело было физически невозможно.

В результате Рабфак принужден был приспособляться к учебной жизни других факультетов Академии, а это необычайно тяжело отразилось на работе.

Рабфак работал днем и вечером, так как ограниченность аудиторий не давала возможности всем группам одновременно заниматься.

Еще острее дело обстояло с учебными пособиями и учебниками. Академия сама вовсе не располагала нужными учебниками и пособиями общеобразовательного характера. В этом отношении рабфаковцы Тимирязевской Академии были особенно в невыгодном положении, так

как отдаленность Рабфака от города и полное расстройство транспорта лишали их возможности пользоваться городскими библиотеками. В силу всех этих причин студенты Рабфака Тимирязевки учились не по учебникам, но на «слух», с голоса преподавателя. Уже это одно делало учебу не столько трудным, сколько «каторжным» делом.

Несомненно, что для преподавателя работа на Рабфаке является крайне трудным делом. Даже и теперь, когда задания и цели, предъявляемые Рабфаком, более или менее определились, работа преподавателя остается крайне трудной, сложной и чрезвычайно ответственной. Эти затруднения особенно заостряются для предметов общественных и общеобразовательных. Для преподавания этих предметов необходимо не только превосходное знание своего предмета, но и обладание особою способностью правильно подходить к своеобразной, исключительной по свойствам рабочей аудитории.

Короче говоря—не всякий хорошо образованный и знающий свой предмет преподаватель может работать на Рабфаке. Для этого помимо формального знания и соответствующей Рабфаку идеологии преподаватель должен обладать способностью творчества.

Ко второму году своего существования Рабфак Академии располагал достаточным по количеству кадром преподавателей, однако, квалификация их была чрезвычайно пестрая. Значительное количество преподавателей было представлено не специалистами, а обучающимися в Академии студентами. Но, к сожалению, практика часто ссорится с теорией. Приглашение преподавателей исключительно самой высокой квалификации, как это было бы нужно на первых порах существования Рабфака, было чрезвычайно затруднено уже потому, что многие высококвалифицированные профессора оказывались неподходящими для рабочей аудитории.

Для окончательной характеристики Рабфака Академии нужно отметить, что общий экономический и жилищный кризис студенты этого Рабфака переживали особенно трудно. Причиною была все та же отдаленность Академии от города, отсутствие как на ее территории, так и вблизи ее свободных и подходящих для интерната помещений.

Перед Президиумом выяснился целый ряд задач, от разрешения которых зависела дальнейшая судьба молодой организации. Работа по «закреплению позиции» должна была итти по целому ряду направлений. Прежде всего необходимо было доказать фактическую жизненность Рабфака и возможность даже при таких тяжелых условиях удовлетворительно подготавливать студентов в ВУЗ.

Это возможно было сделать путем организации ежегодных выпусков, что при введении трехлетнего курса для первых двух с лишним лет было по существу не обязательно. Необходимо было также на первых порах привлечь как можно больше академических профессоров и преподавателей, может быть сокращая преподавание некоторых общеобразовательных предметов за счет ботаники, зоологии, химии и тому подобное.

Далее стоял неотложный вопрос о помещениях, о библиотеке, о физическом и других кабинетах. Нужно было обеспечить Рабфак солидным кадром вполне подходящих преподавателей, оплаченных и загруженных работой на Рабфаке так, чтобы вопросы их совместительства в Москве по возможности вовсе отпадали.

Наконец необходимо было урегулировать жилищный и экономический вопросы студенческого существования.

Необходимо отметить, что еще весною в марте 1922 г. в составе Президиума произошло некоторое изменение с приездом нового работника—Ивана Степановича Кувшинова.

С его приездом в состав Президиума вошел опытный, необычайно энергичный администратор.

Учитывая то обстоятельство, что на Рабфаке не только учат, но и «образовывают» соответственное миросозерцание и идеологию, я лично чувствовал себя в необычайном затруднении на должности завед. Рабфаком, т. к. политическим руководителем, каким должен быть заведующий, при всем своем желании быть не мог, и при полном согласии я поменялся местами с И. С. Кувшиновым и стал исполнять обязанности завед. уч. частью.

С этого времени Рабфак значительно улучшает свое существование. Сначала к нему перешли помещения закрывшегося сельскохозяйственного техникума. Помещения хотя и крайне плохие и неприспособленные, но давшие все же возможность после некоторого ремонта приспособить их под общежития.

Затем инженерный факультет Академии был переведен в новый специальный корпус, а освободившиеся помещения перешли к Рабфаку, который также получил еще несколько комнат в корпусе Рыбоведения.

Таким образом получилась полная возможность в значительной степени улучшить учебное дело и прежде всего занятия всех групп сделать дневными. Помимо учебных и жилищных помещений Рабфак от Академии получил совершенно запущенное и разоренное хозяйство «Грачево». Этот совхоз был интересен для Рабфака с той точки зрения, что при благоприятных обстоятельствах и правильном подходе из него, как из подмосковного хозяйства, можно было сорганизовать не только некоторую базу для производственной практики, но и экономическое подспорье хозяйству Рабфака. Теперь уже можно было в более спокойной обстановке работать над улучшением положения и всего дела на Рабфаке.

Несмотря на резкое улучшение, Рабфак Тимирязевки все же, как учебное заведение не был организован как следует, недочеты в учебном деле сказывались на каждом шагу.

Необходимо было заняться вплотную организацией собственных учебных кабинетов и подбором наиболее подходящего преподавательского персонала.

Работа учебной части усложнилась настолько, что пришлось ее рабочий аппарат усилить должностями пом. зав. уч. частью и секретаря. Третий учебный год Рабфака должен быть отмечен, как начало получения специальных, хотя и крайне ограниченных средств на учебное дело. Стали складываться кабинеты, получил начало организации физический кабинет. Были привлечены новые преподавательские силы, в том числе преподаватели общественных и политических наук, которые до того были представлены весьма слабо.

Президиум Рабфака повел определенную работу в области создания основного ядра преподавателей, сокращения их числа и лучшей оплаты. Основною задачею было организовать возможно немногочисленный штат преподавателей, вполне удовлетворяющий требованиям Рабфака, не совмещающих, но отдающих по возможности все свое время Рабфаку.

Необходимо отметить, что одновременно с общим улучшением требования студентов к качеству преподавания все более и более возрастали. Студенты рабфаковцы, отдавая все свои силы и энергию на работу обучения и терпеливо мирясь с недостаточною организованностью учебного дела, как следствием незаконченности оборудования, вполне законно требовали себе хороших, опытных и умелых преподавателей, которые только и могли личным умением скрашивать и облегчать всячески затруднения.

Рабфаковцы в деле организации факультета принимали самое живое участие. Это особенно ярко сказывалось на семестровых совещаниях и коллективных зачетах. Относясь необычайно строго к своим успехам и достижениям, студенчества всегда определенно указывало на те или иные промахи недочеты в работе преподавательского персонала.

Выпуск студентов третьего года существования Рабфака мог быть уже признан относительно нормальным. На торжественном заседании факультета по случаю выпуска было обнаружено, что в сущности научные работники самой Академии, профессора и преподаватели признали Рабфак Тимирязевки учебным учреждением, дающим в Академию вполне удовлетворительно подготовленных студентов, способных успешно работать в Академии.

Положение Рабфака оказалось вполне укрепленным, он стал частью Академии, может быть даже более близкой для нее, чем Рабфаки для других ВУЗ'ов.

Оставалось лишь окончательно доделать начатую работу, довести уже постепенно Рабфак до совершенного оборудованного состояния.

С начала 24/25 уч. года Рабфак работал во всем своем об'еме. учебная жизнь пошла совершенно нормально. Его последние руководители выполнили стоящие перед Рабфаком задачи с достойным успехом.

С этого момента продолжающееся непрерывное развитие Рабфака для меня стало еще яснее. Рабфак с каждым днем складывался в солид-

ное учебное заведение, и только в памяти его старых работников сохранилось воспоминание о первых бедственных годах его существования.

Теперь, уехав за несколько тысяч верст и потеряв непосредственную связь с жизнью и работою Рабфака, невольно подытоживаю всю проделанную факультетом работу и отмечаю то поистине геройское усилие студентов, на плечах которых лежала вся трудность работы. Теперь Рабфак стоит на твердых ногах, он будет совершенствоваться с каждым годом, и дело Рабфака будет окончательно выявлено и слажено. В лабораториях ВУЗ'ов научную исследовательскую работу уже ведут окончившие Рабфак специалисты.

П. Чирков

Реформа организации учебной жизни на Рабфаке ТСХА в 1924—1925 г. учебном году.

В течение всего своего существования Рабфаки вели упорную борьбу за рационализацию методов преподавания. В результате упорной работы некоторым Рабфакам в этом отношении удалось достигнуть многого.

Одним из важнейших факторов, тормозящих работу по рационализации методов преподавания, является слабое оборудование Рабфаков учебными пособиями. В этом отношении в особенно тяжелых условиях находился Рабфак Т.С.Х.А. Президиумом Рабфака были предприняты шаги к изысканию средств. В результате усиленной работы в этом направлении, при участии студенческих представителей, некоторые средства были найдены. Правление Академии, учитывая тяжелое положение Рабфака, также отпустило некоторую сумму из своих скудных средств. Все это дало возможность с самого начала учебного года организовать в своих лабораториях лабораторные работы по физике, химии и математике и положить начало организации кабинетов по обществоведению и биологии. Но недостаток средств не дал возможности обеспечить лаборатории нужным количеством приборов, поэтому студенты у приборов работали группами в 4—5 человек. Это, конечно, не то, что нужно для правильной постановки практических занятий, но это все же шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше.

Кроме организации своих кабинетов и лабораторий по примеру прошлых лет, были приняты меры в отношении использования учебно-

вспомогательных учреждений Академии. Начались регулярные занятия в физическом кабинете Академии (лекции-беседы с демонстрациями), практические занятия в академических лабораториях по зоологии и ботанике.

Перечисленные достижения дали возможность выполнить большинство лабораторных работ, указанных в новых программах ГУС'а, т.-е. перейти при преподавании некоторых предметов от исключительно книжно-словесного метода к лабораторному. Благодаря организации кабинетов по обществоведению и биологии, возможно стало пользоваться при преподавании различного рода наглядными пособиями и снабжать студенчество необходимыми для него книгами.

Важнейшими недостатками существовавшей системы преподавания являлась слабая активность студенчества. Даже при наличии лабораторных занятий при существоваших групповых коллективных занятиях учащийся находился преимущественно в положении пассивно воспринимающего. Уроки беседы и уроки с докладами учащихся в том виде, в каком они проводились, ни в какой мере не способствовали выработке у студентов инициативы, исследовательных навыков и умения работать над книгой и другим материалом. Необходимо было реформировать постановку учебного дела, дабы создать нормальные условия для развития сил, способностей и интересов студентов и приучить их к самостоятельной работе.

Работа по реформе на нашем Рабфаке началась в конце первого семестра текущего учебного полугодия. После обсуждения этого вопроса на собраниях студентов и преподавателей и во всех академических органах Рабфака был выработан следующий план организации учебной жизни:

1) Занятия делятся на групповые коллективные по твердому расписанию и на лабораторные самостоятельные по более гибкому расписанию.

2) Коллективные занятия производятся с 9 ч. 20 м. до 12 ч. 40 м., самостоятельные же с 2 ч. 30 м. до 7 ч. вечера. Перерыв между занятиями используется студентами для обеда, чтения газет и для отдыха.

3) На групповых занятиях ведется предварительная проработка нового материала, вырабатываются конкретные задания для дальнейшей проработки материала учащимися на самостоятельных занятиях, делаются указания преподавателям, при помощи каких материалов могут быть выполнены задания, какие чертежи, графики, записи, вычисления должны быть сделаны самими учащимися. После самостоятельной проработки материала учащимися, на групповых занятиях выясняется, все ли учащиеся данной группы проработали задание, частично или полностью был использован рекомендованный материал, есть ли какие сомнения или спорные места по содержанию задания. Вся работа на групповых занятиях проводится группой коллективно под руководством преподавателя. В конце занятия делаются обобщения и выводы.

4) Фронтальные лабораторные работы, предусмотренные программами, выполняются студентами на коллективных групповых занятиях.

5) Лаборатории по всем предметам для самостоятельных занятий открываются согласно заранее выработанному расписанию, так чтобы одновременно функционировало 3—5 лабораторий. Каждый студент избирает себе для работы ту или иную лабораторию, учитывая только, что в определенное количество часов действия лаборатории он должен проработать все задания в установленные для них сроки.

6) В каждой лаборатории к моменту занятий подбираются необходимые учебные пособия—книги, диаграммы, таблицы, приборы и проч.

7) В часы, отведенные для самостоятельных работ, учащиеся в присутствии преподавателя поодиночке или группами прорабатывают мате-

Преподаватели Рабфака.

риал, который был указан им на групповых занятиях. В случае надобности студенты обращаются за советом к присутствующему на занятиях преподавателю.

8) Руководители самостоятельными занятиями не ограничиваются только ответами на заданные студентами вопросы, а тщательно наблюдают за работой всех студентов, чтобы своевременно устранить все недочеты в работе занимающихся.

Новую форму организации учебной жизни решено было в текущем учебном году провести на первых двух курсах. После принятия проведенного выше плана был выработан следующий план распределения часов:

ПРЕДМЕТЫ	Число часов акад. в 45 мин. час. занят. в неде ю с руководителем.			Число дней в неделю функционир. лабор. по 4½ час. (астрон.) в день.
	Коллект. группов.	Самостоят. лаборат.	Всего на одну группу	
		I к у р с.		
Математика	6	4	10	3
Русск. язык	6	3	9	3
Политграмота	2	4	6	3
Ист. клас. бор	2	3	5	2
География	2	3	5	2
Биология	4	1	5	2
Графич грамот.	4	—	4	—
Итого	26	18	44	—
		II к у р с.		
Математика	6	4	10	4
Русск. язык	4	3	7	3
Политэкон.	2	3	5	2
Ист. клас. бор	2	2	4	2
География	2	2	4	2
Биология	4	2	6	2
Физика	6	2	8	2
Химия	3	1	4	—
Итого	29	19	48	—

Много труда было потрачено на приобретение книг. Средства президиума на это были изысканы в достаточном количестве, но многие книги было трудно отыскать на рынке. Все же к началу занятий кабинеты были значительно пополнены литературой, так что, хотя и с некоторыми затруднениями, но занятия в лабораториях можно было начать.

Большое неудобство для организации самостоятельных занятий представляли тесные аудитории и неудобная мебель—скамьи на 6 человек. Но с этим пришлось мириться, и только 3 лаборатории удалось обставить более удобной мебелью.

Занятия по новому учебному плану были начаты сначала с 1-го февраля на I курсе. Четырехнедельный опыт показал, что, несмотря на массу недочетов, работа по новому имеет большие преимущества перед обычной классной работой, что работая над выполнением задания, студенчество получает много нужных ему навыков. Поэтому решено

было с марта перейти на этот плана занятий и со II курсом. За недостатком средств на оплату личного состава, отчасти за трудностью организации самостоятельных занятий из-за отсутствия на рынке подходящей литературы и за загруженностью преподавателей, лабораторных занятий по истории классовой борьбы, биологии и химии ввести на II курсе не удалось.

Таков был новый план организации учебных занятий. Занятия по этому плану идут на I курсе уже 3 месяца, на II—2 месяца. Это дает возможность сказать несколько слов о том, насколько удалось осуществить указанный план в текущем году и каковы перспективы в отношении постановки учебного дела в будущем. Учет опыта в течение всего времени работы по новому плану производился на заседаниях предметных комиссий, учебного бюро и на собраниях группгроек соответствующих курсов.

Больше всего внимания пришлось уделить вопросам, связанным с порядком составления заданий для лабораторной проработки. Задания составлялись преподавателями, затем согласовывались с бюро предметной комиссии, иногда же обсуждались и на пленумах предметных комиссий. Вначале сроки для заданий не были регламентированы, потом было решено задания давать, как правило, сроком на две недели. В зависимости от характера и об'ема материала разрешалось давать задания на одну и три недели. По плану задания предполагалось об'являть студентам на классных занятиях, при чем предварительно преподавателем в группе это задание должно было прорабатываться настолько, чтобы студентам была ясна связь задания с прежде проработанным материалом и чтобы при выполнении задания студентам не пришлось тратить время на самостоятельное решение вопросов, которые целесообразнее проработать коллективно под руководством преподавателя. На практике в этом отношении вначале были некоторые упущения, которые болезненно отразились на лабораторных занятиях. Потом усилиями студентов и преподавателей эти нежелательные явления в значительной мере были изжиты. По об'ему и трудности задания должны были даваться из расчета на среднего студента. Вначале и тут дело обстояло не совсем благополучно. Как и надо было ожидать, старая система преподавания не способствовала изучению преподавателем своих учеников. Преподаватели в значительной мере переоценивали знания и умение работать своих студентов. В результате задания для студентов оказывались часто большими по об'ему и трудными по содержанию. Студентам вначале приходилось не только просиживать все время функционирования лабораторий на факультете, но и работать дома иногда до 2—3 часов ночи. Но такое положение скоро было изжито,—преподаватели с большей осторожностью стали составлять задания, а студенты начали принимать активное участие в составлении заданий и определении сроков для занятий.

Материалом для проработки заданий являлись почти исключительно книги. Это, конечно, ненормально. Необходимо было бы для этого

использовать другие способы: наблюдения, опыты, экскурсии, обследования и проч., но мы сознательно на этот год ограничили свою задачу—приучить студенчество работать над книгой. Причин для этого много, главное—это неподготовленность к работе по новому плану преподавателей, отсутствие какого-либо опыта в этом отношении у преподавателей и студентов и, наконец, отсутствие необходимых средств, в частности, для производства некоторых опытов. На развитие исследовательских навыков у студентов также не было обращено достаточного внимания, хотя преподавателям рекомендовалось включать в задания и такие вопросы, при решении которых студент ставился в положение исследователя.

Задания давались фронтальные, и от всех студентов данной группы требовалось выполнение их. Проработка заданий студентами производилась как индивидуально, так и коллективно. Зачастую студенты принуждены были работать коллективно, т.-е. в противном случае нехватило бы книг. Иногда такая «вынужденная» коллективная проработка задания наносила ущерб работе отдельных студентов, но по многим причинам временно приходилось мириться с таким положением. Группы создавались самими студентами. Такой способ составления групп мы считаем самым целесообразным. Задания выполнялись студентами преимущественно в письменном виде. По математике, физике и географии студентами составлялись графики, диаграммы, таблицы, чертежи. При письменном выполнении задания облегчалась работа по проверке работ студентов, но вместе с тем преподаватели весьма загружались работой. На будущее время необходимо будет вопрос о порядке проверки и учета (качественной стороны) работ студентов как-то урегулировать, т. к. практиковавшийся способ проверки работ во время лабораторных занятий не давал возможности преподавателю наблюдать за работой студентов и своевременно приходить им на помощь. Вообще же преподаватели в роли организаторов самостоятельной работы студентов не всегда были на высоте, в большинстве случаев они только помогали в том случае, когда студенты к нам обращались. Поэтому бывали такие случаи, что студент, предоставленный себе, выполнял все задания совершенно неверно только потому, что своевременно преподаватель не пришел ему на помощь. Этим же в значительной мере об'ясняется и то, что многие студенты предпочитали выполнять задания на дому, а не в лаборатории,—преподавателей они рассматривали только, как лиц, принимающих у них зачеты. Предпочтение работе на дому, в большинстве случаев при скверных жилищных условиях, студенты отдавали еще и потому, что внешняя обстановка лабораторий была мало привлекательна. Во-первых, лаборатории очень тесны, отсюда всякое движение, малейший шум уже мешали работать. Обстановка лабораторий не создавала уюта, который играет обычно значительную роль при работе.

Как я уже упоминал выше, мебель для лабораторных работ не приспособлена. Студент не может оставить свое место, не прервав работу

своих товарищей, а преподаватель лишен возможности вести наблюдение за работой учащихся. Теснота и неприспособленность помещений не давали возможности использовать полностью даже имевшиеся учебные пособия, последние для каждого занятия приносились из кабинетов. На согласование лабораторных и классных работ было с самого начала обращено серьезное внимание. Опыт показал, что для тесной связи этих занятий необходимо, чтобы одно и то же лицо являлось руководителем классных и лабораторных занятий. В противном случае неизбежна будет некоторая невязка в работе. Практически, например, по математике и русскому языку, студенты шли работать в лаборатории тогда, когда в них дежурили преподаватели их групп.

Классные занятия проходили так, как и предполагалось по плану. Здесь никаких недоразумений не было, особенно в последнее время.

Главным вопросом в жизни Рабфаков раньше был вопрос о работе предметных комиссий. Особенно остро стоял вопрос этот у нас, т. к. многие преподаватели мало связаны с Рабфаком и живут в городе. Очень редко проходили заседания комиссий при участии большинства преподавателей. Кроме того, преподаватели мало вообще интересовались постановкой учебного дела на Рабфаке. Такое положение особенно остро стало чувствоваться с переходом на новый учебный план. Здесь без согласованной творческой работы всего преподавательского коллектива дело не сможет пойти нормально. Многие недочеты, имевшие место в последнее время, в значительной мере об'ясняются слабым руководством работой преподавателей со стороны предметных комиссий. Преподаватели в своей работе были предоставлены самим себе, даже председатели предметных комиссий уделяли очень мало внимания наблюдению за работой преподавателей.

На будущее время, если мы действительно хотим ставить учебу на Рабфаке рационально, необходимо принять меры к обеспечению Рабфака постоянным кадром преподавателей, которые все свое рабочее время уделяли бы исключительно одному Рабфаку.

Теперь несколько слов об отношении студенчества к работе по новому плану.

В общем и целом это отношение можно охарактеризовать как доброжелательное. Студенты с первых шагов очень горячо взялись за работу. Принимали активное участие в проработке плана, торопили учебную часть с переходом на этот план. Были, конечно, и скептики и консерваторы, но в крайне незначительномо числе. Работать по-новому оказалось для громадного большинства студентов тяжело, но они героически старались выполнить взятые на себя обязательства, работая по 12 часов и больше в сутки. Но чем дальше, тем эта напряженность чувствовалась меньше—вырабатывалась привычка к самостоятельной работе. Как правило, задания студентами прорабатывались добросовестно, вообще отношение к работе было серьезное. Ненормально было только то, что значительная часть студентов задания предпочитала проработать на

дому, а не в лаборатории, но тут виноваты не столько студенты, сколько об'ективные условия, о которых упоминалось выше.

Итак, что же мы имеем к концу текущего 1924/25 уч. года в результате работы над реформой учебной жизни на Рабфаке?

1) Благодаря созданию лабораторий и кабинетов, нам удалось провести почти полностью лабораторные работы, предусмотренные новыми программами Рабфаков, тем самым от словесно-книжного метода преподавания мы перешли к лабораторному.

2) Включением в некоторые конкретные задания для самостоятельной проработки учащимися элементов исследовательской работы было положено начало исследовательскому методу.

3) Выполняя задания преимущественно в письменном виде, студенты сделали большие успехи в области быработки письменной речи, при чем, благодаря параллельной работе студентов в группах, работа по выработке устной речи ни в какой мере не пострадала.

4) Активность студентов значительно поднялась, они (студенты) получили некоторые навыки, необходимые при самостоятельной работе, научились распределять свое время и, наконец, у них появилось чувство ответственности за свою работу.

5) Преподаватели, наблюдая за работой студентов, проверяя выполненные задания, имели полную возможность изучить своих учеников.

Кроме того, трехмесячный опыт работы по новому плану, в котором имеются некоторые элементы так называемого Дальтон-плана, значительно облегчит нашу работу в будущем году по проведению в жизнь на нашем Рабфаке постановления 4-го с'езда заведующих Рабфаками о введении лабораторной системы преподавания на всех Рабфаках Республики.

Мы знали и раньше, что без соответствующих внешних условий, без достаточного учебного оборудования работу по лабораторно-исследовательскому методу поставить нельзя. Поэтому-то мы в начале текущего учебного года и стремились создать эти необходимые условия. Но сейчас мы уже конкретно представляем себе, каковы эти условия должны быть, дабы, с одной стороны, они были достаточны для организации работ по-новому, с другой—потребовали бы от нас минимум издержек. Опыт же поможет нам конкретно подойти к решению некоторых вопросов, от правильного разрешения которых в значительной мере зависит успех реформы преподавания.

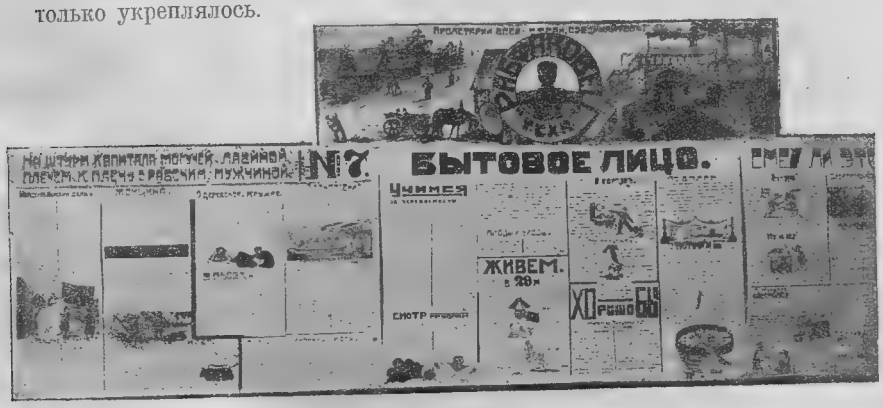
Будем надеяться, что уже с будущего учебного года нашему Рабфаку удастся перейти полностью на лабораторный метод преподавания.

Л. Попов.

Студенческие организации и строительство Рабфака.

Мы хотим в нескольких словах остановиться на вопросе о том, какое положение занимали студенческие организации, охватывавшие все студенчество, как партийное, так и беспартийное, и какую роль они сыграли в период 23—24 и 24—25 учебных лет.

Первый из указанных так же, как и предшествовавшие, не являлся тем годом, когда для рабочих факультетов были выработаны единообразные учебные программы, а когда шло упорное искание методов преподавания, увязки учебных планов с изменявшейся программой; наконец, общее состояние республики в области финансово-экономической только укреплялось.



Стенгазета „Рабфаковец".

Существовавшие правила приема в результате давали значительный процент совершенно безграмотных студентов. Все это клало определенный отпечаток на работу студенческих организаций и на самую форму организации.

Работа строилась в расчете максимального привлечения студенчества к строительству Рабфака. Не было такой работы, куда бы ни привлекалось студенчество, нередко с выполнением технических функций (печатание на машинке).

Надо сказать, что для того времени студ-организации не являлись громоздкими. Работа велась факультетом, который имел экономическую секцию, академическую с частями методико-лабораторной, экскурсионной и библиотечной и культ-просвет. комиссию.

Кроме того, имелся представитель от студенчества в президиуме Рабфака, студенческие фракции входили и в предметные комиссии,

работали групповые тройки. Каждая из частей факультkома втягивала в работу возможно большее число студентов. На академическую секцию всею тяжестью ложились учебно-программные (методические и проведение учебного плана) вопросы.

Середина 23—24 года знаменовала собой заметное улучшение материального положения студенчества. Не только натуральное снабжение заменяется денежным, (что означало освобождение студорганизации от распределенческих функций), но и сумма денег в конечном итоге, выдаваемая государством на каждого студента, увеличивается. Тем не менее вопросы жилища, топлива, кредита, средств передвижения продолжают отнимать много времени у студенческих организаций. Замечается несомненное улучшение и упорядочение, но тем не менее была еще необходимость широкого участия студенчества в разрешении этих вопросов.

Занятость непосредственным строительством Рабфака студенческих организаций, разбросанность общежитий, целый ряд других причин—фактически отодвигали на второй план политико-просветительную работу, тем не менее велась и она, особенно интенсивно работал кружок по работе в деревне, куда было привлечено значительное число беспартийного студенчества.

Редколегия стенгазеты „Рабфаковец".

Лабораторно-исследовательский метод давно признавался наилучшим, но пользование таким методом возможно в определенных условиях.

Отсутствие последних вынуждало искать с участием массы студенчества таких методов, которые являлись бы наилучшими в данных, неблагоприятных для учебы условиях.

Отсюда и тяжесть, ложившаяся на плечи студенчества (и вынужденность работы не покладая рук).

В конце 23—24 уч. года уже назревали такие условия, когда можно было бы до известной степени приблизиться к лабораторно-исследовательскому методу. (Слышно было, что и программа будет твердая и ассигнования увеличатся и т. д.).

Организация кабинетов и лабораторий—вот задача, которая разрешит возможность перехода к лабораторно-исследовательскому методу.

Это было учтено студенчеством и оно принимало всевозможные усилия, чтобы иметь лаборатории и кабинеты.

Хождение по порогам НКЗ и других организаций, прикрепление в начале 24—25 года студенчества к организуемым кабинетам и т. д. В результате — относительно удовлетворительно организованные кабинеты, из которых наиболее оборудованным можно считать: физический, математический и естествознания, где студенты зачастую собственными руками пишут картограммы, собирают из старья или нового материала приборы и т. д. Общее улучшение на Рабфаке, не без связи с общим улучшением положения в Республике, резко изменило задачи, стоящие перед студенчеством.

Не вырабатывать программу, а проводить ее, внося, где это нужно, изменения организованным путем. Не искать метода преподавания, а помогать рабфаковскому органу углублять работу по постановке лабораторно-исследовательского метода.

Отсюда возможность сокращения и упрощения студорганизаций; возможность студенчеству заняться тем, за чем они посланы, т. е. учиться.

Ликвидация факультkома прошла единодушно (за небольшим исключением товарищей, выступавших за необходимость не спешить с ликвидацией.

После ликвидации остались: представитель в президиум Рабфака, представитель в учебной части фракции предметных комиссий и групповые тройки.

Вместе с президиумом, представители в последнем и в учебной части руководят всей работой, привлекая, где это нужно, студенчество к решению принципиально важных, касающихся студенчества вопросов.

Может быть для некоторых читателей покажется, что все и вся делали студенты и только они. Надо оговориться, что умалить роль и значение президиума мы не хотели, и говорим, что работа велась общими усилиями. На пятом году мы имеем уже, перешедшие на лабораторно-исследовательский метод, первый и второй курсы. Последний с'езд Рабфаков признал необходимым включение Рабфаков в общую систему народного образования. Таким образом и перед студенчеством и работниками нашего Рабфака две главных и основных задачи: первая—перейти полностью на лабораторно-исследовательский метод и углублять его, вторая—увязать в самое ближайшее время учебу с практикой.

Последнее приобретает специфическое значение для нашего Рабфака, как Рабфака с сельско-хозяйственным уклоном.

Уколов.

Академическая работа студкома.

Академическую работу Студкома Рабочего Факультета надо разбить на 3 периода:

1. Период завоевания высшей школы.
2. Период систематизации учебы.
3. Период плановой учебы.

Первый период на нашем Рабочем Факультете охватывает 1920—1921 годы. Эти годы—годы формального наступления на ВУЗ,—отличаются ударной постановкой академической работы. И как всякая ударная работа—она проводилась по административной линии, в данном случае по линии Президиума и Учебной части. Работа же студенческой организации сводилась к исканию организационных форм для проявления общественного мнения студенчества в постановке учебной жизни, а главным образом, заключалась в текущей повседневной активной поддержке всех начинаний Президиума в смысле подыскания и соответствующего оборудования учебных помещений и пособий.

Ударная академическая работа этого периода имела свои положительные и отрицательные стороны.

Надо отметить, что наспех сколоченные учебные программы 20 года отвечали требованиям только подготовленного слушателя, носили натаскивающий характер, пестрели специально агрономическими предметами. Систематическая же проработка элементарных знаний, в которых так остро нуждалась рабочая аудитория,—отсутствовала. Курс рабочего Факультета в этом году кончался в течение одного года. В политическом отношении такой быстрый темп дал положительные результаты.

В смысле же академической подготовленности студентов в ВУЗ он имел много отрицательных сторон.

С тем же темпом приступили к началу 1921 г. Но организованный в этом году студенческий комитет ищет новые формы учебы. Этого требовали: большой % рабочего малоподготовленного состава, поступившего на Рабфак в 1921 г., и те хвосты, которые образовались в результате быстрого прохождения курса в 20 г. Но эти искания носят кустарный характер. Главная же работа студенческих организаций в академическом вопросе сводилась, как и сказано выше, к текущей работе. И в этом году мы также наблюдаем групповое окончание Рабфака в течение 1 года, но оно уже не носило массового характера. Если в первый период перед нами стояла задача завоевания ВУЗ'а, то в 1922/23 учебном году с этой задачей вопрос был покончен, ВУЗ был завоеван. Можно было приступать к систематической учебе в мирной обстановке. Вопрос о систематической постановке учебы еще более становился серьезным в связи с переходом к новой экономической политике. Возрождающееся народное хозяйство требовало от нас специалистов из рабочего класса. Период

завоевания ВУЗ'а отошел в историю. Надо было переустраивать ВУЗ'ы на новый лад в общественном и академическом отношениях. В связи с этим повысился спрос и на подготовленность рабфаковца.

1922/23 учебный год академическая секция была всецело занята разработкой программ и учебного плана в полном контакте с Учебной частью и Президиумом Рабфака. Правда, эти программы носили местный характер. Составлялись предметными комиссиями на основании небольшого двухлетнего опыта. Но все-таки они вносили ясность и систему в преподавание. Этот год проходил под лозунгом оживления работ предметных комиссий и предоставления большей самодеятельности в работе Учебной части. Такая обстановка способствовала выявлению общественного мнения преподавательского состава и налаживала смычку преподавателей с студенческими организациями.

1923/24 учебный год. Академическая секция свою работу разбила на 3 отдела: лабораторно-методический, библиотечный и экскурсионный. В работу Аксекции было втянуто большое количество рядовых товарищей не из состава студкома. В этом году, благодаря слабости аппарата учебной части, на долю Академической секции выпала большая работа по систематизации учебы. К этому же году в отделе Рабфаков Главпрофобра назрела мысль о введении обязательных для всех программ. Академическая секция в лице лабораторно-методической части принимала активное участие во всех методических совещаниях при Главпрофобре, посылая на них своих представителей, представителей предметных комиссий от студенчества и преподавателей. О важности этих совещаний говорить не приходится. Здесь был учтен методический опыт московских рабочих факультетов, и, как результат этих совещаний, мы имеем полные программы по всем предметам.

Структура Аксекции оказалась настолько жизненной, что она успешно справлялась со всеми задачами. Лабораторно-методическая часть главной задачей себе ставила организацию учебных кабинетов и улучшение методов. В текущей работе была связана с предметными комиссиями, через постоянных членов, прикрепленных к каждой предметной комиссии, где имелись метчасти, руководимые студенческими фракциями предметных комиссий. Общие вопросы методического характера разрешались на учебном бюро, где лабметчасть представительствовала от студенчества и целиком проводила линию студенческой организации.

За 1924/25 год лабметчастью была проделана следующая работа: 1) сорганизован и частично оборудован самими студентами при ближайшем участии и под руководством препод. В. М. Шульгина физический кабинет; 2) проделана подготовительная работа по организации и заготовке наглядных пособий для кабинета общественных работ. Собирались учебники по общественным наукам, разбросанные по группам, которые до этого момента снабжались президиумом самостоятельно, в результате чего мы имели большой % потери ценных учебников; 3) принимали участие в организации математического кабинета. Была организована

академическая помощь для слабых групп II к. Привлекались студенты основных факультетов. В одной из групп привлеченные товарищи с успехом вывели отставшую по математике группу; 5) изжиты старые зачетные методы и введена в полном смысле коллективная оценка. Лабметодической частью была проделана в группах большая подготовительная работа по проведению коллективных оценок. Студенчество к коллективным оценкам относилось весьма сознательно и серьезно. Отстающих при оценке не миловали. В конце учебного года надо было подвести годовой отчет в учебе, учесть все недостатки, а также учесть и общественность рабфаковцев.

Лабораторно-методическая часть для этой цели в конце года проводит на каждой группе, попутно с учетом академической успеваемости, и учет за год выявленной общественности студентов, а в конце коллективных оценок вся группа проводит коллективные оценки преподавателям. Такая постановка вопроса заставила студенчество подтянуться в смысле общественности, а коллективные оценки преподавателям дали большой методический материал учебной части, а также и самим преподавателям.

Библиотечная часть.

Работа библиотечной части заключалась в комплектовании общеакадемической библиотеки учебниками и литературой, необходимой для рабфаковцев в пределах учебной программы. В своей работе библиотечная часть была связана с предметными комиссиями, откуда получались списки необходимых книг и соответственно средствам пополнялась обще-академическая библиотека. Помимо этого Библиотечная часть вела обще-академическую работу в Библиотеке учебных пособий.

Экскурсионная часть.

В самом начале свой работы экскурсионная часть поставила задачи: увязать экскурсии с учебными программами и для этой цели она связалась с предметными комиссиями, учебной частью и групповыми тройками. На некоторые экскурсии экскурсион. частью в качестве руководителей привлекались преподаватели, некоторые из них охотно и безвозмездно пошли на призыв экскурсионной части, и экскурсии с преподавателями производились по истории культуры, русского яз. и специальные экскурсии на химические заводы. Экскурсии в течение года проведены во все исторические и художественные музеи, и были посещены крупные заводы. Помимо этого экскур. частью добывались театральные билеты во все театры Москвы.

Опорой всей работы Академической секции являлись пленумы, созываемые 2 раза в месяц. Состав пленума состоял из групповых троек и студенческих фракций предметных комиссий. Пленумы проводились в присутствии завед. уч. частью. На этих пленумах Академическая секция ставила доклады о работе своих отделов, доклады секретаря студ. фракции о работе предметн. комиссий и доклады групповых троек об академической работе в группах. Эти пленумы являлись совещанием

повых троек об академической работе в группах. Эти пленумы являлись между студенческой массой и учебной частью. На них разрешались все вопросы и все недостатки в постановке учебы. О жизненности этих пленумов можно было судить по тому, что они всегда проходили в полном сборе и при деловом и оживленном обсуждении всех вопросов, стоявших на повестке дня. Через эти пленумы академическая секция провела дискуссии о связи с производством, координировала все планы, организационные мероприятия и текущую работу со студенческой массой.

Так переживали второй этап в академической работе наши студенческие организации. И надо сказать, что вся работа не только Аксекции, но и вообще всех студенческих организаций есть творчество целых поколений, если за поколение условно принять период пребывания набора студентов в Рабфаке.

Каждый рабфаковец в той или иной мере вносил свои мнения, свою энергию в общественную работу студенческих организаций. Это было творчество всего коллектива.

Но 1923/24 уч годом закончился период систематизации учебы и с 24/25 года студенческие организации, уже значительно подкованные на опыте предыдущих работ, перешли к плановой учебной работе.

И. Богданов.

Партийная работа на Рабфаке.

Партийную работу, разумеется коммунистическую, в Академии начал вести Рабфак. До его организации не только ячейки в Академии, но и коммунистов почти не было. Академия была насквозь пропитана эсеро-кадетским духом, как реакционная профессура, так и белоподкладочники - студенты препятствовали рождению «большого младенца»—Рабочего факультета, в котором они справедливо видели могильщика их идей и влияний в Академии. Но Октябрь, принесший науку для трудящихся, позволил начать организационную работу и в стенах Академии. Много положено трудов, немало издергано нервов, завоевывая шаг за шагом право на жизнь в стенах Академии. Упрямились прежние хозяева Академии, тормозили работу. Сначала Рабфак помещался чуть ли ни на задворках, не имел ни одной своей аудитории, занимал каждый раз свободные помещения революционным путем. Весь организационный период проходил в тяжелой борьбе.

Белая кость не признавала «незаконнорожденного»; но «незаконнорожденный» таким оказался здоровым, сильным, энергичным, что заставил себя признать. Но и после признания оставался новичком, пока своей неутомимой энергией не завоевал право гражданства в Ака-

демии. На чьих же плечах лежала тяжелая организационная работа? Ее с честью выполнила партийная ячейка, которая сразу организовалась вслед за организацией Рабфака и повела борьбу не только за завоевание Рабфака, но и вообще партийную работу во всей Академии, втягивая в общественность пролетарскую часть студенчества (демонстрации, собрания). Но совершенно другая работа появилась у ячейки с 1922/23 учебного года, когда влились в Рабфак новые партийные подкрепления, и последний стал иметь уже собственные аудитории. Организационный период прошел, и борьба увенчалась полной победой, надо было думать об углублении партийной работы среди рабфаковцев. Недостаточно было держать массу рабфаковцев, партийцев в частности, в курсе текущих событий через общие собрания, где ставились соответствующие доклады, но проводилась углубленная работа по группам, где еженедельно проводился партдень, на котором, кроме вопросов текущей политики, прорабатывалась история нашей партии. Почти ни одного члена партии не осталось, не вовлеченного в какую-либо работу. Часть была прикреплена для политико-просветительной работы в кружке по работе в деревне, по шефству над деревней, не остались без наших товарищей профорганизации, также были выделены для работы в предметных комиссиях Рабфака и, наконец, в групповые тройки. Работа президиума Рабфака руководилась непосредственно Бюро ячейки. Организованная еще в 1922/23 учебном году стенная газета также направлялась через выделенных в нее для работы товарищей. Рабфаковская комсомольская ячейка также руководилась Бюро. С академическими организациями связь не прекращалась, она проводилась через пленум секретарей ячеек и общие об'единенные собрания. Немалую роль сыграла ячейка и в деле смычки с деревней. Подготовленные заранее члены кружка «по работе в деревне» во время каникул проводили в деревнях большую политико-просветительную работу (чтение лекций, проведение бесед, выписка газет, организация культ-просветов, организация комсомола и т. п.).

Значительная работа была проведена по шефству над Осташевской волостью. В 1923/24 учебном году во время партийной дискуссии ячейка Рабфака осталась верна ленинским заветам и не пошла по пути оппозиции, хотя ее трескучие фразы как-будто сначала казались привлекательными и верными, но рабочее чутье рабфаковцев, членов партии, не допустило ошибки. Ячейка целиком поддерживала линию Центрального Комитета РКП (б).

В итоге можно сказать, что с начала организации ячейка вела борьбу за право гражданства Рабфака и за распространение пролетарского влияния во всей Академии; в дальнейшем работа шла по улучшению учебной постановки дела Рабфака, партийное воспитание членов партии, а также и беспартийных (за что говорит большое количество вступивших в РКП) и большая работа по смычке с крестьянством.

С. Миронов и А. Водков.

Из жизни и работ кружка по работе в деревне.

Из деревень шли за тем, чтобы в Сельско-Хозяйственной школе научиться теории и на основе ее практике сельско-хозяйственного дела. Поступили на Рабфак при Т.С.Х.А. Начали учиться. Оказалось, что общего образования нет. В Тимирязевскую Академию без него не пустят. Образование и воспитание, полученное в «палочной Академии», недостаточно. Ясно, что отсюда: «даешь грамоту и общее образование». Погрузились в учебу. Подошли зимние каникулы. Раз'езжаются по домам. Деревня встречает рабфаковцев с надеждой, что из Москвы, да еще из Сельско-Хозяйственной школы, ребята им привезли много нового, нужного и для жизни и для хозяйства. Распросы крестьян, наступающих на приехавшего рабфаковца, затрагивают все.

Бюро ячейки РКП (б) с представителем от шефа т. Водковым Осташевской волости.

В деревне, да еще далекой от Москвы, не разбираются чему учат, а рассуждают так: раз Швецов сын учится в Сельско-Хозяйственной школе, значит он должен знать все по сельскому хозяйству. Раз Швецов сын живет в Москве, значит знает все насчет власти, политики, кооперации, бога и т. д. Раз Швецов сын близко от центральной власти (а она в большом почете и уважении деревни), то значит ему легче там рассказать о всех «болестях», невзгодах деревни, а часто прямо злоупотреблениях у них в деревне.

Ясно отсюда. Раз попал парень в такое окружение, то повертывайся, отвечай, раз'ясняй, помогай в затруднениях. Все, что рабфаковец узнал, живя и учась в Москве, рассказал и как мог раз'яснил. Много вопросов осталось неразобранными, и все они улеглись в голове рабфаковца, увязанные одной мыслью: «приеду с каникул и буду докапываться до того, как разрешить поставленные проблемы и вместе с такими же как я рабфаковцами».

Возвратился с зимних каникул. Возвратились и другие. Расспросы, беседы. Как дела в деревне? А как в вашей? Да, вот что и вот что. У нас тоже. Начинаются обсуждения, и приходят к выводу, что кроме ученья в классах надо изучать и вопросы, волнующие деревню. Это дело надо сделать. Неловко среди своих, когда не знаешь, как ответить на вопрос. Да и наша обязанность помочь деревне, с чего начать и как вести дело дальше.

Бюро ячейки РКП (б) Рабфака этот общий разговор подслушало и ему ясно стало, что надо распускать товарищей подготовленными по наболевшим и важнейшим для деревни вопросам.

В результате к середине марта 1923 года было решение Бюро ячейки о необходимости организации проработки вопросов со всеми теми, которые поедут на лето в деревню, разработать им задание, план работы и после—осенью, учтя опыт, повести планомерную годовую подготовку по работе в деревне. Выделили комиссию из трех человек.

Работу начали немедленно. Содержанием бесед было: 1) вопросы организации крестьянского хозяйства (изучали земельный кодекс, вопросы многополья, корнеплоды в полях, землеустройство). В этом нам помогали товарищи: Зубрилин, Модестов, Харченко, Кукушкин и Гуров. 2) Тогда был злободневный вопрос о налоге. Его изучали особенно глубоко и внимательно. 3) Слушали доклады об организации полит-просвет. работы и особенно о внедрении в деревню газеты и книжки. 4) Перед раз'ездом о международном положении.

Занятия учебные близились к концу, и перед всеми была задача, как организованно раз'ехаться, наметить работу в деревне, а на случай затруднения получить совет, раз'яснение отсюда из Москвы.

Сделали так: был составлен наказ уезжающим, разобран и обсужден всеми, договорились о постоянной связи с Бюро ячейки, которое в нужный момент будет действовать в Москве. Запаслись литературой. Были готовы. Чувствовали себя подкованными. Все раз'езжались с пылким желанием передать деревне все полученное на Рабфаке и в беседах. Кто готовился больше заняться с деревенской молодежью, а кто со стариками. Все хотели организовать крестьян для какого-нибудь дела: покупка сообща машин, приведение в порядок луга и т. п. Разъехались. Остались в Бюро ячейки товарищи, как штаб, ждущий донесения, получающий указания из высших инстанций и дающий раз'яснения на запросы, работающих теперь на местах рабфаковцев.

Проходит недели две, начинают из далеких деревень прилетать письма разнообразнейшего характера. Шлет Мих. Швецов о том, что в его районе местные власти дурят. Печатается в «Бедноте», производится следствие через Г.П.У., и группа дельцов чувашской деревни идет под суд. Запрашивают о том, как подешевле достать сельско-хозяйственные машины. Присылают деньги для подписки на газету. Много важных моментов из писем выбиралось и посылалось в газету «Беднота». Напечатано было 7, имеющих общее значение.

Когда же кончились каникулы, и рабфаковцы слетелись обратно в Рабфак, то видно было из 83 отчетов товарищей, что такая подготовка оказала им громадную помощь в работе.

Собрались на первое собрание и решили, что надо организоваться в кружок. Избрали Бюро кружка. Скоро была разработана программа на основе запросов деревни, и дело пошло. Занятия устраивались 1 раз в неделю. Готовились систематично к каждым каникулам: по политпросвет. работе и обследовательской к зимним; по практическим мероприятиям—к летним. Переписка не прерывалась с деревнями, а все пирилась. К зимним каникулам 1923/24 г. подготовились хорошо. Работали лучше, чем за лето. Привезенный материал в виде 74 докладов был систематически сведен и передан в ЦК РКП, как раз подоспев к моменту, когда вопросы деревни стали выдвигаться, как сложные и важные вопросы хозяйственной жизни СССР.

При помощи стенной газеты «Рабфаковец» была организована кампания за выписку «Крестьянской Газеты», что дало в результате 67 экземпляров.

Весной 1924 г. перед всеми студентами академии эти же вопросы выпятились. Студенческие организации пошли тем же путем, каким шел в первые дни зарождения кружок по работе в деревне. Был организован целый цикл докладов работников центра с уклоном общеполитического и экономического характера. Наши кружковцы были основным ядром на этих докладах, одноврменно не ослабляя работу в кружке. Перед от'ездом был взят из издательства «Новая Деревня» подряд на распространение популярной сельско-хозяйственной литературы. Свезено и распродано в деревнях кружковцами книг на 270 р. Продажа производилась со скидкой от 25 до 30%.

Летние каникулы 1924 года прошли не менее полезно, но были привезены запросы уже другого характера. Возвратившиеся высказывали мысли о том, что наши деревни, где они работали, все, что толковалось рабфаковцами, поняли и теперь требуют, чтобы мы брались непосредственно за дело. Просят разделить и размежевать землю, посылают на ревизию и проверку дел кооперации; выдвигают ходатаями по крестьянским делам, просят (особенно комсомольцы) помочь в политическом развитии. Одним словом, деревня от рабфаковцев требует практического содействия. Она уже убедилась в полезности и необходимости того, что товарищи говорили, раз'яснили и предлагали. Нужен организатор и умелый исполнитель.

Начало нового учебного 1924/25 года знаменуется небывалым ростом в Аакадемии подобных организаций, но слабым вовлечением в них студенческой массы. Создается ряд кружков, комиссий, секций по работе в деревне. Силы рабфаковцев отвлекаются и этим самым распыляются. Интенсивность работы кружка понижается. Нельзя не отметить, что комсомольская и другие организации вместо того, чтобы сосредоточить внимание на имеющихся подходящих организациях, создают

такие же свои отвлекают активных организаторов на новое дело. Кружок начинает расшатываться.

После решения Бюро ячейки РКП (б) о концентрации работы по деревне в шефской организации, кружок находит себе место, работа оживает, проходя в секционном порядке.

Наметились было три секции, землеустроительная, кооперативная и политико-просветительная. Но так как землеустройство в теперешний момент актуальная задача, то весь состав кружка в количестве 61 человека занялся этим делом под руководством тов. Шпак. Проходя теорию, разбирая законы о земле, кружковцы работали уже с инструментами практически на поле.

Под конец приведем цифровые данные о проделанной работе.

1. Беседы и доклады на темы: многополье, животноводство, о «ножницах», кооперации, сельскохозяйственном банке, выставке, лесе, землеустройстве, продналоге и т. п. . . . . 93.
2. Организовано сельско-хозяйственных кружков 9
3. Курсов 2-недельных 2
4. Проведено спектаклей 18
5. Сагитировано на многополье деревень . 66
6. Составлено планов 11
7. Организовано изб-читален 5
8. » чайных 1
9. Выпущено стенгазет 3
10. Докладов о международном положении. 8
11. Женских собраний и конференций . . . 5
12. Беспартийных крестьянск. конференций. 2
13. Бесед о религии, санитарии, красн. арм. 4
14. О ликвидации неграм. собраний 2
15. Проведена кооператив. неделя 1
16. Докладов и бесед о налоге 113
17. Организовано ячеек РЛКСМ 3
18. Проведено в них лекций-докладов . . . 19

Всей литературы привезено в деревню на 817 руб., из этого числа продано крестьянам на 270 р., а остальная—за счет кружков и часть бесплатно выдана разными учреждениями как-то: ЦДК, Наркомфин, Сельскосоюз, МК РКП и РЛКСМ.

Данные не полные, но они говорят за ту полезность работы, которая проделана кружком рабфаковцев.

Голубев.

О прохождении истории партии.

в 24—25 учебном году.

Первый раз на Рабфаке в порядке учебного плана, систематически, сравнительно широко и глубоко, был проработан курс истории партии. Это заставляет внимательно учесть опыт прохождения курса во всех отношениях, выявить недостатки и тем самым предупредить повторение их.

Учет опыта ценен не только для учебной части Рабфака Тимирязевской Академии, но он дает многое и для Отдела Рабфаков Главпрофобра в смысле выработки вполне приемлемой программы.

Изучение истории партии есть изучение тех путей, которыми шла партия в направлении диктатуры пролетариата, есть изучение тех путей, которыми должны идти все коммунистические партии всего мира. Знать эти пути должен каждый партиец, каждый комсомолец, а их на Рабфаке большинство. Курс полностью и подробно не мог охватить всего, это вполне понятно. Он поставил основные вехи, чтобы не заблудиться в вопросах современности, много вопросов только поставил. Поэтому каждый студент еще долго должен обрабатывать то, что дал ему курс. Нужно помочь ему.

Основное достижение пройденного курса—методология постановки и разрешения вопросов. Марксистский подход к вопросам на протяжении всего курса был соблюден. Так и только так в дальнейшем нужно работать. Так и только так нужно подходить к вопросам, иногда очень сложным, современности. Этот метод тов. Ленин выразил следующими словами: «Материалист с точностью констатирует данную общественно-экономическую формацию и порожденные ею антагонистические отношения»... и дальше: «Материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Неумение разобраться в смысле классовой борьбы, неумение учесть обстановку, догматизм, привело к контр-революции одну часть Р. С.-Д. Р. П., и к «звонкой революционной фразе» талантливых выдающихся членов уже нашей партии. Наш курс по программе Главпрофобра на $^1/_3$ был заполнен анализом экономики и вытекающей отсюда логики классовой борьбы. Это и правильно и неправильно. Не зная определяющих фак-

торов, трудно усвоить технику и стратегию классовой борьбы пролетариата в тот или иной момент, трудно понять расхождения двух частей партии. Изучая эти определяющие факторы, отнимаешь много времени у истории партии.

Нам иначе построить работу нельзя. Пришлось начать с развития капитализма и по мере прохождения курса возвращаться к социально-экономическому укладу России и прослеживать изменения, происходящие в нем. Такое положение привело к тому, что теоретического подытоживания курса из-за недостатка времени не будет. Это минус в нашей работе. Из заколдованного круга можно выйти. Нужно связать курс истории классовой борьбы с курсом истории партии таким образом, чтобы там вместо феодальной Руси больше перенести внимания на новейшее развитие России и тем самым подготовить почву для истории партии. Соответствующие отделы в истории партии сократить. Таким порядком уничтожится и нагроможденность некоторых фактов, мешающих усвоить больше по истории партии. Придется тогда только напоминать ситуацию, а не заниматься ее разбором.

Если этот недостаток не будет устранен, то в будущем придется курс «пробежать», чтобы теоретически подытоживать неусвоенные и непроработанные вопросы. Или же не подытоживать проработанные вопросы.

Видно к первому решению вопроса склонен Главпрофобр. Его программа «ленинизма» есть просто повторение курса. Это неправильно. Нужно выделить ряд проблем, как-то: 1) партийное строительство; 2) диктатура пролетариата; 3) профсоюзы; 4) крестьянство; 5) Коминтерн; 6) национальный вопрос; 7) от НЭП'а к социализму (хоз. строительство). Их нужно разобрать в том духе, в котором разбирает их Сталин в своей книге «Ленин и ленинизм». Только так мыслится мне систематизация и углубление пройденной программы.

Последнее о программе это то, что отделы: революционная борьба на Западе после Октябрьской революции, революционная борьба на Востоке, Сов. Россия и буржуазные государства после победы Сов. власти и гражданской войны—по справедливости должны занять место в истории классовой борьбы и в политграмоте на I и II курсе.

Первая задача рабфаковцев выпускников заключается в том, чтобы подытожить курс. Это будет сделать легче, если будет на руках программа с точным указанием литературы.

О проработке отдельных частей программы можно сказать следующее: народничество проработано хорошо, от народничества к марксизму то же. Рабочее движение 90 годов и образование Р.С.-Д.Р.П. проработано хорошо. Следует теперь выпускникам еще раз внимательнее прочитать 4 тома сочинений Ленина и брошюру «Что делать». Эпоха революции 1905 г. проработана широко и глубоко. Но нужно внимательнее остановиться на сочинениях Ленина: «Шаг вперед два назад», «Две тактики». Нужно уяснить корень разногласий меньшевиков и большевиков.

Эпоха реакции под'ема проработана средне. Здесь нужно внимательнее проработать вопрос о ликвидаторстве. Этот вопрос есть вопрос оппортунистической тактики западно-европейской соц.-демократии. Здесь лучше всего ясно различие двух тактик с.-д.. и большевиков. Нужно использовать книги: из эпохи «Звезды» и «Правды» и сборник—«Марксизм и ликвидаторство». Империалистическая война открыла эпоху социальных революций. Нужно просмотреть методы борьбы с ней. Сборник—«Против течения» и «Война и кризис социализма» дадут многое. Вопросы пролетарской революции проработаны сравнительно хорошо. Больше всего следует обратить внимание на тактику, выдвигаемую Ильичем и на ту борьбу, которую пришлось ему вести с уклонами групп нашей партии.

Вот основные моменты, на которые нужно обратить внимание выпускникам.

Теперь о методе и организации прохождения курса. Из опыта видно, что лучшим методом является метод бесед.

Подчиняясь учебному отделу и желанию студентов мы ввели докладную систему. Ее основные качества положительные—студенту следует учиться, делать доклады и самостоятельно систематизировать материал. Отрицательные качества—пассивность аудитории. Кроме того, успешность работы при таком методе зависит от суб'ективных качеств докладчика.

Уменье поставить в докладе спорные вопросы, уменье оттенить, выпукло представить основное, не часто встречается у слушателя Рабфака. Поэтому доклады часто бывают бесцветны, и отнимают много времени. Прений по таким докладам почти не открывается.

Доклады делать нужно, но не за счет проходимого предмета и не за счет пассивности аудитории. Лучше всего доклады давать приблизительно тогда, когда аудитория привыкнет к постановке вопросов. Для систематизации материала можно давать письменные небольшие работы на дом. При подготовке доклада нужно обратить внимание на возможность оказания помощи студентам со стороны групповодов в той или иной форме.

Темы докладов обязательно нужно за месяц вперед просматривать и утверждать на заседаниях предметной комиссии. Это оживит работу предметной комиссии и будет достигнута согласованность работы групп.

Большим тормозом в работе является отсутствие литературы. В этом году учебная часть кое-что приобрела, но в недостаточном количестве. Отчасти этот недостаток можно устранить коллективной читкой. Над этим вопросом следует подумать и самим студентам. Непроработка, хотя бы минимального количества соответствующей литературы, плохо отражается и на работе групп и на усвоении курса.

У нас нет полного учебника по истории партии. Это плохо. Только умелая комбинация литературы может заменить его. К этому мы все время приближались. Но на наш взгляд, если даже и будет такой учебник, увлекаться и пользоваться только им одним вредно. Превратить его в учебник, который нужно зубрить «отселе и доселе» не годится.

Комбинировать литературу для того чтобы приучить к практическому чтению нужно будет и тогда.

Несмотря на все дефекты, имевшие место и вызывавшиеся разными, очень часто независящими от руководителей и учебной части, причинами (загрузка основной работой руководителей и перегрузка слушателей) работу курса истории партии можно считать вполне удовлетворительной. Если же будут устранены те недостатки, о которых говорилось выше, то в будущем году можно будет курс пройти еще лучше.

М. Грацианский.

Экономическая география на рабочих факультетах.

Экономическая география была включена в учебный план рабочих факультетов лишь с прошлого 1923/24 академического года. Преподаванию этого предмета был отведен всего лишь один весенний семестр на III курсе при двух недельных часах. Очевидно, что в такой постановке нельзя было и думать дать сколько-нибудь цельный курс, тем более, что студенты третьекурсники обычно перегружены весной различными дополнительными часами по другим более крупным предметам. Неудивительно, поэтому, что на некоторых рабфаках эконом. география фактически вовсе не вводилась в учебный план; так было, в частности, и на Рабочем факультете при Тимирязевской С.-Хоз. Академии, где предмет этот был снят под тем формальным предлогом, что он проходится на основных факультетах Академии. Между тем, для каждого руководителя учебным делом на Рабочих факультетах совершенно ясно, что эконом. география должна занять твердое и подобающее ей место в учебном плане. Ведь даже текущая общественная работа рабфаковца непосредственно опирается на знания, даваемые этой дисциплиной. Можно с полной уверенностью сказать, что каждый доклад рабфаковца в подшефной волости или в родной деревне, на своей фабрике, или в клубе,—словом всюду и везде,—упирается прежде всего в нашу хозяйственную действительность, в наши внешние хозяйственные связи, а тем самым и в кон'юнктуру мирового хозяйства. В планетолько-что закончившегося учебного года эконом. география получает более твердое признание. Ей отводится на 3-м курсе уже 2 годовых часа в неделю. Но здесь ее постигла другая беда. Крайне неудачная программа, лишенная, вдобавок, обществоведческого стержня, превратила ее во многих рабфаках в простой перечень скучных сухих цифр без достаточного социологического и классового анализа. Это особенно сказывалось на тех рабфаках, где преподавание эконом. географии поручалось немарксистам, не сумевшим в должной степени связаться

и найти общий язык с преподавателями полит. экономии и истории борьбы классов. Это ненормальное положение выявилось прежде всего в отсутствии интереса у студентов к этому предмету и даже в открытых нареканиях с их стороны. И вполне справедлива и законна была та резкая критика, которой подверглись как программа, так и самая постановка преподавания эконом. географии на конференции, происходившей в минувшем году в Москве. Некоторыми из присутствовавших высказывалось пожелание перенести эконом. географию на 1-й курс, тесней связать ее с полит. грамотой, чтобы, таким образом, на полученной уже основе конкретного экономического и политического материала курс полит. экономии на 2-м и 3-м годах обучения был бы теоретическим освещением и обобщением живой и уже известной конкретной действительности, а не сухим отвлеченным курсом, который усваивается значительной частью рабфаковцев с большим трудом. Помимо этого, раздавались общие жалобы на крайнюю раздробленность предметов обществоведческого цикла, параллелизм, неувязку между собой отдельных программ и, как следствие всего этого, на отсутствие у оканчивающих рабфаковцев сознательных синтетических представлений в области обществоведения, граничащее иногда с полной политической неграмотностью. Созданной затем при отделе Рабфаков, под председательством тов. А. К. Кондратьева, программно-методической комиссии поручено было, на основе высказанных на конференциии пожеланий и критики, переработать программу по эконом-географии в смысле большего сближения этого курса с элементами полит. экономии. Самое содержание курса Экон. Географии, очевидно, не должно ограничиваться описанием хозяйства только нашего Союза. Это повело бы к необходимости создания еще одного курса мирового хозяйства, т. е. к дальнейшему дроблению обществоведения на рабфаке. Наоборот, следовало бы считать большим программным достижением, если бы удалось в одном курсе «мировое хозяйство» об'единить эконом. географию СССР, эконом. географию мира и политическую географию отдельных стран (нынешний курс страноведения на втором году обучения). Автору этой заметки, принимающему живое участие в работах названной комиссии, кажется, что такое построение единого курса мирового хозяйства взамен существующих в настоящее время двух: 1) страноведения и 2) эконом. географии СССР,—вполне осуществимо. Составители такого курса должны принять на себя три обязательства:

1) изложить общую экономическую и политическую картину мирового хозяйства, раздираемого на части враждебными интересами конкурирующих национальных групп господствующих классов;

2) дать место основным элементам страноведения, поглащаемого этим курсом;

3) выпукло и отчетливо выявить хозяйство нашего Союза и его место в системе мирового хозяйства.

Самое изложение курса должно вестись в строго социологическом аспекте. И совершенно необоснователны опасения того, что курс

от этого станет абстрактным, потеряет свежесть и живость описания. Социологизм есть метод, а не материальное содержание. Как-будто это и так для каждого ясно, однако же подчеркнуть здесь все методологическое значение социологизма тем более необходимо, что в таком курсе, как эконом. география, сосредоточено слишком много естественно-научного, статистического и даже технического материала, и это может затушевать то основное, что необходимо обществоведу марксисту. Из-за деревьев, так сказать, должна отчетливо вырисовываться картина леса. Поэтому одной из основных задач курса является правильная и четкая постановка понятия мирового хозяйства. Здесь необходимо прежде всего отметить ошибочность буржуазных предсатвлений о мировом хозяйстве, как о самостоятельном и законченном социально-хозяйственном типе мирового общения. Такая точка зрения была бы и не исторична, и не динамична. Затем нужно отметить, что термин—«мировое хозяйство» определяет собой лишь размах, масштаб производственных связей между отдельными производителями, но отнюдь не классовую сущность тех производственных отношений, на которых строится современное мировое хозяйство. Самый размах этих связей, принявших в настоящее время мировой характер, без сомнения вызван ростом производительных сил общества, и в первую очередь, ростом массового и дешевого транспорта. В этом смысле мировое хозяйство есть явление новейшего времени. И конститутивным признаком здесь должен служить факт невозможности для отдельных государств, без риска подорвать основы своей народохозяйственной жизни, дальнейшего нормального развития вне постоянных мировых связей. Но таково бланкетное, так сказать, простаранственное понятие мирового хозяйства. Какова же его социальная сущность? Здесь преподаватель должен быть особенно точен, четко устанавливая классовый критерий. Поскольку $^5/_6$ современного человечества существует и хозяйствует в капиталистических формах, постольку и современное нам мировое хозяйство есть хозяйство капиталистическое и в этом смысле, как совершенно справедливо говорит Н. И. Бухарин, «весь процесс мировой экономической жизни современности сводится к производству прибавочной ценности и ее распределению между различными группами и подгруппами буржуазии, на основе постоянного расширенного воспроизводства отношений между двумя классами: мировым пролетариатом, с одной стороны, и мировой буржуазией, с другой». Таким образом фактором и стимулом развития современного мирового хозяйства является капиталистическое накопление и стремление мировой буржуазии к присвоению все больших масс мировой прибавочной стоимости. Тормозом мирового хозяйственного прогресса является борьба в форме милитаризма и войн между отдельными национальными группами буржуазии за раздел этой прибавочной стоимости. Самый рост всей системы в целом сопровождается и ростом тех внутренних противоречий, которые заложены в ее основе, и в первую очередь ростом ее великого могильщика, мирового пролетариата.

Такова сущность современного нам капиталистического мирового хозяйства.

В социалистическом обществе, очевидно, мировое хозяйство будет иметь совершенно иное социальное содержание. Учению о мировом хозяйстве уделяет немало внимания и буржуазная наука, хотя концепция мирового хозяйства, даваемая буржуазными экономистами, глубоко ошибочна и реакционна, напр., Хармс, директор Ин-та мирового хозяйства в Киле, определяет мировое хозяйство, как «совокупность взаимных, регулируемых по преимуществу международным правом сношений между отдельными хозяйствами земного шара»... «Чем больше вырабатывается подобное мировое хозяйственное право, тем более законченным является понятие мирового хозяйства». Для каждого очевидно, что это чисто юридическое определние совершенно не освещает самого понятия мирового хозяйства, как определенной категории социально-экономического порядка. Думается, кроме того, что не международное право является фактором мирового хозяйства, а наоборот: развивающееся буржуазное мировое хозяйство ищет для себя и правового оформления в виде институтов международного права. Еще хуже обстоит дело с представлением о мировом хозяйстве у другого буржуазного специалиста, немецкого профессора Карла Довэ. Его концепция мирового хозяйства прежде всего лишена всякого социально-экономического содержания. Любопытен тот чрезвычайный практицизм, с которым он подходит к выяснению цели и задач своей науки. Экономическая география мира в конце концов сводится у него к хорошему, обстоятельному спавочнику для деловой коммерческой конторы. «Для того, что бы иметь возможность», говорит проф. Довэ, «оценить наилучшие рынки, каштадскому фермеру нужно точно знать те месяцы, в течение которых прилив свежих фруктов на лондонский рынок по климатическим условиям из северного полушария совершенно исключается»... «Перед эконом. географией мира также много задач, которые нужно тщательно разрешить, как перед ее старшей сестрой—политэкономией. Работая рука об руку, им удастся нарисовать коммерсанту и вообще человеку практики такую законченную картину, в которой перед ними откроется все поле их деятельности». Ограниченные размеры этой заметки не позволяют нам входить в детальное обсуждение этого вопроса.

Здесь важно было только отметить ту пропасть, которая разделяет марксистскую и буржуазную точки зрения на природу мирового хозяйства. Само собой разумеется, что на рабочих факультетах может быть плодотворным лишь курс, построенный на основе марксистского понимания мирового хозяйства. Нужно особенно иметь в виду, что мировое хозяйство вводится в комплекс обществоведения, и что поэтому между и остальными предметами комплекса (политграмотой, политэкономией и историей борьбы классов) должна быть полная методологическая и программная увязка. Анализ военной и послевоенной кон'юнктуры мирового хозяйства нужно давать с широко-общественной точки зрения и подходить к нему, как к кризису всей капиталистиче-

ской системы мирового хозяйства, особенно подчеркивая, что капиталистическая организация мира является тормозом для дальнейшего роста производительных сил человечества. Очень характерны в этом отношении пессимизм и отчаяние большинства современных буржуазных мыслителей, мрачно рисующих себе перспективы будущего. Знаменательны слова одного норвежского публициста: «Чего мы ждем от мира»?—восклицает он,—«красивых слов, скверных дел, новой войны». Слова эти звучат прямо пророчеством.

При составлении программы курса немало трудностей представит разверстка его по отдельным главам и темам, а это тем более важно, что с будущего 1925/26 учебного года, повидимому, уже все рабфаки Республики перейдут на лабораторные занятия по так наз. Далтон-плану, модернизированному для наших условий. В моем сознании вырисовывается пять глав будущего курса, хотя и не одинаковых по своему об'ему и значению:

1) Введение: общая постановка проблемы мирового хозяйства и его районов.

2) Природные факторы: пространства воды и суши, сырьевые рессурсы и население мира.

3) Производственный результат современного мирового хозяйства: продукция по главнейшим отраслям, транспорт и мировая торговля.

4) Экономическая и политическая география важнейших стран (страноведение).

5 мировое хозяйство и империализм.

При детальной разработке каждой главы в отдельности, подборе тем и материала к ним надлежит руководствоваться след. общими положениями:

1. Главным центром внимания должно быть учение о мировом хозяйстве и его элементах, при чем последнее должно рассматриваться не как комплекс отдельных хозяйственных статей в их географическом распространении, а как самостоятельное, самодовлеющее явление социального порядка новейшего времени.

2. Содержание курса должно быть таково, чтобы у рабфаковца составилось ясное представление о полной зрелости всех экономических предпосылок единого мирового хозяйства. Одновременно с этим для него должно стать очевидным, что полное организационное оформление единства мирового хозяйства невозможно в рамках капиталистического общества.

3. Массивы полезных ископаемых (2-я гл. прог.) должны изучаться не только со стороны их географического распространения на замном шаре, но и как об'ект ожесточенной борьбы за обладание ими между отдельными группами мировой буржуазии.

При изучении экономического значения водных путей сообщения в особенности морей и океанов, желательно введение некоторых элементов историзма в духе известной книжки Хоррабина.

4. При анализе отдельных отраслей мирового хозяйства (гл. 3-я) изучаются статистические данные только по тем государствам, в которых рассматриваемая отрасль является доминирующей в народо-хозяйственной жизни страны, и при том самая продукция этой отрасли имеет серьезное значение в экономике мирового хозяйства. Самый анализ следует проводить в динамическом обзоре. С этой целью должны приводиться данные довоенной и послевоенной продукции за ряд годов, чтобы учащиеся могли сделать вывод о направлении и о темпе развития той или иной отрасли хозяйства в каждой стране. Кроме того, необходимо указывать на ту огромную регрессивную роль, которую сыграла война в общем ходе мирового хозяйственного развития, и в хозяйстве всех воевавших стран в особенности. При проработке всей этой главы центром внимания должен быть СССР, при чем необходимо особо подчеркивать темп восстановления нашего хозяйства, наши достижения за последний год и дальнейшие перспективы, а равно и то значение, которое имеет наш Союз в мировом хозяйстве.

5. При последующем затем более детальном изучении экономгеографии СССР (гл. 4) социальные формы хозяйствования в нашей стране должны получить максимальное экономикогеографическое освещение, чтобы преподаватель политэкономии имел возможность впоследствие полностью опираться на полученный здесь конкретный материал.

6. Все прохождение курса мирового хозяйства должно вестись в социологическом аспекте.

В целях осуществления наиболее полной и живой связи с политэкономией курс мирового хозяйства желательно было бы ввести в план второго года обучения т. к. главы политэкономии, наиболее родственные этому курсу, именно: учение о рынке, кризисах, империализме и о предпосылках перехода к коммунизму, проходятся на третьем году обучения, и в этом отношении преподаватель политэкономии сможет широко опираться на материал, даваемый этим курсом.

В заключение остается отметить, что введение в учебный план Рабочих факультетов нового курса мирового хозяйства более, чем своевременно и, думается, что уменье «мыслить континентами» не является монопольной привилегией одних империалистов *).

---

*) Масштаб изучения мирового хозяйства для Рабочих факультетов (да еще на 2-м курсе), развернутый в статье т. Грацианского (преподавателя н/рабфака), велик, и по мнению редакции осуществление его в условиях учебного плана целиком невозможно.

А. Уманский.

Русский язык на рабфаке.

I.

Рабочий факультет относится к категории школ для ,взрослых, и этим уже в известной мере определена своеобразная учебно-методическая работа в нем, в отличие от нормальной школы. Но общими признаками школы для взрослых целиком не исчерпывается видовое понятие Рабфака. Это строго классовая школа, имеющая не общеобразовательное значение, но ставящая себе целью подготовку к тому или иному высшему учебному заведению. В этом специальном уклоне и составе учащихся сущность Рабфака. Поэтому Рабфак не только школа взрослых, а кроме того классовая школа рабочих и крестьян, подготавливающая в ВУЗ'ы.

Методы и программы прежней школы, подвергающиеся коренной переработке в обычных советских школах, тем более оказались непригодными на Рабфаке, школе новой, не имеющей в прошлом своей традиции, а потому история Рабфака—это есть искание как в области методической, так и программной, не говоря уже об организационной и учетной, в которой Рабфак на почве живых потребностей нашел свои собственные формы. Не избег этого понятно и такой центральный предмет факультета—как русский язык.

Рассмотрение общей постановки русского языка на Рабфаке в связи с характером самой школы и является моей задачей. Не буду касаться частно-методических вопросов, подлежащих рассмотрению специальных работ,—укажу только, что уже в процессе рабфаковской истории естественно наметился уклон в сторону большей самодеятельности учащихся и лабораторных занятий гораздо ранее, чем поднялся вопрос о Дальтон-плане.

В программном отношении переработка постановки русского языка шла по двум линиям—узко-языковой, проявившейся в замене логико-грамматической системы грамматикой формальной и неразрывной увязкой с правописанием; а по линии литературы,—заменой историко-литературного курса, списком литературных произведений, связанных формально с развитием речи, а материально с обществоведением и поднятием общей культурности. «Литературные произведения привлекаются прежде всего, как материал для наблюдения над языком, также для упражнений в развитии устной и письменной речи. Занятия литературой, кроме основной задачи обучения языку, должны ставить себе целью углубления классового самосознания рабфаковцев, воспитание в них коммунистических идей, чувство революционного энтузиазма. (Программы для Рабфака кн. II. Литературн. материал для занятий по русск. яз. Москва 1924 г. стр. 38).

Причины изменений в области преподавания русского языка, помимо условий общепедагогического порядка в связи с революционной современностью, в значительной своей части зависят от специфического характера школы—Рабфака.

Определяя его, как классовую школу, подготовляющую рабоче-крестьянскую молодежь в ВУЗ'ы, необходимо в пределах нашего предмета учитывать все вытекающие отсюда последствия, т.-е. учесть, с чем приходит эта молодежь на Рабфак, и что он должен ей дать в области русского языка.

В лучшем случае имеется со стороны вновь поступающих общая политическая и общественная ориентация, но, конечно, поверхностная; терпимая, нередко весьма относительно—грамотность; чаще всего слабость развития речи, особенно в смысле владения литературным языком; непривычка и «неумение» читать. Все эти свойства, понятно, вполне законны и в известной мере неизбежны, поскольку мы имеем дело с пролетарским составом поступающих, получивших обрывочное образование и случайно набравшихся тех или иных сведений. Этими уже предпосылками и самым характером Рабфака вполне определяется задача преподавания русского языка.

Он должен научить выходящих из Рабфака владеть в узком и широком смысле речью, как устной, так и письменной, и в связи с этим и сверх этого поднять общую культурность студентов на основе марксистского мировоззрения, приучить их к книге и сделать вполне возможной дальнейшую работу в ВУЗ'е.

Практическое осуществление всех этих задач связано в общей работе над русским языком и литературой, хотя и бывают отдельные моменты дифференциации (например, грамматическая проработка отрывков и т. п.).

Расчленяя всю работу по русскому языку можно наметить, признавая известную искусственность деления, следующие основные части: 1) грамматика и правописание; 2) развитие речи; 3) чтение и анализ литературного материала.

Между ними постоянная увязка, а вторая и третья части, друг от друга почти не отделимы. Удельный вес их на разных курсах Рабфака, естественно, не одинаков—и если на I курсе превалирует первая часть, то по мере овладевания техникой письма, центр тяжести переносится ко второй, и при наличии благоприятных условий вторая часть уже неразрывно срастается в третьей (т.-е. специальные грамматические и стилистические упражнения могут не иметь места).

II.

Грамматика выделяется мною вместе с правописанием в виду того, что хотя последняя и не охватывается ею и усваивается еще целым рядом моторно-зрительных навыков (чтением, перепиской, письмом вообще), но изучение грамматики может иметь на Рабфаке только прикладное значение с явной установкой в сторону усвоения основ правописания. От-

сюда большую проработку должны получить те элементы морфологии и синтаксиса, которые могут служить опорными пунктами для этой цели, напр., существительные, прилагательные или глагол в тех формах, где допустимы графические смешения, и более поверхностная проработка там, где этого смешения быть не может, но которая необходима для цельного понимания системы родного языка.

В виду того, что в нашей педагогической литературе иногда вопрос о важности грамматики для правописания ставится под сомнение, мне хотелось бы сослаться на статью известного русского лингвиста профессора Пешковского «Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе», который заканчивает ее словами: «окончательный мой вывод: полная необходимость обучения грамматике при обучении правописанию («Родный язык в школе» кн. 6, 1924 г., стр. 87). Говоря о грамматике, мы имеем в виду не старую грамматику, логически невыдержанную с бессистемной классификацией грамматических категорий (то по логическому, то по психологическому, то по формальному признаку), в целом уже осужденную наукой, и применение которой вообще не может иметь место в школе,—а грамматику формальную, кладущую в основу деления языковых категорий принцип формы, чем достигается известная четкость и определенность в изучении этой дисциплины. Правда, в виду наличия различных течений формально грамматического направления приходится, применительно к учебной работе, быть осторожным и не вводить еще спорных в науке понятий, ограничиваясь наиболее установившимися. Кроме того, нужно не забывать и об известной неустойчивости грамматической терминологии, как в науке, так и в учебных пособиях (особенно в области синтаксиса), что передко приводит к недоразумениям.

Все эти условия являются причиной некоторого разнобоя, который царит в школьном преподавании грамматики. И в частности в рабфаковской практике назрела необходимость выпрямления грамматической линии и введения единой системы грамматики с общей терминологией согласно тем или иным научным или научно-популярным пособиям. Система того же Пешковского—в упрощенном виде, не доводящая формального понимания грамматики до спорных крайностей, может быть хорошим основанием для этой насущной работы.

III.

С изучением грамматики, больше всего в ее синтаксической части, связаны уже и выработка литературного стиля и развитие речи. На Рабфаке эта часть преподавания русского языка особенно актуальна, так как поступающие слушатели в слабой степени владеют литературным языком, и им приходится с особенным старанием постепенно овладевать своеобразным, сравнительно с народным, словарем и сложными синтаксическими оборотами этого, в некоторых отношениях чуждого для них языка. Конечно, на уроках других предметов бессознательно

ведется работа по внедрению литературной речи, но тем более понятно это относится к нашему предмету.

Однако вряд ли целесообразно и даже возможно требовать от отдельных студентов полного перехода к литературному языку: элементы народной языковой стихии, ассимилировавшись с ним, все же будут давать себя чувствовать,—и это вполне естественно, так как приобщение к культурному слою общества в широком масштабе представителей иных классов должно постепенно вести к еще большей демократизации литературной речи и значительному ее освежению в этом смысле.

В методической литературе в последнее время выдвинулся вопрос о грамматико-стилистических упражнениях (работа над отдельными фразами с разного рода заменами и перестановкой слов, нарочитое употребление тех или иных синтаксических форм и т. п.), которым придается особенно важное значение в деле овладевания техникой речи см. А. Б. Шапиро «Работа над техникой речи учащихся взрослых». «Родн. язык в школе» кн. 4—5. М. 24 г.). Учитывая важность их для искоренения некоторых неправильностей речи, в частности письменной,—все же не следует преувеличивать их значение: усвоение литературного словаря и оборотов едва ли не в большей мере достигается полубессознательными навыками путем живого или книжного ознакомления с литературной речью и всякого рода письменными работами, не имеющими характера специальных стилистических упражнений над отдельной фразой. Это, повидимому, сознает и автор упомянутой выше статьи, который и заканчивает ее следующими важными оговорками: «Но совершенно ясно, что одним этим способом цели достигнуть нельзя: необходимо, чтобы и все окружающее учащегося и сам он, как интеллектуальное существо, были достаточно насыщены теми элементами культурности, выражением которой является в каждую эпоху литературный язык. В частности, необходимо, чтобы учащиеся как можно больше слушали литературной речи и читали литературные произведения всякого рода» (кн. 5, стр. 28).

Таким образом, мы неизбежно подходим в вопросе о развитии речи к чтению и проработке литературных материалов. Как уже отмечалось в начале, прохождение их в историко-литературном курсе, столь культивирующееся в прежней школе, самоочевидностью оказывается непригодным на Рабфаке. Это ясно и точно отмечено в об'яснительных замечаниях к списку литературных произведений (программа Рабфака на 1924/25 год). Автор «Замечаний», учитывая и громоздкость задач истории литературы и специальный уклон Рабфака в связи с необходимостью научить студентов, поступающих нередко малограмотными, владеть языком,—приходит к вполне справедливым выводам: «опыт показал, что ни историко-литературная ни лингвистическая задачи удовлетворительно не разришались» (Прог. кн. 2, стр 37).

Но однако, лингвистическая значимость художественных произведений неоспорима. И если рабфаковец приходит с бедным словарем и языковыми оборотами, то большую пользу, хотя для него и незаметную, в деле обогащения того или другого, может оказать прежде всего худо-

жественная литература, т. к. художественная речь в отличие от др. видов (научная, публицистическая, разговорная) имеет особенную языковую установку: слово приобретает в ней индивидуально-яркую окраску и освобождается от той полустертости, с какой оно нередко выступает в практической речи. Поэтому не случайно, что обогащение литературного языка, вовлечение в него новых языковых стихий под влиянием тех или иных социальных сдвигов на протяжении истории направлялось, главным образом, через художественную литературу и через нее же закреплялось.

Отсюда, отказываясь от историко-литературного курса, мы не должны игнорировать крупные достижения художественной литературы, дабы ввести рабфаковцев в понимание наиболее ценных русских писателей; а заинтересовав и втянув в чтение, этим обогащать их языковой материал. Тем более, что различные языковые работы—пересказы, составление планов, выборка тех или иных синтактических и словарных групп, тезирование отдельных вопросов по литературе, доклады и т. д.,—производимые над художественными произведениями, с языковой точки зрения разнообразными и более богатыми, чем другие, могут еще более закреплять и расширять языковые навыки учащихся.

Но с другой стороны, отказ от историко-литературного курса допускает вводить для работы над речью, кроме художественных произведений, и целый ряд других образцов литературной речи—научно-популярных, публицистических, в частности, газетных, овладевание которыми имеет несомненный практический интерес.

Для увязки работы их можно или тематически связывать с проходимым литературным материалом (напр., при прохождении произведений Л. Толстого использовать статью В. И. Ленина об этом писателе) или же увязывать их с общественно-политической злободневностью (осторожно с точки зрения языка подбираемый газетный материал в связи с моментом).

Отмечу еще один вид языковых работ, особенно полезных на младшем курсе Рабфака—работа над заявлениями, удостоверениями, отчетами, протоколами и всякого рода деловыми бумагами, которых прежняя школа не знала, но практический характер Рабфака их с настойчивостью выдвигает.

IV.

Нам остается еще рассмотреть одну сторону преподавания русского языка, которая диктуется задачами данного предмета на Рабфаке—это поднятие общего культурного уровня студнтов на основе марксистского мировоззрения. Проблема эта, большая и серьезная, распыляется почти по всем предметам и особенно падает на общественные дисциплины. Анализ художественной литературы в контакте с этими предметами может оказать достижению последней задачи большое подспорье: умаление в данном отношении литературы совершенно нерационально. Если история классовой борьбы и политическая экономия логическим путем

знакомят студентов с общественностью и экономикой на протяжении истории, при этом схематично и в известной мере абстрактно—художественная литература дает возможность наглядно осмыслить историческое прошлое и настоящее в ярких образах. А известно, что нередко образная наглядность доступнее логического анализа. И так как познание жизни идет не только научным, но и художественным путем, мы ни в коем случае не должны им пренебрегать в деле поднятия культурного уровня студентов.

При этом, подходя к анализу литературы согласно указаниям марксистской методологии, мы, помимо фактического расширения кругозора, неизбежно будем внедрять диалектико-материалистическое мировоззерцание в сознание пролетарского студенчества.

Если и держать курс прежде всего на произведения «критического характера» (Прог. кн., 2 стр. 39), то все же будем иметь в виду, что даже из самого реакционного (с точки зрения революционной современности) произведения, всегда следуют революционные выводы, когда мы подходим к его организму с марксистским пинцетом, т.-е. вскрываем его классовый характер на фоне определенного исторического момента и отделяем действительное историко-бытовое явление от суб'ективного восприятия писателем в зависимости от его групповой идеологии.

Для нашей задачи важно брать наиболее яркие произведения, отражающие в художественном преломлении главнейшие моменты историко-экономического процесса и современности, которые легче связать с «ходом вещей», являющимся предметом изучения других общественных наук, и классовую сущность которых легче выявить.

Подробный анализ литературных произведений на марксистской основе, конечно, задача, недоступная Рабфаку, да кроме того и ненужная, если мы учтем, что специальная историко-литературная установка на Рабфаке не имеет места. Раз мы привлекаем литературу не для исторического изучения ее, а для языкового развития и поднятия общей культурности студентов и выработки революционного мировоззрения, то нужно считать вполне достаточным применение для литературных разборов популярной марксистской критики.

Для этого связываем проходимое произведение с определенным историческим моментом, подробнее изученном на уроках обществоведения; осмысляем его содержание путем обоснования социально-экономическим «фундаментом», и после конкретного разбора главных персонажей и бытовых черт, данных в произвекении, подводим их под социологические рубрики соответствующего времени. В виду неизбежного авторского суб'ектизма в изображении явлений жизни, дальше необходимо отметить «искажение» автором действительности в зависимости от его классовой или групповой идеологии, чем достигается критическое понимание художественной литературы и не допускается подход «наивного реалиста». Поэтому изучение художественных произведений увязывается не только с историческим моментом, но и с краткими вехами биографии писателя, влияющими на выработку его идеологии.

Конечно, в зависимости от курса или группы и общей успеваемости студентов об'ем критического разбора может расширяться или упрощаться.

Такова в кратком обзоре работа над русским языком, выдвигаемая особенностями Рабфака, по своим трем основным линиям—овладевание грамотностью, владение речью в широком смысле, поднятие общей культурности студентов. Только охватив все эти стороны предмета, студент, выходящий из Рабфака, сможет естественно и безболезненно приступить к работе на основном факультете,—разрешая этот вопрос, конечно, со стороны исключительно русского языка.

V.

(О литературном списке на 1924—1925 г.).

Говоря о преподавании русского языка, нельзя не коснуться списка литературных произведений, предложенного в последних программах Рабфака, с которым практически постоянно приходится иметь дело, тем более, что, как говорится в об'яснительных замечаниях, «список не является каталогом, из которого преподаватель может выбирать наиболее пригодные с его точки зрения образцы. В список включено такое количество произведений, которое может быть целиком проработано на соответствующих курсах» (Прог. кн. 2, стр. 39).

Соглашаясь с общим принципом составления списка, мотивированном в об'яснительных замечаниях, однако, для пользы дела необходимо отметить некоторые дефекты его, частью обнаруживаемые в самом списке, частью сказавшиеся в практической работе. К последним относится переоценка составителем современного книжного рынка, в виду чего указываются иногда весьма трудно находимые произведения,—причем даже в столице. Несомненно, в провинции это сказалось еще больше (напр. Фролов «Пробуждение», Неверов—«Кровать», Бунин—«Господин из С-Франциско», и некотор. др.).

Затем не всегда учтена языковая и тематическая удобопонятность отдельных произведений, главным образом, для I курса. Здесь нельзя не отметить такие рассказы, как Ляшко—«Железная тишина», «Голубиное дыхание», с трудом воспринимаемые еще неискушенной в литературе аудиторией.

В самом списке бросается в глаза не всегда удачная группировка произведений по разным отделам. Напр., в отделе «Пролетариат» для I к., стоит «Молодняк» Сейффулиной (?). Особоенно это заметно в литературе для II курса, где в отделе «литература эпохи распада помещичьего хозяйства, преобладания торгового капитала и начала революционного движения» помещены Тургенева—«Бурмистр», «Контора», «Льгов», хотя имеется специальный отдел «Литература эпохи крепостного права», куда и вставлены, подобные же в смысле тематическом и относящиеся к той же эпохе, произведения Некрасова, Салтыкова, Гончарова.

Чувствуется нечеткость деления. Об'ективнее было бы ориентироваться строже по хронологии.

В системе списка нельзя не заметить еще одного важного пробела. Дело в том, что во всем списке, кроме отрывков из «1905 года» Троцкого,—нет образцов критической, публицистической и др. видов речи. В виду установки программы не в историко-литературном направлении, а в сторону общего развития речи, следовало бы этот отдел значительно расширить.

Таковы эти некоторые недостатки нового литературного списка, в общем продуманного и систематического, вводящего, наконец, в рабфаковскую практику в отношении материала известную определенность и единство. Потребность в таком списке давно уже ощущалась.

В связи с этим твердым списком, для первого курса в частности, в виду наличия в нем мелких рассказов и отрывков, разбросанных по разным книгам, невольно напрашивается пожелание об издании соответствующей хрестоматии. С переходом на работу по Дальтон-плану нужда в такой хрестоматии чувствуется особенно настоятельно.

С. Соболев.

Математика на Рабфаке Т.С.Х. Академии.

I.

Четвертый год жизни Рабфака.

О ранних годах говорить нечего. Промелькнули они в сутолоке первоначального строительства, в заботах об общей организации дела и в выполнении нужд текущего дня.

Неважное методическое наследство осталось математикам от них: полное отсутствие учебных пособий да десяток разношерстных групп с разнообразным запасом знаний, полученных от разных преподавателей по-разному. Каждый преподаватель излагал то, что хотел и как хотел; общие планы и программы были необязательны, и с ними не все считались. Вот и все.

Некоторые группы 2-го и 3-го курсов по своей математической подготовке оказались настолько слабыми, что о нормальном обучении их не могло быть и речи.

Особо остро стоял вопрос с двумя (из четырех) группами III курса. Чтобы выполнить в главных частях программу Отдела Рабфаков, общий учебный план для них был негоден. Пришлось составить свой, особый план, по которому на математику отводилось для одной 12, для другой 13 часов в неделю.

Неправильности прошлой работы были очевидны. Ясны были и причины: отсутствие надлежащей систематичности в проработке материала и неравномерное распределение его по годам обучения.

Предметной Математической комиссии предстояло организовать в новом учебном году преподавание так, чтобы ни один из дефектов прошлого никак не мог повториться.

С начала 23—24 уч. года было произведено точное распределение всего подлежащего проработке материала по годам обучения с таким расчетом, чтобы все курсы были нагружены работой равномерно, и ни одна группа III курса более не нуждалась бы в особом против нормы, увеличении числа часов. Это распределение оказалось близко подходящим к официальной программе 24 года.

Далее была поднята мысль об организации математического кабинета.

Потребность в переходе хотя бы иногда, в особых случаях к лабораторным работам была настолько назревшей, что казалось, никакого промедления в этом вопросе быть не должно, но тем не менее осуществить эту мысль было чрезвычайно трудно: не было ни комнаты для кабинета, ни денег для покупки необходимых пособий.

Первый классный циркуль для математиков был сделан одним из студентов Рабфака из ножки поломанного штатива его собственного фотографического аппарата.

Месяца два работали с ним, пока не получили немного денег.

Заготовили классные циркули, линейки, наугольники, транспортиры. На большее нехватило денег.

Классные доски, наскоро сколоченные из дюймового теса, рассохшиеся, все в щелях, кое-как покрашенные; тесовые со скрипом скамейки и узенькие столы—вот и все оборудование.

При столь скудном оборудовании, само собою, особо остро вставал вопрос о приемах и методах преподавания.

Во что бы то ни стало надо было поставить работу так, чтобы активность студенчества в аудиторной обстановке была доведена до максимума. Пассивных наблюдателей, с тоской и скукой смотрящих на работу товарищей у классной доски, не должно быть.

Но как с пустыми руками вовлечь всех в работу?

Очевидно, единственный выход — личные качества преподавателей.

Особое умение вовлечь всех в работу, заинтересовать ею, живость и такт—вот все, на чем можно было строить расчеты на успех.

Путем огромного напряжения сил, тщательных подготовок к занятиям, совместных бесед на темы, когда, как и что делать,—нашим математикам за год удалось сделать чрезвычайно много.

Работа клеилась. Скучающих на уроках не было. Уроки математики захватывали всех.

Намеченные программы для каждого курса, за очень малым исключением, были выполнены целиком.

Из отдельных приемов, способствовавших оживлению работы, можно отметить: 1) подбор задач по возможности из близких студенчеству и интересующих их областей—сельского хозяйства, техники и обществоведения; 2) доклады студентов на определенные темы с соответствующими дискуссиями и 3) беседы на темы философии и истории математики.

II.

Следующий год—пятый—в жизни Рабфака ознаменовался с самого начала отпуском денег на оборудование особой аудитории специально для преподавания математики.

В связи с изданием новой программы—24 года, определенно в обязательной форме, выдвигался на видное место лабораторно-исследовательский метод.

При наличии денег на оборудование математической лаборатории необходимой мебелью и материалами потребовалось лишь несколько дней.

Теперь можно было на всех курсах проводить лабораторные работы в полном об'еме, согласно новым программам.

Осторожно подходили к этим работам преподаватели. Совещались в комиссии со студентами, одни без студентов, знакомились с достижениями в этом направлении Рабфака МИПС и других, обдумывали все мелочи.

Лабораторные работы для первого курса не возбуждали сомнений; для второго—остановились на лабораторном изучении график функций первой и второй степени с двумя переменными.

Работа закипела. Заинтересовала всех.

Лабораторные работы быстро вросли в общую систему преподавания. Случайные пропуски их сейчас же отмечались.

Математическая лаборатория сделалась любимым местом занятий всех групп, но она одна, групп же 13, так что на группу приходилось работать в ней в неделю не более одного раза.

Если в иную неделю какой-либо из групп удавалось проработать в ней лишний урок, в других группах шел ропот: «почему это им дали лишний час в лаборатории, а нам нет...» и искали причины: «нет ли пристрастия завлабораторией к этой группе»...

Хотя все время действия лаборатории делилось между всеми группами и делилось самой учебной частью, все же не терпелось—хотелось еще и еще поработать в лаборатории самим самостоятельно над тем или иным вопросом.

В течение осеннего семестра (почти с начала его) функционировал кружок любителей математики.

В этом кружке под руководством преподавателя составлялись и читались студентами рефераты на темы из истории математики, как-то: как научились люди считать; системы счислений с разными основани-

ями; счеты и цифры; происхождение геометрии, алгебры, тригонометрии и других отделов; биографии великих математиков.

Работали с жаром. Интерес проявляли огромный. Интерес к исторической перспективе быстро вкоренился и в обычных классных занятиях.

Всякий вновь затрагиваемый вопрос математики стал обязательно сопровождаться распросами: а когда он возник? Что побудило выдвинуть его? Кто разрабатывал его? и т. д.

В весеннем семестре на кружковую работу по математике не стало хватать времени.

Были введены вечерние самостоятельные занятия на I и II курсах в духе Дальтон-плана.

Из 8-недельных часов для обычных аудиторных и лабораторных занятий осталось 6 часов.

Для самостоятельных занятий было отведено по 12 часов для каждого курса в неделю.

Распорядок вечерних работ—обычный для них: дежурит преподаватель; приходят заниматься только желающие, получают книги и др. пособия; работают в большинстве в одиночку, иногда малыми группами; в трудных местах идут за помощью к преподавателю.

Задания со всеми необходимыми об'яснениями даются заранее на утренних часах.

По выполнении ведется заключительная беседа.

Выполнение заданий отмечается в особых ведомостях особо по отношению к каждому из студентов.

Заинтересованность и темп работы зависят от задания. Составлено задание ясно, с учетом полученных знаний и нормального, систематического движения вперед—выполнение его идет быстро, с интересом.

Каждая методическая ошибка сразу дает о себе знать задержкой выполнения и потоком разных вопросов и недоумений.

«Задание»—сердце этих занятий. Оборудование лаборатории, количество учебников и прочих пособий—все это надо, но это мелочь. Хорошо составленное задание может включить в себя все необходимое для самостоятельного развития мысли и обойти всяческие дефекты оборудования, но составить его так, как надо, трудно.

У нас задания выполняются в письменной форме в особых тетрадях или на отдельных листах и передаются для окончательного просмотра студентами каждой группы своему преподавателю.

Примерно 90% заданий исполняется самостоятельно. Ошибки в каждой работе особенные.

Внимательный просмотр—чрезвычайно кропотливая, требующая огромного количества времени, работа.

Пропустить ошибку нельзя.—Случается, что пропущенная ошибка является причиной вкоренения неправильных навыков: «я так всегда делаю. Еще при выполнении такого-то задания, я сделал так, и преподаватель не поправил»...

О полученных результатах говорить не приходится—они те же, что и везде.

Нет студента, до сознания которого при этом приеме работы не доходило бы то, что прорабатывается.

Пусть иногда трудно, кропотливо и долго, но зато результаты учебы более прочны.

III.

Организация математического кабинета на нашем Рабфаке преследует следующие цели:

а) Каждый студент Рабфака мог бы найти в нем все необходимые учебники, таблицы, инструменты и материалы для разработки любого вопроса программы.

б) В кабинете должны быть все пособия, могущие так или иначе обратить внимание студентов на интересные вопросы в математике, в частности, на историю математики.

в) Собрать и изготовить все пособия, которые могут так или иначе облегчить работу преподавания.

г) Собрать всю ценную методическую литературу по вопросам преподавания математики для широкого ознакомления с ней всех преподавателей и следить за выходом всех новинок.

д) Следить и собирать все те новинки математической мысли вообще, которые, будучи доступны пониманию преподавателей Рабфака, могли бы держать их в курсе новых идей, в целях предоставить им возможность использовать из нового то, что можно, в своей преподавательской работе.

Многое из намеченного выполнено. Имеются все необходимые материалы для моделировки, имеются инструменты для них, измерительные приборы, инструменты для геодезических съемок, чертежные доски, чертежные принадлежности. Правда, все в ограниченном количестве.

Имеется библиотека в количестве 300 томов. Имеются самодельные приборы и пр., но еще неизмеримо больше надо выполнить.

Желание работать у преподавателей и у студентов огромное, запас сил колоссален—и, значит, успех обеспечен, только не сразу.

Сразу всего не сделаешь.

В частности, много внимания хотелось бы уделить составлению больших стенных таблиц с выводом важнейших математических формул и конспектов, в форме плакат, подлежащего проработке материала. Такие конспекты, кратко, но отчетливо написанные в духе тех самых способов и по той системе, которые имели место в аудиторной проработке, с четкими и понятными чертежами, чрезвычайно облегчают студентам повторную самостоятельную проработку и усвоение пройденного.

Однажды примененные, такие конспекты оказались до крайности нужными.

Отдельные большие листы на стенах лаборатории с чертежами и выводами важных теорем разнообразными способами (в различных

группах выводы одной и той же зависимости величин делаются зачастую по-разному) заинтерисовывают студентов своим разнообразием, показывают на разные пути подхода и, расширяя кругозор в методах рассуждений, возбуждают желание искать своих способов доказательства.

Желательны и листы, на которых четким крупным шрифтом (чтобы с любого места аудитории было видно) были бы написаны важнейшие математические определения, теоремы и проч.

Наличие таких листов с надлежащим текстом в аудиториях во все время прохождения соответствующих отделов математики не может не оставить своего следа на психике учащегося, не говоря уже о тех, у которых особо развита зрительная память.

Всякий педагог-рабфаковец знает, как трудно вырабатывать у учеников правильную речь и запас необходимых слов.

Все способы надо применить, чтобы скорее освобождать их от традиционного рабфаковского заявления: «понимаю, но передать не могу».

Очень трудно научить в три года рабфаковцев правильно говорить, еще труднее научить правильно употреблять математические термины.

Все, что можно сделать для облегчения этого, должно быть сделано. Одними из таких мероприятий являются стенные надписи, таблицы, конспекты.

Как лозунги вождей на стенах клубов, читален, разных зал врезаются в память каждого, так и эти надписи, продолжительное время находящиеся перед глазами, запоминаются, а вместе с тем язык обогащается новыми терминами и приучается правильно говорить.

К несчастью, на эту сторону методико-преподавания математики почти совсем не обращено внимания.

А надо бы.

IV.

В заключение хочется сказать несколько слов о программах по математике 24 года.

У нас есть опыт годичной, внимательной, коллективно-продуманной работы. Результат этой работы показал нам: программа загромождена мелочами.

На выработку существеннейших навыков: буквенного счета, решения и составления уравнений первой и второй степени, на решение геометрических и тригонометр. задач времени в нужном об'еме нехватает.

Задача Рабфака дать основные, но крепкие знания. К чему, например, при крайней скудости времени, тратить ряд часов на лабораторную проработку способов графического решения уравнений 3-й степени или вычерчивание графика функции $У = Sn^3x + Cos^3x$ и подобных?

А таких примеров в программе 24 года немало.

Программу, по нашему мнению, надо чистить и чистить основательно. В нее вложено много хороших мыслей, и она стоит того, чтобы потратить время на ее чистку.

А. Г. Кульман.

О постановке химии на Рабфаках.

То обстоятельство, что Рабфак—преддверие ВУЗ'а, должно придавать вполне специфический характер всей внутренней структуре его.

Вся учебно-методическая работа Рабфака должна быть теснейшим образом увязана с потребностями преподавания данного предмета в ВУЗ'е так, чтобы студент, переступающий порог между Рабфаком и ВУЗ'ом, отчетливо чувствовал логическую и идеологическую последовательность в его учебной работе по данной дисциплине, а не получал бы впечатления перескакивания через какую-то пропасть. Наша задача—уничтожить даже всякую возможность появления подобной пропасти. Это тем более важно для Рабфаков при ВТУЗ'ах, как, напр., наш при ТСХА.

В то же время, если присмотреться к общей структуре симбионтов—Рабфака и ВТУЗ'а—то окажется, что не все здесь благополучно. Одним из таких больных мест является постановка преподавания химии на Рабфаках при ВТУЗ'ах.

Если сопоставить постановку преподавания двух родственных дисциплин—физики и химии, то здесь обнаружатся глубокие отличия. Поскольку мы в физике видим тщательнейше разработанную методику, подробную, хорошо продуманную и разработанную программу, строгую пропорциональность между лабораторными, семинарскими и лекционными занятиями (программа по физике занимает 140 стр.), постольку по химии все это очень сжато и далеко не так отчетливо (программа по химии занимает 21 стр.). Поскольку физика блещет широтою охватываемых ею вопросов, глубиной и математичностью их концепции, постольку химия чрезмерно осторожна, не верит в силы студентов Рабфака. Так по физике на II курсе уже на 3-й месяц после начала студенты составляют формулы и уравнения калориметрические и дилатометрические и решают по ним quantum satis задач; по химии же благодаря скромному числу часов, отведенных на нее, вся формульная техника попадает почти на конец уч. года. Физики всю атомо-молекулярную теорию, даже кинетическую теорию газов успевают проработать в I семестре, химики же идут здесь с опозданием почти в 2 месяца. Физики в первые же занятия с завидной для химиков подробностью говорят об химической энергетике: програм. кн. V, стр. 39 и 40:

«Запасы тепловой энергии и их использование в топках. Теплотворная способность разных видов топлива. Использование солнечной энергии растениями. Калорийность различных видов пищи».

Химики довольно глухо говорят об этом в самом начале и уже больше к этому вопросу не возвращаются ни при горении, ни при углероде (нигде не затрагивая и вопроса о балансе энергии и крупнейших дифицитах ее в человеческом хозяйстве). Физики смело начинают электричество с электродинамики, не боятся студентам Рабфака говорить об электрической природе валентности, химия трусливо рекомендует основной закон химии—периодический—только «для успевающих». В результате на I курсе ВУЗ'а мы видим уверенную, сознательную и весьма продуктивную работу студента по физике с первых же шагов, а по химии же, наоборот, растерянность, беспомощность студента, и он лишь после колоссальных затрат времени и энергии к концу семестра, а то и учебного года, начинает лишь понемногу ориентироваться. А каково моральное состояние студента, результатом которого неизбежно является упадок интереса к предмету или еще хуже появляется отвращение к нему.

Среди причин такой глубокой невязки в преподавании химии на Рабфаке и ВТУЗ'е необходимо отметить две основных: 1) несомненный недостаток отводимых на химию часов и 2) некоторые дефекты в самой постановке преподавания химии на Рабфаке. Действительно, в истекшем уч. году из курса физики была выделена техническая механика в самостоятельный предмет с особыми для него часами, а на саму физику, кроме того, на **обоих** курсах отведено по **шесть** недельных часов. На химию же на II курсе было отведено у нас по 3 часа, а на III курсе 4 часа, т.-е. абсолютное число часов по химии выразилось в 200 часов против 350 по физике без технической механики и 470 час. с нею, в то же время, как химия, особенно на нашем Рабфаке, должна занимать одно из центральных мест. Вторая причина—некоторый (хотя и небольшой) сдвиг программы в сторону сообщения некоторых сведений фактического характера, которые, пожалуй, без особого ущерба можно было бы отнести к ВТУЗ'у. Это второстепенное обстоятельство, к сожалению, побуждает некоторых (правда, очень далеких от действительности) людей говорить даже о сокращении химии на Рабфаке вообще, совершенно упуская из виду, что такое хирургическое вмешательство сюда отнюдь не поспособствует сглаживанию пропасти между Рабфаком и ВТУЗ'ом, а усугубит ее.

Каким же требованиям должна удовлетворять химия на Рабочем Факультете?

В изучении всякой научной дисциплины мы различаем две стадии: стадию предварительной ориентировки в данной области, соответствующей интеллектуальной обработке студента, «настроить» так сказать его мозг для сознательного восприятия известных знаний, а затем уж, как надстройка, самое сообщение суммы фактических сведений, необходимых студенту для его практической деятельности в области избран-

ной им специальности (напр., общее земледелие—частное земледение, общая зоотехния,—частная зоотехния и пр.). И в прохождении химии, естественно, вырисовываются два этапа: курс пропедевтический и курс систематический. Но поскольку вопрос ясен и прост с предметами, и начинающимися и кончающимися во ВТУЗ'е (напр., земледелие, метеорология) или на Рабфаке (эк. география, литература), постольку с химией, как предметом, начинающимся в низинах Рабфака и кончающимся в вершинах ВТУЗ'а, необходима строжайшая увязка и обдуманность общей и для Рабфака и для ВТУЗ'а схемы. Как же респределяется прерогативы Рабфака и ВТУЗ'а в деле приобретения студентами основного химического образования? Это ВТУЗ даст студенту известный об'ем фактических сведений по химии. Задача же Рабфака—подготовить для этого наилучшим образом почву. Таким образом приобретение фактических сведений на Рабфаке—вопрос второстепенный. Первостепенным же является—тренировка мозга студента, приучить их и кон-

2-я группа выпускного курса. Занятия по химии.

кретному и абстрактному мышлению, научить молодого рабочего или крестьянина методам и навыкам интеллектуальной работы, научить его учиться, научить его научно мыслить. Здесь химия на Рабфаке должна, несомненно, занимать одно из первостепенных мест! Химия на Рабфаке должна получить характер «общей химии», подразумевая под этим основательное обще-химическое научное образование, которое даст возможность студенту во ВТУЗ'е быстро ориентироваться во всей его последующей работе и вполне научно прорабатывать и сознательно воспринимать знания, даваемые ВТУЗ'ом. Число вопросов, подлежащих рассмотрению на Рабфаке, должно быть строго нормировано и регламентировано. Фактические сведения сведены к минимуму: таковые должны приводиться лишь постольку, поскольку они являются обоснованием рассматриваемой законности, либо иллюстрируют ее. Здесь нельзя не

отметить соответствующих прекрасных достоинств книги М. М. Попова [1]). На Рабфаке студенты должны основательно овладеть, примерно, следующим:

Отчетливое знание стехиометрических газовых законов, закон Авогадро и все выводы из него, легко и безошибочно ориентироваться в вопросах валентности, структурности, хим. функциях важнейших классов неорганических соединений, отчетливое умение оперировать химической символикой и стехиометрией (по названию, % составу и молек. весу), написать формулу, сделать по ней расчеты; легко и безошибочно написать ур-ние реакции, подобрать индексы, коэффициенты, сделать расчет по ур-нию и весовые и об'емные для газов). Основательное знание периодического закона, умение пользоваться таблицей элементов, новейшие данные о строении материи (атом, электрон, валентность, периодический закон) и пр. Растворы, молярные, нормальные, осмотическое давление, закон Фарадея, теория электрической диссоциации.

Число лабораторных работ студентов на Рабфаке должно быть также нормировано. Самый подход к ним должен быть строго научно-исследовательский: студентов необходимо приучать с самого начала из полученых ими экспериментальных данных делать максимум ценных научных выводов и умозаключений путем анализа этих данных. Дальнейшее же экспериментирование должно вестись в плоскости подтверждения или корректирования сделанных ранее выводов и делать это на опытах, придуманных самими студентами, для чего необходимо отвести время и предоставить известные возможности. Работы же, делаемые по указке преподавателя, когда студенты за недостатком времени не успевают нацело их продумать и проработать, неизбежно ведут к бесцельной трате времени средств, с одной стороны, и приучают студентов к чисто механическому выполнению некоторых лабораторных манипуляций—с другой.

Таким, примерно, путем студент Рабфака должен быть приучен сознательно «химически мыслить», что и послужило бы ему залогом дальнейшей продуктивной работы в ВТУЗ'е без перебоев, связанных с переходом его из Рабфака.

Приведенная схема увязки является примерной и нуждается, конечно, в более детальной проработке.

В заключение необходимо высказать следующие положения:

1. Химия на нашем Рабфаке должна занимать бесспорно одно из первых мест.

2. Пора центрировать внимание специально на моменте перехода студента из Рабфака во ВТУЗ вообще. Химия является лишь одним из примеров того, насколько этот вопрос организационно еще не разрешен.

Это ВУЗ должен задавать тон Рабфаку, тогда как иногда случается, что в самом ВТУЗ'е преподавание какого-нибудь предмета, волей

[1]) М. М. Попов. Химия. Изд. „Знамя Рабфаковца" М. 1924 г.

неволей должно приспособливаться к наличному в данный момент уровню подготовки студентов по этому предмету, что совершенно ненормально, так как это понижает качество изучения предмета, что в свою очередь может отражаться и на понижении квалификации выпускаемых ВТУЗ'ом специалистов. ВТУЗ должен отчетливо ставить требования своему Рабфаку, Рабфак должен их четко выполнять. III курс Рабфака так мало должен отличаться от I курса ВТУЗ'а, чтобы студент из Рабфака переходил бы во ВТУЗ так же безболезненно, как это происходит при переходе его из курса на курс на самом Рабфаке. Организационно все это может разрешиться путем теснейшего контактирования по-предметно всей учебно-методической работы Рабфака с потребностями ВТУЗ'а, введя обоюдное представительство в предметные комиссии или даже созывая периодически совместные заседания этих комиссий Рабфака и ВУЗ'а по основным программным и методическим вопросам.

Н. Рындина.

Пути сближения математики с физикой.

При прохождении математики для поднятия интереса студентов к работе необходимо развить в них сознание возможности широкого применения математики, для этого необходимо занятия по математике ставить в полное соприкосновение с природой, техникой и экономикой. При таком подходе студенты заинтересуются не только тем, что они могут получить при помощи метода математики, но и самой теории ее.

Для этой цели весьма ценный, количественный материал может дать физика.

При изучении физики студент невольно через математику получает освещение того или иного вопроса, так что нерациональность совершенно раздельного прохождения этих предметов становится очевидной.

Та тесная связь, которая существует между отделами математики, должна охватить и физику, т.-е. вопросы нужно освещать с точки зрения обоих предметов, приводя математическую теорию в тесное соприкосновение с практикой физики.

Вопросы арифметики, изучающей числовые значения величин, геометрии, развивающей пространственное воображение и отчетливость мысли; алгебры—обобщенной арифметики, с ее центральным вопросом уравнений—все они являются вопросами, общими с физикой, поскольку последняя все свои выводы и положения обосновывает математикой, как методом. Эту связь нужно проводить отнюдь не из желания умалить значение строгой логичности математики, а из стремления освободить курс ее от весьма бессодержательных задач, зачастую именно маскирующих логическую сторону.

В задачах, взятых из области физики, математические отношения находятся в скрытом состоянии; нужно научить студентов извлекать математический элемент и, таким образом, рассматривать вопрос с обеих сторон.

1-я гр. III курса в физической лаборатории (выпускная).

Подбирать задачи нужно так, чтобы на них студенты приобретали навык в выполнении вычислений, чтобы на подбираемом материале обнаруживались математические взаимоотношения, чтобы материал выявил уменье студента владеть математическим методом. Преподаватель

математики при прохождении курса может использовать всякую возможность коснуться физики.

Так при измерении величин, развивая понятие о числе, как отношении измеряемой величины к принятой единице, можно строго использовать масштаб, обратить серьезное внимание на глазомерный отсчет и конкретное представление величин; производить сравнение мер рядом упражнений на определение отношений их и т. д.

Пользуясь тем, что в метрических мерах установлена связь между мерами веса и об'ема, можно решать задачи на определение удельного веса; а как упражнение на все действия с дробями, можно использовать задачи на соотношение между массой, об'емом и плотностью.

Здесь можно наметить целый ряд задач: 1) по весу и плотности определять об'ем, 2) по трем измерениям и плотности определять вес, 3) по весу и об'ему находить плотность и др. Преподаватели физики часто указывают на факты, что студенты не в состоянии быстро находить числовые значения выражений. Математики, начиная с отдела площадей, систематически развивают буквенную формулировку, уменье находить числовые значения формул при соблюдении закона однородности.

Отмечая в курсе математики красной нитью идею функциональной зависимости, преподаватель при освещении частного случая функциональной зависимости—учения о пропорциональности—естественно—касается пружинных весов, пропорциональности на рычагах, закона Бойля-Мариотта и проч.

Если возможно использовать средства физического кабинета, то при прохождении отдела об'емов тел является весьма продуктивным определение об'ема твердого тела на основании непропускаемости вещества или, напр., определение об'ема пирамиды помощью мензурки или взвешиванием сплошных моделей.

Обосновывая относительные числа на идее направления, преподаватель может использовать задачи на градусе тепла и холода, тягу и отталкивание на формулу на закон действия, противодействия и др.

При составлении уравнений весьма полезно применять формулу смешения.

$$X = \frac{m_1 x_1 + m_2 x_2 + \ldots\ldots + m_n x_n}{m_1 + m_2 + \ldots\ldots + m_n}$$

Для нахождения температуры смеси однородных жидкостей, для вычисления цены смеси, пробы сплава, температуры плавления смеси, удельной теплоты и др.

Сюда же можно отнести задачи калориметрические: на плавление, отвердевание и скрытую теплоту, парообразование.

Для широкого использования теоремы Пифагора можно решить ряд задач на нахождение равнодействующей двух сил, действующих

под прямым углом, а для полного исчерпывания правила параллелограмма решать задачи на применение тригонометрической формулы косинусов.

При исследовании уравнений необходимо заняться уравнением $y=1/x$, отражающим закон Бойля-Мариотта, а также уравнениями:

$$S=\frac{1}{2}gt^2 \text{ и } S=z_0t+\frac{1}{2}gt^2$$ с их графиками.

Здесь можно брать задачи на падение тел, на действие силы тяжести на тело, брошенного по горизонтальному направлению.

При проработке стереометрии весьма подходящим материалом являются вопросы отражения и преломления света; в своем же месте можно использовать и формулу сферического зеркала.

В связи с радиальным измерением углов к месту об'яснить и угловую линейную скорость, а при прохождении же отдела о пределах целесообразно ввести понятие о мгновенной скорости, как пределе средней скорости, и о мгновенном ускорении.

Подобно этому скорость рассматривать, как первую производную пути по времени; ускорение же, как вторую производную пути по времени.

Считая нецелесообразным перечислить все общие и смежные пункты двух дисциплин—математики и физики, я указываю лишь на большие возможности освещения материала для математики и пути плодотворного изучения ее для обоюдной пользы двух дисциплин с максимальной продуктивностью для рабочей аудитории.

Приходит время поставить математику на рельсы реалистического и конкретного изучения, оставив схоластический и абстрактный характер усвоения математики, которым сплошь проникнуты прежние учебники и задачники.

В краткой статье невозможно полностью разрешить проблему сращивания математики и физики; здесь возможно только указать пути сближения, принципы перехода, а также некоторый конкретный материал из физики.

Н. Властова.

Исследовательская работа студентов Рабфака в кабинете естествознания.

Кабинет естествознания на нашем Рабфаке был организован 2½ г. тому назад. До этого времени каждому из преподавателей биологии приходилось исключительно самому заботиться о всех мелочах, необходимых для его преподавания. В настоящее время кабинет сосредоточивает в себе основные учебные пособия и некоторые учебные и лабо-

раторные принадлежности, могущие обслуживать различные курсы биологии, преподаваемые на Рабфаке. Конечно организацию кабинета далеко нельзя еще считать законченной, поскольку не всегда была материальная возможность удовлетворять все требования преподаваемых предметов, но поскольку они были, благодаря работе кабинета, стало возможным, хотя бы в некоторой части курсов, ввести практические занятия, что, конечно, имеет большое педагогическое значение.

При начале работы кабинета от всех 13 групп Рабфака были выбраны по одному от каждой группы из числа товарищей, наиболее интересующихся естествознанием, 13 человек, прикрепленных к кабинету, на которых и была возложена неизбежная техническая работа по кабинету, как-то: несение дежурств, уборка, забота о живых растениях и животных, монтировка коллекций, черчение таблиц и диаграмм, а также и приготовление домашним способом некоторых приборов и наглядных пособий, починка мебели, аквариума и т. д. Такого рода организация дала нам возможность организовать кабинет при сравнительно небольшой денежной затрате. Результатом этой части работы студентов являются серии таблиц по различным отделам биологии, весьма недурно монтированные коллекции и некоторые самодельные приборы (как например ящик Гальтона для иллюстрации кривой изменчивости и ее связи с законом случайности), могущие служить и в дальнейшем наглядными пособиями при преподавании. Некоторые из этих таблиц и пособий демонстрировались на педагогической выставке при с'езде заведующих и представителей студенчества Рабфаков и потому особенно подробно говорить о них не приходится.

По идее организатора и Заведующего кабинетом В. М. Арциховского, кроме своей роли, как базы наглядных пособий и лабораторных принадлежностей, кабинет должен был также служить лабораторией, где бы студенты Рабфака, наиболее интересующиеся биологией, могли заниматься и самостоятельной исследовательской работой. С этой целью каждый из прикрепленных к кабинету, кроме технической работы по кабинету, мог взять тему для проведения небольшого самостоятельного исследования. Такую же тему мог взять любой студент и не из числа прикрепленных, если у него были на то интерес и желание.

О педагогическом значении исследовательского метода в естествознании говорить не приходится, настолько уже много о нем говорилось и писалось в нашей методической литературе за последнее время; прибавлю только, что если необходимо признать целесообразным его применение вообще в школе, то тем более необходимо признать его целесообразность на Рабфаке, где учащиеся уже люди взрослые, имеющие житейский опыт и некоторый навык разбираться в окружающих явлениях. Небольшой опыт, производимый студентом Рабфака над неисследованным или мало еще исследованным об'ектом, а тем более целый ряд таких опытов, связанных между собой общей идеей, производимых хотя бы и разными лицами, но под наблюдением одного и того же руководителя, может иметь и научное значение, как предварительное, ориен-

тировочное исследование какого-либо вопроса. Вот о подобного рода работах, произведенных студентами в нашем кабинете под руководством В. М. Арциховского и моим, я и хотела рассказать несколько подробнее.

Работа 1-я. Уменьшение периода зимнего покоя у растений действием теплой ванны (по Молишу). В нашем климате растения могут переносить холодную и суровую зиму лишь благодаря целому ряду специальных приспособлений, к числу таких приспособлений относится также и зимний период покоя, т.-е. то состояние оцепенения, которое делает невозможным развитие почек раньше известного срока, несмотря на значительное иногда повышение температуры. Этот период покоя очень различен для разных растений и у многих растений нашего климата кончается гораздо раньше наступления весны и времени их нормального развития, так что очень многие из наших древесных растений, будучи принесены в теплую комнату, через 5—6 дней распускают уже свои почки. Если же период покоя для растения еще не закончился, то проходит обычно довольно долгий срок, прежде чем начнется их развитие в теплой комнате.

Возможность искусственно сократить период покоя и заставить растение развиваться раньше срока может иметь иногда большое значение для садовника, и потому вопрос этот давно интересовал как ученых, так и практиков-садоводов. За последнее время было указано несколько способов ускоренной выгонки растений, из которых особенно интересен по своей простоте способ Молиша—действие теплой ванны. Описание этого способа, так же, как и результаты наиболее интересных из его опытов, можно найти в популярной книге: Ганс Молиш, Биологические очерки, пер. Голенкина. Госиздат 1923 г.

Исследование действия теплой ванны на некоторые из наших растений было произведено по моему заданию студентками Бодровой и Ипполитовой. Работа эта велась довольно поздно, в январе и в феврале, когда уже часть древесных растений была способна и без теплой ванны распускать свои почки после сравнительно недолгого пребывания в комнате, поэтому собственно задачей нашего исследования было не наблюдение того, как может теплая ванна вызвать развитие почек, находящихся в периоде зимнего сна растения, а просто—не может ли теплая ванна несколько ускорить развитие почек растения в периоде, близком уже к моменту распускания.

Для первого опыта, произведенного студенткой Бодровой 5/1, были взяты следующие растения: ольха, орешник, лиственница, сирень, бузина свидина (Cornus sanquinica L) и акация. Ванна производилась в течение 6 часов, температура ванны колебалась в пределах от 39—42° С. Для контроля были одновременно поставлены в воду ветви тех же растений, не подвергавшихся действию ванны. В результате оказалось, что на растения, у которых период покоя был в то время уже, повидимому, закончен, т. к. они довольно скоро распускали свои почки и без всякой ванны, теплая ванна не только не оказывала ускоренного действия, но наоборот, действовала угнетающим образом. Так, например, мужские се-

режки орешника, не подвергавшиеся действию теплой ванны, на 6 день уже совершенно раскрылись, и пыльца сыпалась в изобилии, тогда как сережки, подвергавшиеся 6-часовой ванне, хотя и раскрывались тоже на 6-й день, но пыльцы в них еще не было. Еще через 3—4 дня пыльца все-таки начинает высыпаться, хотя и в меньшем, чем нормально, количестве; такое же угнетающее действие оказала ванна на ольху (мужские сережки), сирень и бузину, безразличное—на листовые почки орешника и ольхи и на акацию. Положительное действие в смысле небольшого ускорения в развитии ванна оказала на лиственницу и свидину, т.-е. на те растения, которые без действия ванны могли распускать свои почки только после 3—4 недель стояния в комнате.

Проверочный опыт на эту же тему был сделан студенткой Ипполитовой 24 февраля. Задача ее была проверить, не об'ясняется ли угне-

Биологическая лаборатория.

тающее действие теплой ванны слишком высокой температурой ее или слишком большой продолжительностью. С этой целью была сделана ванна всего в 30° С, и для опыта было взято значительное количество веток одного и того же растения, которые вынимались из ванны постепенно: через 1 час, через 2 часа и через 4 часа. Растения были взяты заведомо из поздно распускающихся:—дуб, липа, а одновременно с ними орешник с мужскими соцветиями, как растение с заведомо окончившимся уже периодом покоя и притом такое, на котором в предшествовавшем опыте действие теплой ванны сказалось наиболее заметно. В результате на мужские почки орешника теплая ванна в 30° С, даже если она продолжалась всего 1 час, все-таки действовала угнетающе и вызывала некоторую задержку в развитии пыльцы. На женские почки орешника и листовые почки липы и орешника действие теплой ванны, даже 4-часовой, заметно не проявилось. Липа начала распускаться через 5 дней (1 марта). Разницы в развитии веток липы, подвергавшихся действию ванны и не подвергавшихся ей, выходящей

за пределы индивидуальных уклонений, нами не наблюдалось. На листовые почки дуба 1-и-2-часовая ванна не оказала никакого действия: все порции ветвей распустились только 17 марта, т.-е. через 21 день. 4-часовая ванна дала некоторый результат, но ускорение это было очень незначительно и мало выходило за пределы индивидуальных колебаний.

Очевидно, для достижения заметного действия ванны надо было испробовать и большую продолжительность и более высокую температуру ванны, но опыты эти пока нами сделаны не были. Ускорение в развитии после действия теплой ванны об'ясняется одновременным действием теплоты и влажности. По Молишу здесь происходит разбухание клеточной оболочки, плазмы и ядра клетки, повышение в ней осмотического давления и ускорение тех ферментативных процессов внутри растения, которые непременно предшествуют раскрыванию почек. Если же эти процессы в растении уже вполне завершились и растение и без того способно быстро распускаться, то теплая ванна уже действует угнетающим образом, вероятно, вследствие того, что затрудняется приток кислорода к почкам, у которых, при нормальном их распускании, должно происходить особенно энергичное поглощение кислорода и выделение углекислоты.

Работа 2-я. Наблюдение над постепенным пробуждением от периода зимнего покоя различных древесных растений (работа студ. Журавлева по заданию В. М. Арциховского). В полной мере работа эта была проведена над двумя видами кустарниковых ив. (Salix acuminata Ehrh и S. triandra Z. var. discolor koch).

Ветви срезались приблизительно каждый месяц и ставились в бутылки с водой (3 параллельные порции) на окне в кабинете. Температура, при которой шел опыт, записывалась все время (особенных скачков не было, держалась все время 10—12° С и очень редко 15° С). Результат этой работы представлен на следующей таблице:

Ветви срезаны	Первое появление корней	Начало раскрывания лист. почек	Появление бараш.
13 ноября.	через 16 дней	через 34 дня	не было
11 декабря	через 19 дней	через 23 дня	через 22 дня
29 января.	через 11 дней	через 11-12 дней	через 11 дней
27 февраля	через 11 дней	через 11 дней	через 11 дней
13 ноября	через 21 день	не было за веткой было прослежено с 30 янв.	не было
11 декабря	через 35 дней	через 16 дней	через 29 дней
29 декабря	через 11 дней	через 15-16 дн.	через 13 дней
27 февраля	через 11 дней	через 13 дней	через 10 дней

Очевидно, что в ноябре и декабре обе ивы находятся еще в периоде зимнего покоя, который постепенно сходит на-нет, а в конце января уже этот период покоя закончен и в течение февраля дальнейшего движения в этом направлении не замечается.

Листовые почки в течение зимы, повидимому, постепенно подготовляются к развитию; несмотря на абсолютный видимый покой, внутри растения идет определенная химическая работа (может быть связанная в то же время и с какими-либо гистологическими изменениями в клетках), направленная к тому, чтобы окончательно подготовить распускание. Жизнедеятельность же корнеобразующей ткани просто в зимнее время сильно понижается, снова повышаясь к весне. При этом можно предположить, что химические процессы, подготовляющие момент пробуждения от периода покоя, неизбежно связаны с действием низкой температуры, так как ветви ивы, постоявшие в комнате, начиная с ноября, так и не распустили листовых почек и не образовали барашков, вплоть до 30 января, несмотря на то, что корни были сильно развиты, и вообще незаметно было, чтоб она засыхала. Ветви же, взятые в декабре, уже в это время были в полном развитии, т.-е. покрыты листьями, цвели и образовывали боковые ветви.

В связи с этим уместно будет упомянуть и об одном случайном наблюдении, сделанном нами над пузырчаткой. В конце октября нами была найдена в маленьком пруду одна зимующая почка пузырчатки, не успевшая опуститься на дно. Почка эта была принесена в кабинет и зимовала в аквариуме кабинета.

Студентом Бологовым в первых числах апреля было найдено в другом таком же пруду довольно много таких же почек, по виду ничем не отличавшихся от первой. Эти почки, принесенные в комнату, начали очень быстро развиваться в аквариуме, тогда как почка, взятая осенью, до сих пор находится еще все в том же состоянии (9 мая). Вместе с тем работа Бодровой и Ипполитовой над действием теплой ванны и Журавлева над постепенным пробуждением от периода покоя дала нам возможность сделать и некоторые наблюдения над способностью наших древесных растений образовать корни на срезанных ветвях. Оказалось, что кроме двух видов ивы (Salix acuminata Ehrh и S triandra Z v discolor koch Z), корни не образовались ни у одного из исследованных нами растений, а именно: дуба, липы, бузины, сирени, свидины (Cornus Sanguinical), лиственницы, желтой акации, ольхи (Alnus glutcnofa gaerthu) и орешника (Coryllus avellanul).

Работа 3-я. Наблюдения над ростом растения водяной чумы подо льдом. Работа велась студентом Бологовым по заданию В. М. Арциховского. По плану работы было намечено проследить в течение зимы, как изменяется длина междоузлий во время зимовки растения подо льдом. С этой целью с осени отбирались веточки Helodea с междоузлиями одинаковой длины, связывались в пучки и на длинной нити опускались в пруд в определенном месте (зимой в прорубь). Ежемесячно производилась выемка пучков для наблюдения за изменением длины междо-

узлий. Опыт был проведен до февраля месяца, когда он прервался, благодаря тому, что мы нашли в один прекрасный день наши пучки вынутыми из проруби и валявшимися на льду. До февраля можно было заметить постепенное удлинение междоузлий. Вторично навязать новые пучки в том же месте нам не удалось, а пучки, навязанные в другом месте того же пруда, удлинения междоузлий не дали, так как, повидимому, к этому времени в небольшом пруду наблюдалось отсутствие кислорода и накопление сероводорода: по крайней мере вода сильно им пахла, и водяные растения были покрыты темным налетом сернистого железа.

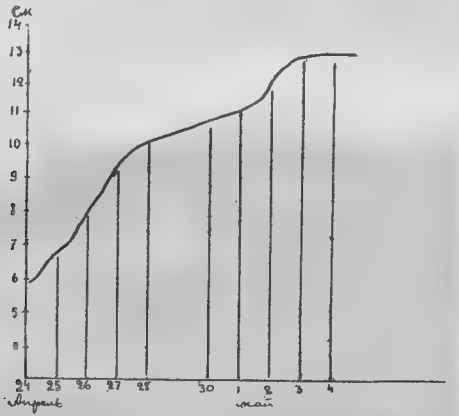
Наблюдения над пробуждением от периода покоя и зимним ростом дико растущих растений нашего климата могут иметь не только чисто теоретическое, но также и некоторое практическое значение. Ведь большинство наших культурных растений мало приспособлено к нашему климату, и потому изучение различных приспособлний к перенесению зимы у растений, к этому климату, приспособившихся наиболее совершенно, может указать нам, в каких направлениях желательно было бы усовершенствовать сорта наших культурных растений. Для садоводов же и огородников ускорение развития некоторых растений может иметь очень большое практическое значение.

Работа 4-я. Наблюдение над образованием хлорофилла в картофельных клубнях на свету и над скоростью прорастания различных сортов картофеля. Работа велась студентом Соловьевым по заданию В. М. Арциховского. Были испытаны 3 сорта картофеля, взятые с кореневской картофельн. селекционной опытн. станции: «Снежинка», «Ранняя роза» и «Розовый из Милетт». Опыт был начат 9 декабря. По нескольку картофелин каждого сорта были помещены одновременно на свету и в темноте. У картофелин, помещенных на свету, были нанесены черные полосы густым слоем, легко смываемой акварельной краской. Ясное позеленение картофелины наблюдалось у «Снежинки» через 18 дней (27 декабря), у двух других сортов (оба розового цвета) зеленение появилось значительно позднее.

Интересно отметить, что под слоем черной краски также произошло позеленение, хотя менее резкое, что об'ясняется диффузным отражением света от внутренних стенок картофелины.

Работа 5-я. Наблюдение над ростом цветочной стрелки «Мать и мачихи» (Gussilago Farfara L), работа студента Журавлева по заданию В. М. Арциховского. По классическим исследованиям Сакса, при росте какого-либо органа в длину всегда наблюдается так называемый «большой период роста», когда рост проявляется особенно энергично, затем увеличение органа в длину постепенно, или даже совсем сходит на-нет. В позднейшее время (1904 г.) японским исследователем Минаке у цветочной стрелки одуванчика было найдено 2 больших периода роста, разделенных периодом замедленного роста, причем первый из них предшествует моменту цветения, а второй моменту созревания плодов. По предположению В. М. Арциховского у цветочной стрелки

«Мать и мачихи» тоже могло быть два таких периода роста, которые, действительно, и удалось наблюдать Журавлеву. За недостатком времени, я не могла произвести более тщательной обработки только что переданного мне Журавлевым материала, но характер кривой, изображающей изменение роста цветочной стрелки «Мать и мачихи», будет следующий:



где на оси абсцисс откладывается время развития, а на оси ординат соответствующая величина цветочной стрелки в см. Кривая наглядно показывает, что для цветочной стрелки «Мать и мачихи» также существует 2 периода роста.

Кроме описанных выше работ, в кабинете было произведено еще несколько работ, как, напр., изучение кривой изменчивости листьев у липы, наблюдение за весенним плачем некоторых растений, наблюдение за результатом кольцевых вырезок у ив и др. Некоторые из них представляют существенный интерес, но за недостатком времени материал этот еще не мог быть обработан.

СТУДЕНЧЕСТВО ОБ УЧЕБНОЙ РАБОТЕ.

М. Землянов.
от 3 гр. I курса.

3-я группа I курса.

О Дальтон-плане на I курсе по русскому языку.

Сравнивая учебу до и после введения Дальтон-плана, можно заметить, что с введением его уровень знаний стал повышаться. Тем, которые отставали, которым мало было времени при классных занятиях, чтобы понять и разобраться, Дальтон-план знательно помог. Они, самостоятельно прочитав несколько раз, уже сами начинают разбираться в том или другом произведении. Сразу можно было заметить повышение активности групп. Если до этого в прениях участвовало 25% всей группы, то после введения Дальтон-плана и в особенности к концу года повысилось до 85%. Я не буду говорить о том, что все это нелегко досталось студентам, времени подчас и нехватало для выполнения заданий, и приходилось заниматься дома; но факты налицо, что студенчество двинулось вперед.

Все, что с моей стороны желательно было бы, это:

1) Устраивать конференции, уделяя этому 1—2 часа для того, чтобы всем притти к определенному выводу: ведь не все одинаково развиты и не

все могут сразу притти к правильному пониманию, а будут отклонения и пропуски несколько времени для окончательного разрешения.

2) Задания давать в небольшом размере, но еженедельно, исходя из того, что на первом курсе к разбору больших произведений не привыкли и если брать всю группу в целости, то 50% студ. мысль выведут неправильно, 25% с отклонениями и лишь 25% поймут правильно. А поэтому нужно нагружать помаленьку и постепенно к концу года, к переходу на II курс задания увеличивать и со второго курса уже работу пустить во весь ход.

Вот то, как приблизительно желательно было бы проводить занятия по русскому языку, применяясь к студентам I курса.

В. Петров.
от 2 гр. I курса.

Дальтон-план на I курсе по математике.

С 1 февраля 1925 года после долгих, горячих дискуссий группа перешла, т.-е. вернее, стала дополнительно к лекционным занятиям работать по Дальтон-плану, взяв за основу индивидуальную лабораторную проработку заданий. Первые работы носили экспериментальный характер и выявили целый ряд недочетов:

Недостаток учебных пособий, неприспособленность аудиторий под лаборатории, а также некоторая перегрузка студентов в выполнении заданий, в виду слабого еще учета преподавателями работоспособности отдельных студентов, и отсюда несогласованности заданий с реальной проходимостью и усвояемостью (были задания, проработка по которым для студентов была слишком трудна, т. к. предварительно сути технической проработки данного задания преподаватели не об'ясняли, говоря, что «додумайтесь сами, на то, мол, и Дальтон-план«), наконец, неприспособленность студентов к последовательной, индивидуальной проработке, неумение рационально поставить техническую проработку заданий.

И все же опыт показал, что, несмотря на все эти недочеты, первые работы прошли удовлетворительно, что самостоятельная проработка последовательная и углубленная по дальтоновскому методу дает реальные положительные результаты. В настоящее время работа над заданиями, благодаря некоторым принципиальным изменениям (как предварительная проработка на лекциях будущего задания), протекает нормально, систематично, те нарекания, которые наблюдались со сторны ребят по вопросу Дальтон-плана о перегруженности в заданиях, в настоящий момент изжились, и атмосфера занятий вполне нормальна.

Занятия по истории на I курсе Рабфака ТСХА.

От 1 группы I курса.

Предмет Истории классовой борьбы у нас в первой группе первого курса идет довольно удовлетворительно. Это об'ясняется тем, что преподаватель по Истории своим подходом сумел заинтересовать ребят. В начале учебного года многие из нас не имели представления о ходе развития классовой борьбы в обществе, а теперь, к концу учебного года, мы уже можем разбираться в общественных вопросах более правильно.

В начале года метод преподавания имел (он был смешанным) сравнительно небольшие успехи, это об'ясняется тем, что большинство ребят имело маленький багаж знаний по Истории. Часть же совсем не имела подготовки, а теперь дело подвинулось вперед. Необходимо отметить, что смешанный метод преподавания лучше подошел к слабым.

1-я группа I курса.

Прочитанные преподавателем лекции закреплялись беседой, а также на дом давались работы. Дома мы составляли тезисы, по которым один из ребят делал доклад в группе. Занятия в продолжение всего года проходили оживленно. Преподавателя слушали со вниманием, самые необходимые сведения записывались в тетрадь.

Так шло дело до введения Дальтон-плана. С введением Дальтон-плана дело пошло лучше прежнего. Получив необходимые конкретные указания преподавателя, лучше стали работать.

Мы научились владеть книгой. Научились так же кратко излагать свои мысли, как мы это понимаем. В этом главным образом выражается успех нашей группы по Истории. Мы научились понимать, что из себя

представляет марксистский метод изучения общества и что такое идеалистический (буржуазный).

Полученные нами знания сумеем передать другим и общими силами искоренить темноту и невежество, оставленные нам в наследство царским деспотизмом.

От группы оканчивающих Рабфак, комиссия студентов:
Чернавкин, Мазалова, Резник и Лепилов.

О преподавании химии на Рабфаке.

Программа по Химии, утвержденная ГУС'ом, основной целью преподавания Химии на Рабфаке ставит не столько сообщение формальных знаний по Химии, сколько развитие способности и умения работать.

Вытекающие из этого основные положения программы: а) развитие строгого логического мышления, б) самостоятельная творческая работа, как в области теории, так и практики, в) дать основное понятие физических и химических явлений в природе и сельском хозяйстве, г) ознакомление с элементарной техникой и методикой работ по Химии.

Такая постановка вопроса является наиболее целесообразной, наиболее жизненной. Конечно, если бы об'ективные условия, к которым в первую очередь следует отнести недостаток времени, позволили эти знания дополнить так назыв. формальными, то от этого дело только бы выиграло. Нельзя ведь отрицать то, что общее развитие человека без точных знаний является далеко недостаточным. В данном же случае теоретические знания также имеются в виду, но не играют доминирующей роли. Здесь необходимо сочетать и формальные знания и лабораторно-экспериментальные занятия таким образом, чтобы первое являлось необходимой предпосылкой второго, без чего нельзя приступить к практическим работам. И преподаватель, его творчество и умение должны притти на помощь в разрешении этой увязки, т.-е. достигнуть основной цели: научить студента работать, но вместе с тем и дать ему необходимые данные для этой работы.

К выводам, вытекающим из основной цели преподавания Химии на Рабфаке, следовало бы добавить: а) увязка, выявление связи теоретических выводов и законов с материалистическим мировоззрением, б) наиболее полное выявление роли и значения проходимого предмета в практической жизни. Первый вопрос является необходимым постольку, поскольку наша школа должна вообще готовить работников с определенным мировоззрением. Естественные же науки, к которым относится и Химия, наиболее наглядно и полно помогают понять законы материалистического мировоззрения.

Второй вопрос является необходимым, поскольку преподавателю приходится иметь дело с людьми, богатыми житейским опытом и практикой. Словом, всю житейскую мудрость, опыт надо связать с теорией.

Метод, положенный в основу преподавания, является эвристическим. Сущность этого метода состоит в том, что все преподавание строится на самодеятельности учащегося; студент во время занятий находится как бы в положении молодого исследователя. Все теоретические выводы, за исключением отвлеченных законов, получаются в результате непосредственных личных опытов и наблюдений.

Форма этого метода лабораторная. Нужно сказать, что в принципе, как против метода, так и его формы сказать ничего нельзя. Но жизнь постоянно во все планы вносит свои коррективы. Так и в данном случае. Поставить рабфаковца, начинающего изучать химию, в положение молодого исследователя нельзя: ничего из этого не выйдет. Конечно, все достижения в этом случае очень твердо остаются в сознании учащегося, но к сожалению эти достижения за недостатком времени и отсутствием предварительных знаний так незначительны, что здесь уместно будет сказать: «игра не стоит свеч». Здесь встает вопрос о наиболее целесообразном применении эвристического метода, положительные стороны которого до очевидности ясны. Во-первых, нужно сказать, что время для преподавания химии должно быть никак не меньше предусмотренного программой, т.-е. 12 семестровых часов. Причем время это следовало бы разбить на два срока таким образом, чтобы первый год учащийся получал, главным образом, знания теоретического характера, ничуть не отходя в принципе от эвристического метода: но ни в коем случае не следует ставить рабфаковца с первых шагов его знакомства с химией в положение молодого исследователя. Без предварительных, так называемых «формальных», а в действительности совершенно необходимых знаний, основная задача—развить способность и умение работать,—едва-ли будет выполнима. Вся работа первого года проходит в лаборатории, где в нужных случаях демонстрируются опыты, а также проводится подготовка к практической работе по химии, чисто технического характера (горелка при составлении простейших приборов и т. д.).Таким образом, в первый год будет заложен необходимый фундамент, на котором во втором году химия должна проходиться наиболее углубленно и тогда учащийся, действительно, может быть поставлен, в известном смысле, в положение самостоятельного работника. Только на втором году после соответствующей подготовки можно ставить вопрос так, как его ставит программа, т.-е. все теоретические выводы и практические результаты должны приобретаться в процессе личных опытов и наблюдений. Нам кажется, что начинающий изучать химию не может быть поставлен сразу же в положение молодого исследователя, и имеющийся опыт на III курсе 24—25 учебн. года это красноречиво подтверждает. В силу известных причин на том же курсе химию должны были пройти в один год. И несмотря на то, что программа соответственно была сокращена, все-таки прохождение и этой, сильно урезанной, программы оказалось

невозможным. Рабфаковцы, поставленные в положение «молодых исследователей» без необходимой теоретической подготовки, с экспериментально-лабораторной работой не справились. То же, что и преподавателем сообщалось из теории непосредственно перед занятиями или было недостаточно по об'ему, а если и достаточно, так этот материал, к сожалению, учащимися не успевал перерабатываться до степени годной к использованию при практических работах.

Словом, получаемый таким образом материал не создавал в мыслительном аппарате «молодых исследователей» необходимой предпосылки для самостоятельных работ, из которых должны быть сделаны теоретические выводы и т. п. На практике получалось то, что «исследователи», получив задание, не знают, с чего начать, и после долгих размышлений обращаются к преподавателю, у которого и получают указания, с чего начать и чем кончить. Очень часто с двухчасовых лабораторных работ по химии «исследователи» уходили, не представляя себе ясный смысл произведенной работы. В результате чего пришлось оставить этот метод и приступить к смешанному, дабы закончить хотя бы сильно сокращенную программу, причем последняя часть программы проходилась уже «галопом».

Выводы: в первую очередь нужно дать минимум знаний, а затем уже ставить рабфаковцев в условия работы, построенные, главным образом, на изысканиях, на самодеятельности самого учащегося, что не исключает эвристического метода и лабораторной его формы.

К этому нужно добавить, что после практических лабораторных занятий всей группой, должна производиться проработка теоретических выводов, сделанных самими студентами, где преподаватель, ознакомившись с работами, делает общий вывод о работах, указывая на недочеты, ошибки и т. д. Это заставит студентов не запускать проходимый материал, а вместе с этим покажет ему возможность разрешения одинаковых вопросов по-различному, будет развивать его навык к научному методу работы, будет значительно расширять его кругозор. Из этого вытекает и то, что каждый студент должен вести журнал практических работ, которые и кладутся в основу при подведении итогов проделанной работы.

Что касается программы, можно сказать, что она обнимает вполне круг знаний, необходимых для перехода в ВУЗ. Минусом является ее сокращение для 24—25 уч. года.

Сокращение коснулось следующих частей программы: 1) воздуха, 2) горения, 3) строения вещества, 4) кислот, 5) оснований и солей, 6) углерода, 7) серы, 8) азота и 9) галлоидов. Наиболее сильно коснулось это сокращение углерода, серы и азота.

Будем надеяться, что этот минус не отразится сильно на переходящих в ВУЗ, но вместе с этим опыт истекающего года должен предостеречь от повторения подобных ошибок в будущем.

В заключение следует сказать, что залог успешного прохождения химии, как и всякого др. предмета, лежит в строгой увязке программы

с методом преподавания, но вместе с этим и в создании условий, способствующих успешным занятиям. В этом году, в частности, ощущался недостаток учебников. Товарищеская атмосфера, атмосфера взаимного доверия и уважения между преподавателями и учащимися, подразумевается сама собой. Без этого нельзя себе представить никакой плодотворной, творческой работы.

Вид Академии.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ОТДЕЛ.

От бюро Ячейки РКП (б.) и Исполбюро ТСХА.

Наш привет.

Пролетарская революция потребовала от высшей школы подготовленных руководителей—помощников в промышленности и сельском хозяйстве. Перед Академией стала задача подготовки агро-работников для того, чтобы они работали не в помещичьих хозяйствах, а в хозяйстве рядового крестьянина. На такую работу способен только тот, кто из рабоче-крестьянских гущ. Состав студенчества тогдашней Петровской Академии был не из этих гущ. Он набирался десятками лет из недр дворянско-помещичьих.

Задачи, которые поставила Октябрьская революция перед тогдашней Петровской Академией, взволновали всех,—и учащихся и учащих. Никто, за малым исключением, не мог мысли допустить, что теперь в Академии придется учить рабочих, крестьян и их сынов. Учить тому, как мужицкое хозяйство преобразить и сделать производительным. Как это так? Да разве допустимо это? Да ведь науке дела нет до разных там

революций! Наука аполитична, для нее ценны только научные достижения! Да возможно ли, чтобы темные и неотесанные лапотники и «заводские лентяи» могли научно работать? Такой вой поднялся, когда революцией были выставлены новые задачи эпохи. Научные работники и студенты из дворянско-помещичьих недр,—все единым фронтом двинулись против.

Нужно было закрепиться новым людям хотя бы на одной небольшой позиции и оттуда постепенно наступать.

Такая позиция была найдена, когда Рабфак занял задворки Академии, подтянул рабочие и мужицкие силы, выстроил свои колонны не в пример организованнее и сплоченнее и повел наступательные действия.

Дело шло с трудом. Армия ученых и белого студенчества была велика. С пролетарско-крестьянским студенчеством были единицы из научных работников.

Колонны рабфаковцев крепли. Резервы подходили. Командный состав Рабфака улучшался и замечаются проблески побед, которые

На занятия.

быстро наносят полное поражение деморализованным колоннам белого студенчества. Рабфаковцы в стенах уже самой Академии.

С задворков переходят на место, которое подобает занимать Рабфаку. Проходят выпуски за выпусками, и каждый раз профессора говорят, что рабфаковцы способны учиться, учатся хорошо, любознательны, и в конце концов выводится классическая формула, определяющая рабфаковца: «Рабочие и крестьяне не только могут конкретно мыслить, но и на основе этого способны к широким научным обобщениям», произнесенная почетным рабфаковцем красным ректором тов. Вильямсом.

Вот путь. С задворков в стены Академии. С думами о молотке и сохе—к широким научным обобщениям. Без поддержки большинства научных работников—к полному сотрудничеству с ними в деловой обстановке. От дворянско-помещичьей Петровки к рабоче-крестьянской Тимирязевке.

Путь трудный, долгий, и как видите, проходился с боями. Кто помог?

Лучшая часть преподавательского состава Рабфака. Она знала и верила, что рабочий и крестьянин, коли умеет создавать материальные ценности под гнетом и кошмаром прошлого, то в свободной рабоче-крестьянской республике они способны создавать их во сто раз больше плюс и ценности научные.

Бюро ячейки РКП и Исполбюро Профсекций поздравляет Рабочий факультет с главными победами, одержанными за пять лет напряженной борьбы—учебы и высказывает свои надежды, что те руководители, которые теперь несут учебно-педагогическую и администра-

Приезд рабфаковцев, живущих в городе, на занятия.

тивную работу, не менее славно и быстро поведут Рабфак, готовя все больше и больше рабочих и крестьян для работы в лабораториях, на крестьянских полях и в советских земельных фабриках—совхозах, колхозах.

Привет и поздравление всем рабфаковцам, будущим работникам в социалистическом хозяйстве!

От Президиума Рабфака ТСХА и студенчества.

Уважаемым профессорам С.-Х. Акад. им. Тимирязева, принявшим участие в преподавании и организации Рабфака с 1920 года.

Демьянову Н. Я., Вильямс В. Р., Зернову С. А., Михельсону В. А. и Талиеву Е.

Рабфаковское студенчество отмечает вашу высокую заслугу в деле строительства Рабфака при Сельско-Хозяйственной Академии имени Тимирязева, и в связи с выпуском юбилейного журнала за 5 лет существования Рабфака, выражает вам свою искреннюю благодарность за проделанную совместно работу.

Рабфаковское студенчество считает вас в числе членов своей семьи и надеется, что вы свои знания также будете и в дальнейшем в стенах высшей школы отдавать этому же пролетарскому студенчеству.

Привет вам от президиума и всего рабфаковского студенчества ТСХА.

От имени президиума Рабфака ТСХА **Кувшинов.**

От имени студенчества **Зайцев.**

Президиуму и студентам Рабочего Факультета Тимирязевской Сельско-Хозяйственной Академии.

Я получил от вас привет по случаю пятилетия Рабфака. Прошу принять от меня искреннюю благодарность за память.

Я счастлив, что мне пришлось принять участие в деле получения пролетариатом высшего образования и этим, хотя бы и отчасти, остаться и на старости лет верным заветам своей юности.

Желаю рабфаковцам сохранить верность заветам их юности в полном масштабе на всю их долгую хорошую жизнь.

С лучшими пожеланиями.

Профессор **С. Зернов.**

В Президиум Рабфака ТСХА.

Прошу Президиум выразить студенчеству Рабфака мою благодарность за хорошее ко мне отношение и передать мое пожелание, чтобы семена знания, воспринятого ими в Академии, дали обильные всходы и дали возможность впоследствии товарищам-рабфаковцам плодотворно работать на процветание СССР и благо трудящихся. Я же и впредь все свои силы надеюсь отдавать преподаванию в ТСХА, где надеюсь встретить много наших рабфаковцев. Благодарю также президиум Рабфака.

Профессор **Н. Демьянов.**

Студентам Рабочего Факультета ТСХА Академии.

В ответ на ваше товарищеское приветствие по случаю пятилетия со времени начала организации Рабочего Факультета при Тимирязевской Сельско-Хозяйственной Академии, с своей стороны выражаю вам свое искреннее сочувствие и пожелание существенных успехов на поприще науки и ее практических применений в жизни. Я всегда высоко ценил то серьезное отношение к делу, то настойчивое стремление к знанию, к усвоению основ науки, которое проявляли студенты Рабочего Факультета. Я очень сожалею, что плохое состояние моего здоровья не позволило мне приложить больше времени и сил к организации преподавания физики на Рабочем Факультете Т.С.Х. Академии.

Профессор **Михельсон.**

ПРОТОКОЛ

торжественного заседания, посвященного 5-летию Рабфака ТСХА.

(от 23-го мая 1925 года).

Присутствовали: президиум Рабфака, преподаватели, студенты, представители профессуры Академии и др. организаций.

Заседание открывается председателем организационной комиссии студентом Богдановым, после чего избирается единогласно следующий президиум: Завед. Рабфаком Кувшинов, почетный студент Рабфака—профес. Вильямс, проф. Орлов, проф. Демьянов, секретарь ячейки РКП (б) Кузнецов, от Исполбюро Васильченко, от преподавателей Рабфака—Покровский А. М., Протопопов А. А., Чирков П. Н., от рабочих Акад. Янушевич и от студент.—Богданов, Столярова и Золотов.

Почетными членами президиума под общие аплодисменты утверждаются т.т. Луначарский, Крупская, Покровский, Рыков, Калинин, Сталин и Смирнов.

С первой отчетной речью выступает завед. Рабфаком тов. Кувшинов И. С., а затем с приветственным словом следующие товарищи, выдержки из речей которых приведены ниже: проф. Вильямс, проф. Демьянов, проф. Орлов, Савченко—крестьянин-выдвиженец от Наркомзема, Кузнецов, Васильченко, Кудрявцев от РЛКСМ. Преподаватели—Соболев, Кульман А. Г., Протопопов А. А., Покровский А. М. и студент—Шмыгов.

В заключение выступает представитель студенчества тов. Лепилов, выражавший заведующему Рабфаком тов. И. С. Кувшинову благодарность за успешную работу и наилучшее отношение к студенчеству и преподнесший т. Кувшинову в знак благодарности и признательности всего студенчества письменный прибор, со словами: **«бывшему рабфаковцу—орудие для борьбы на идеологическом поприще в высшей школе».**

Заседание закрывается заключительной речью тов. Кувшинова, подводящей итоги всем произнесенным речам и выражающей благодарность за участие в юбилейном заседании и за внимательное отношение к Рабочему Факультету и его годовщине. По окончании заседания посылается приветственная телеграмма завед. отделом Рабфака тов. Вихиреву И. В. и бывшему заведующему уч. части Рабфака Т. С. Х. А. А. А. Стольгане.

Речь ДЕМЬЯНОВА Н. Н., проф. Сельско-Хозяйственной Академии им. Тимирязева.

Товарищи, я не ожидал, что мне придется присутствовать на торжественном заседании. Правда, поводы к этому имеются и имеются два: первый повод—это, когда пять лет тому назад мы собрались, и товарищи просили меня принять участие в организации Рабфака. Несмотря на то, что я чувствовал отвращение к организац. работе, все-таки не решился отказаться потому, что я знал эту работу и роль, которую суждено сыграть Рабфаку в будущем.

Я стал вовлекать своих преподавателей химиков в эту работу, что позволило сосредоточить все больше и больше сил. Товарищи химики очень серьезно и умело принялись за преподавание на Рабфаке, что давало мне уверенность в том, что мы не повредим делу.

А другой заключается в следующем—приветствую тех студентов, которые прислали мне приветствие, считая меня членом своей семьи. Это меня очень тронуло и я не решился не присутствовать на заседании и не выразить рабфаковскому студенчеству свою благодарность. Здесь говорилось о том, что рабфаковское студенчество в настоящее время является способным. Я преподаю на высших курсах основных факультетов, я не желаю говорить вам комплименты, но должен сказать, что рабфаковское студенчество стоит на должной высоте.

Речь ректора Сельско-Хозяйственной Академии ВИЛЬЯМСА.

Приветствую Рабфак с 5-летним юбилеем. Я скажу, что выбор, который пал на меня—неудачен, я не умею говорить слова приветствия, но выскажу то, что произошло за 5 лет.

5 лет тому назад мне помнятся аудитории голодные и холодные. Мы собрались и решали, как нам устроить Рабфак, причем участники того совещания указывали на то, что крестьянская молодежь и рабочая молодежь привыкла мыслить конкретно, конкретным образом и к этим привычкам и должен Рабфак подойти. Я много спорил против этого положения. Вот теперь, когда прошло пять лет, я могу твердо сказать, что я был прав. Рабочие и крестьяне не только могут конкретно мыслить, но на основе этого способны к широким научным обобщениям.

Вот это я и считаю одним из высших достижений Рабфака, в особенности на нашем Рабфаке. Как иллюстрация к этому, я скажу: кто занимает место в Правлении Академии—бывший рабфаковец. Кто является наиболее активным студентом в Академии,—рабфаковец, все в один голос указывают на богатейшую способность рабфаковцев. Лучшая успеваемость принадлежит студенчеству Рабфака.

Вот с этим я прежде всего и хочу поздравить вас в этот торжественный день. Затем я должен отметить еще следующее: огромную часть огромного дела того успеха, который имел Рабфак в нашей школе, я должен приписать Кувшинову И. С. Благодаря его железной энергии, колоссальной неутомимостью ему удалось создать из ничего вполне оборудованный Рабочий Факультет. Рабфак в будущем году вступает в нормальное существование. В мое ректорство Рабфак зародился и стал таким, каким он существует в данный момент. Позвольте мне принести поздравление за то, что он сделал за 5 лет.

Речь члена коллегии Наркомзема САВЧЕНКО, крестьянина-выдвиженца.

Товарищи, я точно так же, как и тов. Вильямс, должен оговориться, что не умею говорить приветственные речи. Вы мне простите потому, что я за сохой не учился говорить, а вот на старости лет пришлось говорить—поэтому я и извиняюсь.

Прежде всего позвольте мне поздравить с великим днем пятилетия. Чтобы оценить, что проделали все товарищи, то нужно оглянуться несколько назад. У нас еще работа впереди. Задаем вопрос—что же еще надо нам сделать со стороны сельского хозяйства. А сельское хозяйство нашей страны стоит очень низко. Наш Рабфак создался после завоевания рабочими массами власти, после пролития крови. Для того, чтобы эти рабочие поняли, что должны делать, что нас ждет, пришлось приложить много сил. Мы знаем, товарищи, что мы встречали бешеный отпор не только буржуазии, но и бешеный отпор всех капиталистов. Мы знаем, товарищи, что промышленность и транспорт были разрушены. Если же мы вспомним разруху, когда голод задел города и деревни, и посмотрим все это, то мы увидим, что далеко уже шагнули вперед. Во-первых, двинулось наше хозяйство. И несмотря на неурожай, мы все же двинулись вперед. То было самое тяжелое время. Мы теперь добились, что 5-й выпуск выпускает 162 чел., достаточно подготовленных в высшую школу. Я должен отметить с большим удовлетворением, что те товарищи, которые остаются в этой Академии, станут красными командирами нашего красного сельского хозяйства, я приветствую их за то, что они пойдут с нами и помогут нам. Нам, товарищи, недостает красных руководителей сельского хозяйства. Мы не имеем агрономов, а нынешнее крестьянство считает их своими руководителями, учителями. И вот эти 162 человека, которые кончают эту школу, проучившись 3 года, очень и очень много смогут помочь крестьянству.

Поэтому, товарищи, я особенно с большим удовольствием приветствую вас и преподавателей с пятилетним юбилеем, и надеюсь, что новые агрономы будут лучшие красные руководители сельского хозяйства.

Речь КУЗНЕЦОВА, секретаря ячейки Р.К.П.(б.) ТСХА.

Сегодня исполнилось 5 лет со дня основания Рабфака. Это одно из достижений пролетариата в области науки.

Пять лет тому назад широко распахнулись двери для истинных пролетарских масс крестьян и рабочих. Невольно задаем себе вопрос, что же было раньше, что было до этого времени. Нельзя не знать о том, что наука не является аполитичной. Наука была и остается самым мощным орудием. Старые средние школы, гимназии, университеты были далеки от жизни, они боялись дать реальную жизнь, так, например, в них преподавали латинский язык и пр., это было негодное для нас. Правительство же требовало квалифицированных агрономов, инженеров. Только придя к власти, пролетариат поставил задачу сосредоточить в массе человечества все суммы технических знаний, зная, что при помощи этих знаний наши школы должны прежде всего готовить граждан, которые могли бы разбираться свободно во всех научных вопросах. Наука нужна пролетариату, наука нужна крестьянству. Вы, товарищи-рабфаковцы, пришли на учебу из пролетарских масс. Получив необходимые знания на Рабфаке, вы идете в ВУЗ, и вы дадите нам после его окончания верных пролетарских командиров—специалистов по народному хозяйству.

Торжественное заседание на юбилее 5-летия существования Рабфака.

Президиум юбилейного вечера.

Я. Анисимов.

Страничка из недавнего прошлого.

Окончание гражданской войны знаменовало начало мощного потока рабоче-крестьянской молодежи, стремящейся в стены высшей школы.

Осенью 1922 года этот поток достиг бывшей Петровской Сельско-Хозяйственной Академии; многие из нас (приема 1922 года), имеющие за спиной годы гражданской войны и революции, в период, когда уже самое трудное казалось позади, были крайне поражены тем обстоятельством, что здесь под Москвой, в Петровско-Разумовском, в стенах Сельско-Хозяйственной Академии на студенческих сходках идет спор о том: признать или не признать Октябрьскую революцию; принять или не принять новый Устав о высшей школе; быть или не быть высшей школе под руководством Наркомпроса?!

1-я группа II курса.

Так ставились вопросы на первом общем собрании студенчества в октябре 1922 года. Это болезненное образование, по условиям того времени, нельзя было лечить хирургическим путем; нужны были своеобразные «иодистые препараты». И нужно сказать, что к нашему счастью упорной двухлетней работой в стенах Академии этот «иодистый пре-

парат» для лечения застарелых болезненных образований был уже готов и оказался вполне доброкачественным в лице молодого, но уже крепкого, дисциплинированного Рабочего Факультета.

За руководство студенческими организациями и за право участия в Управлении Академии начались на общих собраниях студенчества упорные и страстные «бои», доходившие до рукопашных схваток.

Старые кадры студенчества в фуражках с зелеными околышами и группа истерически настроенных девиц на общих собраниях Академии чувствовали себя рыцарями «доброго старого времени», произносили горячие речи о поруганной свободе, независимости высшей школы, об охране науки и т. д. в кадетско-эсеровском духе.

Пролетарская часть студенчества основных курсов даже с приемом 1922 года составляла незначительную горсть в общей массе дворянско-буржуазного и поповского студенчества, брыжжущего желчью на революцию.

Нас было меньшинство. Нужен был Рабочий Факультет с его выдержкой, дисциплиной и опытным руководящим кадром, чтобы устоять против этой оголтелой стихии.

На одном из решающих общих собраний в октябре еще 1922 года, где проходили выборы Правления и Совета Академии, Предметных комиссий и других руководов Академических и студенческих организаций, победа рабоче-крестьянской частью студенчества была одержана.

Это был последний день старой Петровки, когда в последний раз уныло прозвучали псевдо-революционные народнические возгласы, бледно потонувшие в могучих аккордах «Интернационала».

С той поры общий облик и внутреннее содержание Академии быстро эволюционируют в советском направлении, и ныне мы имеем уже вместо быв. Петровской Академии—Тимирязевку.

Празднуя свой пятилетний юбилей, Рабочий Факультет ТСХА с честью может сказать, что в деле очистки бывшей Петровской Академии от исторического наноса в лице дворянско-буржуазно-поповского состава и превращения ее в Тимирязевскую крестьянско-рабочую Сельско-Хозяйственную Академию **он достаточно потрудился—и с пользой.**

Г. Косилов.

Воспоминание о 1921/1922 учебном годе.

Прежде чем перейти к изложению жизни и деятельности Рабфака за указанный период, необходимо хотя бы бегло остановиться на жизни и деятельности всей Петровско-Разумовской Академии.

Количество студентов основных курсов Академии насчитывалось около 12.000 чел., при чем на 90% это студенчество являлось

детьми помещиков, торговцев, крупных деревенских кулаков, попов и т. д. Отношение их к советской власти было самое враждебное.

Аналогичное отношение к советской власти было и у большинства профессуры, преподавателей и даже значительной части служащих. Все контр-революционное студенчество было организовано во всевозможные кружки, секции пр., где оно совершенно свободно, под флагом кружковой работы, проводило свои контр-революционные собрания, при чем в этих кружках принимали деятельное участие и многие профессора, хотя это делалось ими не совсем открыто.

Ком'ячейка по 1921 г. состояла из нескольких человек, почему и не могла оказывать какое-либо влияние на жизнь Академии. Рабфак приема 1920 г. также не составлял какой-либо политической единицы, т. к. значительная его часть оказалась совершенно чуждым элементом, т.-е. быв. реалисты, гимназисты, учителя и много другой разношерстной интеллигенции.

2-я группа II курса.

Антисоветский блок студенчества, профессуры и преподавателей вел самую бешеную борьбу против существования в Академии Рабфака, надеясь на то, что при их противодействии Рабфак не сумеет укрепиться и развиться. Надежды их на развал Рабфака не оправдались, а наоборот, прием 1921 года дал большой % пролетарского элемента, коммунистов и комсомольцев. Общеакадемическая партия и комсомольская организация несколько увеличились и окрепли, а также окрепла и усилилась работа в студкоме, в рабфаковском студкоме. Студком быстро сплотил рабфаковскую массу, и Рабфак стал не только значительной политической единицей, но и являлся серьезным политическим кличем. На все студенческие собрания, которые устраивались тогда 2—3 раза в неделю, Рабфак являлся организованным, занимая в аудитории определенное место с левой стороны, хотя это удавалось сравнительно редко, а больше приходилось стоять, т. к. контрреволюционное студенчество всякими путями старалось занять место раньше, а к тому

же оно не считало рабфаковцев студентами, почему и старалось не допускать рабфаковцев на общестуденческие собрания.

Вопрос о том, считать ли рабфаковцев студентами и давать ли им право голоса на общестуденческих собраниях, неоднократно контрреволюционное студенчество ставило на обсуждение общестуденческого собрания, где, конечно, выносились постановления, что рабфаковцы не есть студенты и поэтому не могут участвовать на общестуденческих собраниях. Но рабфаковцы на эти постановления мало обращали внимания или вернее и не думали обращать какое-либо внимание, а больше старались придти пораньше на собрания и занять соответствующие места, а уж там, если это бывало нужно, рабфаковцы свое дело делали блестяще, вплоть до срыва собраний и устройства скандалов. Например, когда ставились вопросы на общем собрании о создании комиссии по оказанию помощи контрреволюционерам, находящимся в Бутырке, или посылке депутации в высшие советские органы с протестом против ареста студентов, явно уличенных в контрреволюционной деятельности и т. п. Одним словом, на всех собраниях контрреволюционное студенчество старалось ставить вопросы, при обсуждении которых можно было бы возможно сильней лягнуть советскую власть и сделать вызов Рабфаку.

Не добившись желанных результатов в повседневной борьбе, контрреволюционный блок решил перейти в атаку на всех фронтах. Первая вылазка явилась в виде декларации из 36 пунктов, которая в печатном виде была расклеена на всех видных местах. Главное требование декларации было: полная автономия высшей школы, удаление Рабфака из Академии и требование освобождения контрреволюционного студенчества из-под ареста. Вторая вылазка—это массовое распространение прокламаций, где требовалось установление демократического строя вместо советского и удаление Рабфака из высшей школы. В дополнение ко всему этому усилился саботаж со стороны преподавателей Рабфака. Саботаж выражался в разных формах и видах, начиная от непосещения лекций и занятий преподавателями вплоть до диспутов на политические темы со студентами в часы занятий. По всему было видно, что эсеровскими организациями на работу в Петровско-Разумовской Академии было обращено очень большое внимание. Из всего сказанного можно установить, как и сколько времени оставалось у рабфаковцев для учебы. К тому же необходимо добавить, что у рабфаковца в то время не было ни одной определенной аудитории для занятий, а занимались там, где свободно или не заперто, а это бывало не так часто, благодаря чему неоднократно приходилось искать аудитории целыми днями и в результате оставаться в коридоре. Сильно отражалось на учебных занятиях также и отсутствие определенного плана и программы занятий, хотя эта работа, при наличии соответствующих работников в президиуме Рабфака, могла бы быть поставлена как следует. О материальных и жилищных условиях рабфаковцев того времени говорить много не придется, а скажу следующее: общежития у рабфаковцев тогда не было, приходилось жить—кто где мог. Живущим в Москве приходилось хо-

дить пешком, а живущим в Академии приходилось ютиться в самых плохих помещениях, ибо лучшие были заняты студентами основных курсов. Частные домохозяева к рабфаковцам относились самым отрицательным образом, и когда узнавали, что это рабфаковец, то не пускали к себе в квартиру. Несмотря на все трудности, рабфаковцы упорно продолжали вести борьбу за «равноправие» и к концу учебного года добились очень многого: большинство уже было расселено по более подходящим домам и общежитиям. Что касается студенческих организаций, то рабфаковцы уже составляли в некоторых до $^1/_2$ всего состава.

Вот краткие и далеко не полные воспоминания о жизни и деятельности Рабфака в 1921 и 1922 учебных годах.

4-я группа II курса (общественная).

В заключение должен сказать, что у меня о Рабфаке остались самые лучшие воспоминания. Рабфаковская среда отличается той особенностью, что там человек очень быстро привыкает к коллективному труду, как в умственной работе, так и в обыденной жизни. А приобретение такого качества в наше время должно считаться большой ценностью.

В. Малявкин.

Через рабфаки идем в ВУЗ не для звания, а для знания.

На восьмом году Октябрьской революции мы, тимирязевцы, празднуем пятилетний юбилей существования нашего Рабфака. Пять лет. Срок немалый, если примем во внимание три года беспрерывной борьбы с внутренней и внешней контр-революцией. Ведь большой процент рабфаковцев смог притти учиться после того, как дал отпор врагам.

Генералы: Духонин, Каледин, Корнилов, Краснов, Колчак, Врангель и прочая свора, вот кто помешал нам праздновать семилетний юбилей. Не февральская революция принесла трудящимся раскрепощение от классового гнета в области просвещения, а это раскрепощение дал нам Октябрь.

Теперь рабочие и крестьяне через Рабфаки идут в ВУЗ'ы. Мировой Октябрь даст эту возможность остальной трудовой массе земного шара.

Разве мало говорил Ильич о значении образования для трудящихся? Разве мало уделял и уделяет этому делу ЦК РКП (б), ВЦИК, ЦИК СССР, парт-С'езды, С'езды советов?

Возьмем декрет Совнаркома от 1919 года о ликвидации безграмотности. Припомним, что это за год был.

Взглянем на резолюцию X с'езда советов по докладу тов. Луначарского. Вот что там говорится в девятом пункте: «с'езд с удовлетворением констатирует достигнутые Наркомпросом успехи в деле привлечения в высшую школу рабочих и крестьян, для которых в царское время высшая школа фактически была закрыта.

Обязывая Наркомпрос и в предстоящем 1923 году при приеме держаться той же линии, с'езд подчеркивает особое значение рабочих факультетов и предлагает Наркомпросу и всем органам совласти всячески и всемерно развивать и укреплять их деятельность».

Теперь мы сопоставим циркуляр царского министра Делянова от 18 июня 1887 года, который таков: «гимназии и прогимназии освобождаются от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому под. людей».

Кому же теперь неясно, что средняя и высшая школа были доступны только для детей буржуазии, дворян, помещиков?

Владимир Ильич, делая доклад на четвертом конгрессе Коминтерна о нашем госаппарате, сказал: «придется работать в течение нескольких лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым темпом, может быть слишком быстрым. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся может быть слишком быстро, но во всяком случае работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат».

Тов. Ленина среди нас уже нет, но его слова оправдываются, и плоды есть.

Ведь, правда, срок три года пребывания на Рабфаке—небольшой, но при настойчивости, энергии, желании, сознательном отношении к учебе—достаточный. Рабфаковцы знают, что Рабфак не старая школа, не гимназия, где побыл 8 лет, получил аттестат и, пользуясь своим положением, поступил в высшую школу. Не для звания завоевываем

мы ВУЗ, а для знаний, чтоб быть теми работниками, о которых упоминает Ильич.

Буржуазия и ее прихлебатели кричат, что рабфаковцы идут в ВУЗ неподготовленными. Нет, неправда, наш Рабфак нынешний год даст более 160 человек вполне подготовленных, а неподготовленные не пускаются в ВУЗ'ы. Пусть они, «сомневающиеся», прочитают приказ Главпрофобра об учебном отборе студентов на Рабфаке, где говорится, что за выпуск в 1925 году недостаточно подготовленных студентов ответственность будет возложена на президиум Рабфака и соответствующих преподавателей. Ясно или нет теперь, что кончаем Рабфаки для знаний и дальше продолжаем для того же. Поверьте уж нам, рабфаковцам, мы знаем, с чем пришли учиться и с чем идем в высшую школу. 8.000 рабфаковцев в этом году идут в ВУЗ и 10.000 мест еще предоставлено трудовому крестьянству, инвалидам красной Армии и флота, детям трудовой интеллигенции. Восемнадцать тысяч подготовленных товарищей в этом году придут в высшую школу! Разве это не армия?

Не потому воит буржуазия, что большевики разрушили культуру, школы, а потому-то и кричат в истерике, что видят уже созданное новое, крепкое, сильное.

До сих пор еще можно наблюдать надписи и воззвания против рабфаковцев и совласти в уборных,—значит, они ушли в подполье. Пусть пишут! Белогвардейцы за-границей, а враги рабфаковцев в уборных. Все писания, все воззвания останутся в Академии на память о глупости многих старых студентов и хороших их знаниях.

Через несколько дней мы кончаем Рабфак и идем в ВУЗ'ы.

Три года прошли упорной работы за книгой да плюс общественная работа. Через 4—5 лет мы должны явиться теми работниками, которых ждет наша свободная страна. Никто не должен забыть, что только ленинская партия открыла нам дорогу в ВУЗ. Пусть старая большевистская гвардия знает, что мы явимся теми, о которых сказал Ильич, способными в корне изменить наш аппарат.

Художеств. творчество студентов к юбилею.

Брынцев.

Что же это такое?

(Рассказ).

Вот это-то и носилось по деревне Лысый яр. В самом деле, что же это такое? На берегу у крутояра загоготали гуси. Вспорхнула стая воробьев с одинокого куста, от которого к востоку ползла тень; с дороги пронеслось хриплое, пьяное: «мать твою так», и что-то заклубилось в пыли.

Час. Другой. Из улицы в улицу, из дома в дом, из землянки в землянку, из уст в уста понеслось то испуганное, то задумчиво-любопытное, то радостное шептание.

3-я группа выпускного курса.

В ответ ему: «что же это такое?»

Бабка Анисья полезла на голландку за посудой и впопыхах с этим вопросом грохнулась на пол. Полетели черепки. Соседка Марфа, замесившая слишком круто хлебы, чтобы разбавить, вылила вместо воды чашку керосина в квашню.

«Ах, суводь те возьми!»—взвизгнула она, когда запах керосина защекотал нос.

Муж ее, Степан, надевал сапог, собираясь итти в «взаимопомощь» насчет сгнившей лодки, услышав бабий визг, с этим же вопросом, заторопился и стал напяливать на другую ногу самоварную трубу.

Он сплюнул, швырнул ее с досадой, упомянул имя председсовета Никифора рядом с его матерью и пустил по белу свету в самом отборном искреннем смысле.

А на второй улице Афанасий, у которого в самый день сыновой свадьбы поп Андрей стащил последнюю курицу, разводил руки, выслушивая маленького лупоглазого сынишку. Когда сынишка кончил, он глубоко вздохнул и проговорил, качая головой:

— Жалко Гришутку-то. Чего же наш Никифор за сукин сын такой об'явился! Нагорит ему. Ох, как нагорит!

Афанасий пошел на улицу. Пролезая сквозь калитки, он задел за запор карманом пиджака, дернул и располосовал порядочный клин.

4-я группа выпускного курса.

На той стороне улицы уже сошелся кружок мужиков. Мотая головой, руками и бородой, расплывался Сергей Конюков.

— Эфто Никифор. Эфто я его, вот до ноготков знаю. А надысь прилетает ко мне: «Ты, грит, Сергей Конюков, две лодки не имеешь право иметь, а то в кулаки зачислим». А сам эфто, сукин сын, знаю, какими делами занимается. С Петром Гвоздевым на паях работает— эфто в компании значит. Гвоздеву невыгодно, значит, чтобы мы из кабалы его вылезли. Вот он на его руку и эфто. А еще, эфто, знаем мы его, к дьяковой бабе похаживает, насквозь я его вижу до ноготков.

Улиц в Лысом яре—три. Все кривые. На каждом повороте там и сям кружки вот такие. И в каждом кружке один этот вопрос сверлит головы.

Из школы с ворохом газет вынырнул Антошка Зайчев. Он подозвал из кружка Степку Вихрастого и не останавливаясь бросил ему:— «Сзывай на собрание!».

Степка живо занырял по дворам, по калиткам, подбегал к кружкам и везде отрывисто:—Вопрос важный. Комсомольцы чтоб—все.

В одном из кружков бородастый Семен Окулов на минуту оторвался, когда известил Степка, и продолжал: «Гришутка-то, кхе, паренек наш. Когда казаки выбирали наши сети, он первый, можно сказать, первый... Кхе, Да и комсомольцы-то на ем держатся. Ребенком еще в работниках у Гвоздева... Да и теперь, кхе, школа на ем держится. Да и кхе, взаимопомощь наша на ем. Без него, как без рук, кхе, что и говорить».

Бабы и старухи, молча подперев руками подбородки, всхлипывали и шептали молитвы. Выслушивали каждого мужика, про себя жалели Гришутку и ругали Никифорова.

Только в одном доме, у попа Андрея, собравшаяся кучка хихикала и вздыхала. Гвоздев здесь утирал усы после каждой рюмки горькой и подумывал, подмигивая портрету попа:—Тек... тек, только бы не сорвалось дело. А хороша выручка от этого заведения-с. Монополечка-с... Кредит-с... Попадья ухмылялась и приговаривала: «Только б Максим Петровичу сошло бы, беды, коли без него!».

А Максим Петрович Никифоров сидел в сельсовете за столом под вывеской «председатель» и клевал носом.

В руке его скомкана газета. Под столом валялась разбитая бутылка от русской горькой. По полу пестрели отношения из волисполкома. На стеклах окон жужжали мухи, а за ними по временам охотился делопроизводитель.

— «Брр... брр..» пробурчал Максим Петрович, когда делопроизводитель, после увлекательной охоты, стал исписывать своей надписью пятый лист бумаги.

Последний насторожился и взглянул на Максима Петровича.

— Слушайте, Максим Петрович, Максим Петрович!

— Н-ну... протянул тот.

— Вы опять, Максим Петрович, носом в чернила попали!

Максим Петрович протянул рукавом по носу и больше размазал по щеке.

А по улицам, переулкам и на собрании в избе-читальне все еще разводили руками и продолжали спрашивать:

— Ну, как же это?

— В самом деле, как же?

Одна юркая комсомолка вскочила, подбежала, подбодрилась и, стараясь перекричать всех, проговорила:

— Да как же это? Чтобы председатель сельсовета, сын кулацкий, смел селькору Гришке расчаквасить нос?!

Козлов.

Штрихи из жизни Рабфака.

Утро. Солнце старается сквозь замерзшие окна красных корпусов заглянуть в комнаты рабфаковцев. В корпусах слышится: стук, скрип дверей, плескание воды. В одном корпусе с темной лестницы спускаются рабфаковцы с зубными щетками, мылом, полотенцами. Шутки, смех слышатся поминутно. Вот сверху спускается великан с большой бритой головой в халате на голое тело. Навстречу ему поднимается низкого роста светлорусый парень. Великан высоким тенором приветствует его, как в опере: «здравствуй Ми-итя». «Ну, грядет Погудин», говорят в умывальне. «Он опять только в халате?» спрашивают рабфаковки и, получив утвердительный ответ, стрелой вылетают из умывальни. Он уже моется в «адамовом костюме». «Чорт знает, чего они бегут. Боятся естественного вида человека. Вот дикари», говорит великан, глубокомысленно улыбаясь. Моются быстро.

Захлопали чайники, журчит из куба кипяток. Пьют чай. В комнате, где четыре койки оставляют небольшое пространство, около стола, на котором лежит хлеб и чайник, сидят четверо, держа в руке кружки.

«Что у нас сегодня?» спрашивает высокий, с большой копной русых волос парень. «Ведь тебе вчера говорили вечером, можно запомнить» говорит один, а все остальные смотрят на него улыбаясь.

«Я в последний раз». «Математика, физика, ботаника», «собщают ему «А кто у вас по ботанике?», спрашивает черный, как жук, парень, «Сахаров». Ну и чудак он. Дашь ему вопрос а он: «ну зачем вам знать, все равно забудете». Я ему задал вопрос о влажности зерна, он говорит: «вот посмотрю в книжке, тогда скажу»—говорит другой. Перспектива не из привлекательных. Учись, учись, а все равно знать ничего не будешь.

«Ни черта, знаем кое-что», сказал парень с рассеянным взглядом. «В тебе можно не сомневаться, ты по математике бежишь впереди группы».

«Ребята, время итти», вмешался парень, до этого молчавший. «Посмотри, имеется движение пролетариата на дворе». Парень подскочил к единственному окну. Бегом бегут. Время. «Скорей идем». Все быстро допивают кипяток. «А со стола убрать»,—крикнул один. «После...».

Забрали тетради, и комната опустела.

На дворе видны редкие фигуры. Все большим размашистым шагом идут к воротам.

Все столпились у трамвая. Набиваются, как сельди. «Ну, сокращай, сокращай, еще немного», кричат у трамвая. «Ну еще на одну треть». Кондуктор дает звонок и трамвай, облепленный рабфаковцами, уползает от оживленного пункта. В общежитии тихо. Выходят не торопясь основники.

День приближается к концу. Солнце приближается к закату. Лучи его и не мыслят пробраться в комнату рабфаковцев. Трамвай по-

одиночке привозит ребят. Они приходят в комнаты, и начинается стук заслонок, шипенье щепок. Через несколько минут в печи горит ярким пламенем сосна, разливая смолистый запах.

Медленно собираются рабфаковцы. «Где ты долго был?». «На собрании профсекции». «А я на групповом собрании». Собрались в восемь, в большой светлой комнате. На землю давно уже спустились покровы ясной зимней ночи.

«Ну, давайте заниматься чаепитьем, потом нужно посвятить время разработке расширенного пленума Коминтерна», проговорил широкоплечий коренастый парень лет 27. Большие карие глаза смотрели спокойным анализирующим взглядом. Все уселись за крохотным столом. Пили медленно, много. «Как-нибудь метод чтения нужно изменить»,

5-я гр. III курса (выпускная) на занятии по химии.

вставил шустренький паренек в синей домашней рубахе, с голубыми как васильки, глазами. «Так, давайте тогда распределим роли и сделаем инсценировку. Ты, Митя, будешь председательствующий Зиновьев»... начал коренастый уже приступать к организации.

«Да мы сами выберем роли. Зашумели все». «Я Бухарин; я Семар, я Галлахер». Вот странная фамилия Галлахер.

Напились. «Дежурный, убери со стола и примемся за дело», отдавал распоряжение коренастый. Синяя рубаха стала читать речь Галлахера. После окончания все аплодировали. «Да ведь здесь не написано, что аплодисменты», недоумевающе проворчала синяя блуза.

В коридоре звонок. «Эй, идите на кружок», выглянула в дверь кудлатая голова.

«Вот тебе и заседание, вали на кружок», проговорил коренастый. Стали собираться. «А ведь хорошо, если б вот в деревне устраивали такие инсценировки, конечно, не все речи, а самое существенное», предложил один.

«Мы, это предложим шефкомиссии», заметил другой, спускаясь с лестницы за ним.

«Мы—красная кавалерия и про нас...»

В большом с низким сводом зале, освещенном 50-свечевой лампочкой, собрались человек 25. Все разбились по группам. Часть любителей музыки и пения собралась около рояли, под звуки темневшего музыканта-рабфаковца пели революционные песни. Другая часть тут же обсуждала вопрос о выборе профессий.

«Вот говорят, что рабфаковцы бегут из академии, а почему—не об'ясняют. Сейчас у нас движение к социально-экономическим наукам. А разве экфак может удовлетворить рабфаковца, желающего работать по экономике. Ведь из тебя не агроном и не экономист не выйдет. Так, клочки знаний», говорил худощавый, с большим румянцем на щеках парень.

6-я группа (выпускная).

«Ну, извините пожайлуста. Нам не нужно отвлеченных экономистов. Нужно, чтобы экономист имел технический базис. В деревне нужно не разговаривать, а перестраивать. А если ты кончишь экфак, будешь это уметь... Ты просто оторвался от деревни. В деревне нужно иметь работников больше чем где, а вы этой работой пренебрегаете. А вернее она вас пугает. Перевести деревню от мелкого производства к крупному—задача трудная. Да», спокойно доказывал высокий парень в кожухе и в круглой кавказской шапке.

«Ребята, давайте начинать. Эй, вы, музыканты, будет брякать», призывал к порядку руководитель. Все собрались. Тема кружка—1905 год. Разбирали позиции тов. Троцкого. Почти все высказывались наперебой, после часового обстоятельного доклада руководитель задал несколько вопросов, и занятия кончились.

Ясная морозная ночь. Луна играла своими лучами на белом ковре снега, покрывая его изумрудами. Из клуба выходили не все сразу. Последними вышли двое.

«А я всегда думал, что крестьянство такой роли, как сегодня говорили, не играет», сказал один.

«Вот здесь и ошибка Троцкого. Он не учитывал того, что если мы с крестьянством не войдем в союз, наша революция могла бы быть погублена. Буржуазия не дура, она сейчас же взяла бы крестьянство к себе», говорил высокий в кожухе.

«Ну, положим, она дура, да и большая», проворчал первый.

К ним навстречу подходили двое.

«А, Степан, здорово. Где это ты был?». «В театре», отвечал тот. «Как это вы всегда успеваете брать билеты!». «А вот узнай». Кожух, сложив губы трубкой, шепнул ему. «Узнаешь!», проговорил он вслух. Тот засмеялся, все вошли в корпус.

Тихо. В одной комнате за другой гаснет свет. В некоторых, склонив над книгой головы, занимаются ребята. В светлой комнате, у доски, на которой что-то нарисовано, парень об'ясняет двум другим. Глаза у них непослушно слипаются, пробегают пальцы по глазам. Встали, начали раздеваться. Тихо. Только, как отдаленный рокот бушующего моря, слышится смолкающий шум Москвы.

Последние огни в общежитии гаснут, но через несколько минут появляются в других комнатах. В окнах двигаются тени.

Привет Рабфаку.

Когда шестая часть земли
От взрыва глухо содрогалась,
И в окровавленной пыли
В боях иная жизнь рождалась,
Мы были там.
Когда изглоданный кусок
Ржаной с овсяною мякиной
Делил в боях уставший полк,
На час бивак в селе раскинув,
Мы были там.
Когда наш строй серпомолотный
Штыками вымел СССР,
Когда измученный, голодный
К свободе охранял он дверь,
Мы были там.
Когда охрипшие гудки,
Скрипя, вопили о подмоге
И поржавевшие станки
Твердили новую тревогу,
Мы были там.
Когда забытые поля,
Устав, кивали сорняками,
И мерин вновь заковылял
С плужком черневшими клинками,
Мы были там.

Процокотали пулеметы,
Пробухали броневики.
Уже без выстрелов рассветы
Встречали красные штыки.
А что же там?
Там, по голодному простору,
По полям славных СССР,
Где люд барахтается в море
Преданий, страхов, богов, вер
Что ж там теперь?
Но не терпел горячий мозг,
Искал тропу другой атаки,
И у станков и средь берез
О школе думал... о Рабфаке:
Все мысли там.
Шагал ли ровной бороздою,
Точил болты, шлифуя, вал,
В ночном коня братал уздою,
В кружке с докладом выступал,
А мысли там.
Коль время есть, не будем мешкать.
Ни дня на отдых, в новый фронт!
Довольно быть пустою пешкой...
Крутой к науке поворот.
Теперь туда

Пришли, и темными задами,
Построив твердое карре,
Упорно двигались рядами
И окопались во дворе.
Не без труда.
Брюзжала старая Петровка:
Тулупный запах раздражал,
Но наш отряд богат сноровкой,
Наш ум года опережал.
Мы шли вперед.
А те, кто сладкими речами
Народ всегда боготворил,
Кто томы исписал ночами
Про волю, волю кто сулил,—
Теперь молчат.
И только часть шагнула смело
Навстречу лапотным рядам.
Вихрами овладев умело,
Дала науку по складам.
Светлел наш брат.
Так мы корявыми руками,
Года ощупывая, шли.
Рабфак готов. И снова скамьи
Поток сермяжников залил.
Вперед, вперед!
Звено в завод, звено в деревню.
Звено на ВУЗ, равненье, марш!..
Атаки план рассчитан верно.
ВУЗ, год за годом, шире наш.
Вот пятый год.
И все растут, учась, крепчают
Когда-то серые ряды,
И цель научную венчают
Учебы пышные плоды.
Года идут.
Но тверже поступь трудовая,
Встречает ласковее ВУЗ.
Здесь сердцевина боевая
Срослась с тулупов да из блуз.
Нет прежних пут.
Здесь вечный памятник науки—
Учитель, человек, борец,
Своей идеей, как порукой,
Украсил ВУЗ'овский венец.
Не умер он.
Климент Аркадьич Тимирязев,
Чье имя каждый сохранил,
Давно он истину «заразу»
В умы бесправно заронил.
Она жива.
И в том, кто трудными годами
Прошел суровый свой Рабфак,
И в том, кто жадными летами
Вкусил его научный злак.
Бледны слова.
Их годы, взятые с боями,
Сумеют ярче показать.
Да мы, воюя с пустырями,
Работой будем вспоминать
Твои слова.
Прошло пять лет... Мы далеко
От первой линии окопов,
И многие из нас легко
Уже обогатились пробой.
А мы идем.
Идем туда, где нет врагов,
Где труд наукой не поруган,
Где средь полей, в коврах лугов
Наука будет лучшим другом.
Вот наш девиз.

В. Васильченко.

СПРАВОЧНЫЙ.

О приемных испытаниях для поступающих на Рабфак ТСХА в 1925/26 учебном году.

Все вновь поступающие на Рабфак будут подвергнуты приемным испытаниям.

Поступающие на I курс должны будут сдать испытания по политграмоте, русскому яз. и арифметике.

По политграмоте экзаменующиеся должны иметь знания в об'еме нижеследующей программы:

ПРОГРАММА ПО ПОЛИТГРАМОТЕ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

Пролетариат и буржуазия. Почему пролетариат ведет борьбу с буржуазией. Какой класс является господствующим у нас и в других капиталистически-развитых странах. Диктатура пролетариата. Конечная цель рабочего класса. Главное отличие коммунистического общества от капиталистического. Главный союзник пролетариата в борьбе за социализм. На всех ли крестьян может рассчитывать пролетариат—бедняк, середняк, кулак. Пролетариат, крестьянство и коммунистическая партия.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ И ПЕРВИЧНЫЕ ЕЕ ОРГАНЫ.

Как избираются советы. Избирательные права граждан. Связь депутатов с избирателями. Что означают РСФСР и СССР. Как организован Союз ССР. Роль коммунистической партии в государственном управлении. Государство и его органы—местные и центральные. Религиозная и национальная политика советской власти. Деревенская политика советской власти в настоящее время. Главнейшие постановления центральных органов советской власти в последнее время в отношении деревни. Разбор отдельных глав конституции по подлиннику с устными пояснениями глав.

ПРОФСОЮЗЫ.

Как организованы и построены в СССР профсоюзы. Первичные их ячейки, уездные, губернские и всероссийские органы. Отношение профсоюзов к политборьбе, партии, государству. Кто может быть и не может

быть членом союза. Основные задачи фабзавкомов и месткомов в разные моменты пролетарской диктатуры. Роль союзов в борьбе за советскую власть. Роль союзов в хозяйственной жизни, стачках прежде и теперь у нас и за границей. Как могут рабочие СССР улучшить свое положение через союзы у нас и за границей. Культурно-просветительная работа профсоюзов.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР.

Национализация промышленности. Частная собственность на фабрики и заводы в России до революции. Частная собственность в буржуазных странах теперь. Состояние нашей промышленности во время империалистической и гражданской войн. Новая экономическая политика в промышленности. Государственная и частная промышленность СССР. Аренда промышленных предприятий. Какие знаете вы у нас тресты и синдикаты и чем они занимаются? Городская мелкая промышленность и деревенская кустарная промышленность. Промысловая кооперация. Органы регулирования промышленности.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР.

Кто владел землей до Октябрьской революции и кто ее тогда обрабатывал. Общинное землепользование, хутора, отруба. Национализация земли в СССР. Формы землепользования в настоящее время в СССР. Совхозы, коммуны, артели. Сельско-хозяйственная и кредитная кооперация и ее роль. Гражданская война и сельское хозяйство. Новая экономическая политика и рост сельского хозяйства. Продразверстка, продналог, сельско-хозяйственный налог. Смычка промышленности и сельского хозяйства. Вывоз хлеба и других продуктов сель. хоз. за границу.

ТОРГОВЛЯ В СССР.

Государственная, кооперативная и частная торговля. Роль торговли в смычке рабочего с крестьянином. Что такое «ножницы» и причины их образования. Причины слабого развития потребительской кооперации в деревне. Нужно ли вести борьбу с частным торговцем. Способы этой борьбы. Органы, регулирующие внутреннюю торговлю. Почему у нас монополизирована внешняя торговля. Что мы вывозим за границу и что привозим. СССР и буржуазные страны прежде и теперь. Признание СССР буржуазными странами.

ПОСОБИЯ:—**Коваленко** «Политграмота» и текст конституции СССР.

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ поступающие, во-первых, должны обнаружить вполне удовлетворительные навыки в технике чтения. Чтение должно быть ясное, отчетливое, достаточно беглое и толковое с необходимыми остановками на основных знаках препинания. Для чтения будет предложен популярный материал из газет и литературно-художественный, повествовательного характера из хрестоматии «Освобожденный труд» или «Красный сказ».

Во-вторых, по прочтении данного материала, каждый поступающий должен суметь понятным языком передать самую сущность прочитанного и путем краткой беседы с преподавателем по поводу прочитанного обнаружить более или менее достаточное общее развитие. В-третьих,—все поступающие на первый курс не более как в продолжение академического часа должны написать письменную работу на предложенную тему, которая будет взята из знакомой для них области, близкой к их личной трудовой и общественной жизни.

Данная работа должна обнаружить уменье пишущего в краткой форме, в виде законченных простых предложений, с логической последовательностью выражать письменно свои мысли и, кроме того, эта работа должна показать знакомство пишущего с элеметарными орфографическими и синтаксическими правилами, как то: употребление прописной буквы, точки. Письмо должно быть без грубых описок, без пропуска букв и искажения слов.

ПО АРИФМЕТИКЕ поступающие должны: 1) хорошо знать нумерацию; 2) уметь отчетливо производить 4 арифметические действия над целыми числами любой величины; 3) знать беглый устный счет; 4) знать русские меры веса и длины; 5) уметь решать задачи на время. Кроме того, каждому экзаменующемуся будет предложено решить несложную задачу и об'яснить ее решение.

Поступающие на II курс должны будут сдать испытания по русскому яз., математике, политграмоте, истории классовой борьбы, биологии, географии и черчению.

По русскому языку они должны будут написать работу на литературно-общественную тему с соблюдением всех основных требований орфографии. Кроме того, они должны обнаружить знакомство с некоторыми литературными произведениями, указанными в программе для I курса рабфаков из жизни рабочих, крестьян и из эпохи революционного движения и уменье более или менее правильно разбираться в них со стороны их идейного содержания. Наконец, они будут проверены со стороны усвоения грамматического материала в об'еме I курса (фонетика и морфология).

ПО МАТЕМАТИКЕ поступающие на II курс должны знать программу I курса за исключением разложения выражений на множители, алгебраических дробей, систем 2-х уравнений I степени с 2-мя неизвестными.

По политграмоте руководством может служить Бердников и Светлов—I курс политграмоты.

По остальным предметам испытания будут производиться в об'еме существующих программ для I курса Рабфаков.

III курс приема не будет.

ПРИЕМНЫЕ ИСПЫТАНИЯ НАЧНУТСЯ 20 августа.

ПРАВИЛА ПРИЕМА НА РАБОЧИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ В 1925 ГОДУ.

1. На Рабочие факультеты РСФСР принимаются лица не моложе 18 лет и не старше 30 лет, твердо знающие четыре арифметических действия над целыми числами, умеющие удовлетворительно выражать свои мысли в письменной и устной форме и обладающие общей политической подготовкой в об'еме элементарной программы по политграмоте.

Примечание. В исключительных случаях с разрешения Главпрофобра принимаются и лица старше этого возраста, но не старше 35 лет.

2. На Рабочие факультеты принимаются:

а) Лица, по своему происхождению принадлежащие к рабочим и крестьянам, проработавшие непосредственно перед поступлением на Рабфак в качестве наемных рабочих физического труда в промышленных, транспортных и сельско-хозяйственных предприятиях в возрасте,

От 18 до 20 лет, не менее . . . . . 3 лет
„ 20 „ 25 „ „ „ . . . . . 4 „
„ 25 „ 30 „ „ „ . . . . . 6 „

б) Земледельцы, занимавшиеся непосредственно перед поступлением на Рабфак земледельческим трудом без эксплоатации чужого труда, принимаются на тех же основаниях, как и лица, указанные в пункте «а» § 2.

Примечание 1. Для земледельцев, поступающих из волостей, необходима рекомендация Волисполкома.

Примечание 2. Рабочим и крестьянам, временно порвавшим связь с производством, вследствие призыва в ряды Красной армии, пребывание в последней зачисляется, как стаж физического труда.

Примечание 3. Рабочим, не имеющим стажа в размере, указанном в п. «а», не работавшим в качестве земледельцев до поступления на промышленное или транспортное предприятие, зачитывается стаж физического труда в сельском хозяйстве.

в) Члены РКП из рабочих и крестьян, не работавшие непосредственно перед поступлением на Рабфак в предприятиях, принимаются на Рабфак при наличии партстажа в возрасте:

От 18 до 20 лет . . . . . 2 года партстажа.
„ 20 „ 25 „ . . . . . 3 „ „
„ 25 „ 30 „ . . . . . 4 „ „

г) Члены РЛКСМ из рабочих и крестьян, не работавшие непосредственно перед поступлением на Рабфак в предприятиях, принимаются на Рабфаки при наличии стажа в Комсомоле:

От 18 до 20 лет, не менее . . . . . 3 лет
„ 20 „ 25 „ „ „ . . . . . 4 „

Примечание. Лица, указанные в пунктах «в» и «г», должны иметь не менее 2-летнего стажа физического труда в производстве или в сельском хозяйстве.

3. Все количество мест приема на Рабочие Факультеты распределяется следующим образом: 30% Центральному Комитету РКП (б) и ЦК РЛКСМ, 40% ВЦСПС и 30% трудовому крестьянству.

4. Срок приема устанавливается с 10 августа по 25 августа; начало занятий 1 сентября.

5. Не позже, чем за 3 месяца до приема Отдел Рабфаков Главпрофобра рассылает составленную на места разверстку мест на Рабфаках, как московских и ленинградских, так и провинциальных.

6. Для подготовительной работы и самого приема на каждом Рабфаке организуется с 1 июля мандатная комиссия, работающая под председательством заведующего Рабфаком и представителей от Губпрофсовета (или Упрофбюро), Губкома (или Укома РКИ), Губкома (или Укома) РЛКСМ и одного представителя профкома данного Рабфака.

Решения мандатной комиссии окончательны и обжалованию не подлежат.

7. Все поступающие подлежат медицинскому освидетельствованию.

8. Для проверки кандидатов с точки зрения их общеобразовательной и политической подготовки организуются при Рабфаках проверочные комиссии, работающие по инструкции Главпрофобра.

Структура сельско-хозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева.

ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ ФАКУЛЬТЕТОВ КАФЕДРЫ.

Физика	Химия	Ботаника	Биология	Землеустр. и геодезия	Научный социал.	Теоретич. экономика	Теория права и государ.
Ф	А	К	У	Л	Ь	Т	Ы

Агрономический				Сел.-хоз. инженерный					С.-х. экономии и политики		
Растениеводства	Огородничества и садоводства	Животноводства	Почвоведения и Агрохимии	Рыбохозяйства	Гидротехническо-мелиоративное	С.-х. машиноведения	Культуртехническое	Торфяное	Организации сел. хозяйства (Органа. агроном. мероприят.)	С.-х. предприятий	С.-х. кооперации
О	т	д	е	л	е	н	и	я			

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От редакции 3
Выдержка из доклада на 4-м с'езде Рабфаков—Вихирева 5

СТАТЬИ И ОТЧЕТЫ.

Краткая история организации Рабфака ТСХА и его достижения за 5 лет—Кувшинова 6
Через Рабфак в Академию и в С.-Х. производство—проф. Вильямс 16
Развитие учебного дела на Рабфаке—А. Стольгане. 22
Реформа организации учебной жизни на Рабфаке ТСХА в 1924/25 учебном году—Чирков 29
Студенческие организации и строительство Рабфака—Л. Попов 37
Академическая работа Студкома—Уколов 40
Партийная работа на Рабфаке—И. Богданов 43
Из жизни и работ кружка по работе в деревне—А. Водков и С. Миронов . . 45
О прохождении истории партии в 1924/25 г.—Голубев 49
Экономическая география на Рабочих Факультетах—Грацианский 52
Русский язык на Рабфаке—Уманский, А. 58
Математика на Рабфаке ТСХА—С. Соболев 65
О постановке преподавании химии на Рабфаках—Кульман, А. Г. 71
Пути сближения математики с физикой—Рындина. 75
Исследовательская работа студентов Рабфака в кабинете естествознания—Н. Властова 78

СТУДЕНЧЕСТВО ОБ УЧЕБНОЙ РАБОТЕ.

О Дальтон-плане на I курсе по русскому языку 86
„ математике 87
„ история I к. I гр. Рабфака ТСХА 88
О преподавании химии на Рабфаке—Чернавкин, Мазлова, Резник, Лепилов . 89

ЮБИЛЕЙНЫЙ ОТДЕЛ.

Наш привет. От Бюро Ячейки РКП(б) и Исполбюро Профсекций ТСХА. 93
Приветствие от президиума 95
Ответы профессоров 96
Протокол торжественного заседания. 97
Выдержки из речей ораторов 98
Страничка из недавнего прошлого—Анисимов. 103
Воспоминания 1921/22 года—Косилов. 104
Через Рабфаки идем в ВУЗ ни для звания, а для знания—Малявкин 107

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ К ЮБИЛЕЮ.

„Что-же это такое“ рассказ—Брынцев. 110
Штрихи из жизни Рабфака—Козлов 113
Привет Рабфаку - стихотв.—Васильченко. 116

СПРАВОЧНЫЙ.

О приемных испытаниях для поступающих на Рабфак ТСХА в 1925/26 г. . . . 118
Правила приема 121
О структуре Академии 122